

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»**

ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

**Актуальные проблемы германистики,
романистики и русистики**

Часть I

МАТЕРИАЛЫ

ежегодной международной научной конференции
30-31 января 2015 года
г. Екатеринбург, Россия

Екатеринбург 2015

УДК 81(06)

ББК Ш12/8

А 43

Под редакцией:
Доктора педагогических наук, профессора
Н.Н. Сергеевой

Научный редактор:
Кандидат педагогических наук, доцент
Е.Е. Горшкова

А 43

Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 30-31 января 2015 г. [Текст] / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – Ч. I. – 184 с.

Сборник включает доклады участников конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики», организованной кафедрой профессионально-ориентированного языкового образования ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» 30-31 января 2015 г.

Для студентов, аспирантов и преподавателей филологических и лингвистических специальностей высших учебных заведений.

ISSN

УДК 81(06)

ББК Ш12/8

А 43

© Институт иностранных языков, 2015
© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2015

Содержание

Сопоставительная лингвистика, терминология, фразеология и исследования в области языковых систем 6

Василенко А.П. Экстралингвистическая природа фразеогенеза (на примере русского и французского языков) 6

Гаврилова Н.В. Синонимия и вариантность в экономической и финансовой терминологии (на примере французских терминов-неологизмов)..... 10

Гузикова В.В. Отражение культурно-исторических связей стран и национальностей в идиомах английского языка..... 17

Гурова Ю.И. Морфологическая система глагола в ранненованглийском языке 23

Кантышева Н.Г. Лингвострановедческий словарь – лингвистический и энциклопедический аспекты 28

Кокорина Ю.Г. Особенности семантики слова «вещь» в естественном языке и научной терминологии..... 33

Колсанова О.В. Лакунарность как проблема перевода художественного текста..... 38

Лукин О.В. Лингвисторигра-фический статус теории частей речи..... 41

Нургалина Х.Б. Временное значение союзов 45

Телегина Е.В. Оценочный компонент семантики фразеологизмов с числительными один/one, два/two 49

Томберг О.В. Особенности репрезентации "внутреннего человека" в образе англосаксонского героя..... 57

Фаткулин Б. Г. Методы извлечения и компактного хранения китайско-русских терминологических соответствий в словарях, полученных с помощью языка программирования python..... 63

Федуленкова Т.Н. Оказиональное стилистическое преобразование фразеологических единиц..... 69

<i>Чайкисова А.В.</i> К вопросу о факторах, обуславливающих развитие форм Continuous в современном английском языке ...	74
Исследования в области когнитивной лингвистики, дискурса и стилистики	80
<i>Быкова Н.В.</i> Блоговая жизнь молодежи германии	80
<i>Девяткова М.И.</i> Образ Владимира Путина в карикатурах США и России	85
<i>Каган Е.Б., Соловьева А.С.</i> Метафорическая модель «Европейский союз – это больной организм» в российских и британских СМИ	92
<i>Кошкарова Н.Н.</i> Становление жанра «авторская статья» в российской политической коммуникации	97
<i>Никифорова М.В.</i> «Свои – чужие» в предвыборном дискурсе мэра г. Екатеринбурга Е. Ройзмана	102
<i>Рябова И.Ю.</i> Методики исследования метафорических номинаций личностных отношений в художественном дискурсе (на примере англоязычных интерпретаций романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»)	110
<i>Скоробогатова Т.И., Манаенко Е.А.</i> Культурно-исторический фон и языковые предпосылки, обусловившие формирование концепта «glamour / гламур» во французской лингвокультуре	121
<i>Уланович О.И., Карась О.М.</i> Прагматика сленговых выражений в стилизованной разговорной речи.....	129
Литературоведение и интерпретация текста	135
<i>Березовская А.С.</i> Функция ремарки в драматургии Бернарда Шоу	135
<i>Гладкова Е.А.</i> Der text als medium. Die literaturtheorie aus der rhetorischen perspektive	140
<i>Дзюба Е.В.</i> Методика изучения лексической категоризации ...	147

<i>Дмитриева О.А.</i> Феномен «старчество» в русской лингвокультуре	152
<i>Куприянычева Е.А., Мишланова С.Л.</i> Построение онтологии предметной области «война» на материале лексикографических источников	156
<i>Ловцова О.В.</i> Игровая природа заглавия пьесы м. равенхилла «citizenship»	164
<i>Мезенцева Т.А.</i> Формирование текстовых экспрессивности и эмотивности в переводных текстах романов ч. диккенса.....	169
<i>Чигирин Е.А.</i> Концепт «судьба» в поэзии М. Цветаевой и его отражение в переводах на немецкий язык	175

Сопоставительная лингвистика, терминология, фразеология и исследования в области языковых систем

УДК 811.161.1:811.133.1'373

Василенко А.П.

Брянск, Россия

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ФРАЗЕОГЕНЕЗА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. Фразеологизм – это результат языковой материализации жизни людей. В этой связи выделяем лингвистический и экстралингвистический путь формирования устойчивых оборотов. Второй способ является наиболее интересным. Он отражает мифы, легенды, символы, ритуалы и т.п. из жизни общества.

Ключевые слова: лингвокультура, фразеологическая картина мира, фразеологизм, фразеогенез, миф, анимизм, фетишизм, архетип, легенда, символ, ритуал, эталон, стереотип, текстовая метафора.

Сведения об авторе: Василенко Анатолий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка.

Место работы: Брянский государственный университет.

Контактная информация: 241013, Брянск, ул. Медведева, д. 56, кв. 234; e-mail: a.p.vasilenko@mail.ru.

Vassilenko A.P.

Bryansk, Russia

EXTRALINGUISTIC NATURE OF IDIOM'S CREATION (BASED ON RUSSIAN AND FRENCH MATERIAL)

Abstract. Phraseological item can be interpreted as a result of materialization of people's life. In this regard, in creation of idioms there are linguistic and extralinguistic nature. The second one is the most interesting. It reflects myths, legends, symbols, standards, stereotypes, rituals and other things of national life.

Keywords: phraseological unit, linguaculture, idiom's creation, world-phraseological picture, text metaphor, ritual, myth, animism, fetishism, archetype, stereotype, standards, legend, symbol.

About the Author: Vassilenko Anatole Petrovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of French Language.

Place of employment: Bryansk State University.

Процесс образования фразеологизмов (фразеогенез) чаще всего протекает как метафоризация (например, [Телия 1996: 133]), однако не следует исключать и другие пути появления

© Василенко А.П., 2015

устойчивых структур в языке.

Фразеологизм – это, как правило, образ. Для всех знаков вторичной номинации (в том числе и фразеологизмов (ФЕ)) – это и буквальное прочтение образа, с одной стороны, и концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и пр., с другой, т.е. знаки национальной культуры [там же: 239 – 250].

Исходя из этого, можно выделить два основных пути возникновения ФЕ: *интралингвистический* (собственно языковой, как правило, тропы) и *экстралингвистический* (культурно-значимые сущности).

Среди двух основных путей фразеогенеза наиболее интересным представляется *экстралингвистический*, поскольку он раскрывает повседневную жизнь народа, который через язык (посредством фразеологизмов) запечатлевает свою непохожую на другие жизнь, давая ей своё собственное представление.

Причудливые образы формируют фразеологическую картину мира, а сами компоненты ФЕ иллюстрируют многочисленные факты культуры (об этом, например, [Баранов, Добровольский 2008], [Ковшова 2013]).

Остановимся подробнее на некоторых способах экстралингвистического фразеогенеза.

Миф – древняя форма познания и объяснения мира. Например, ФЕ *словно леший водит*. Леший – дух русского леса, вредит людям, проказничает и шутит. *Père Fouettard* (букв.: отец, который бьет кнутом) – вымышленный персонаж, которым пугают непослушных детей во Франции.

Анимизм и фетишизм. Анимизм – представление о том, что у животных, растений, предметов есть душа. Например, ФЕ: *свинья в ермолке, игра судьбы, путеводная звезда* и т.п.; во французском языке: *coup de fortune* (букв.: удары судьбы), *larmes de crocodile* (букв.: слезы крокодила). Фетишизм – почитание вещей как магически-божественных сущностей: *закон божий, запретный плод; calumet de paix* (букв.: индейская курительная трубка мира), *la semaine sainte* (букв.: страстная неделя), *terre promise* (букв.: земля обетованная (Израиль)) и др.

Архетип – аксиоматичный образ в двучленном противопоставлении: *с головы до пят* («верх – низ»), *злой язык* («добро – зло»); *maison céleste* (букв.: дом небесный) – рай («небо – зем-

ля»), *entre deux soleils* (букв.: между двумя солнцами) – от зари до зари («свет – тьма»).

Легенды – презентация того, что происходило в стародавние времена с неизбежной долей преувеличения упоминанием сверхъестественных возможностей персонажей. *Свистать как соловей-разбойник* – восходит к русской легенде о лесном чудовище, нападающем на путников и обладающем смертоносным свистом. *Pousser des cris de Mélusine* (букв.: издавать крики Мелюзины) – по одной французской легенде о девушке вида получеловека-полузмеи.

Символ – отвлеченный образ, который формируется в языковом сознании на основе суммированных представлений о фактах бытия. Например, *рука / bras* в русском *в руке божией* и французском *bras (main) de Dieu* (букв.: рука (кисть) Бога). *Рука* и *bras (main)* – реализует символьное значение ‘власть’.

Эталоны – сравнение свойств человека или предмета со свойствами к.-л. реалии: *медведь* – ‘неуклюжий’, *лиса* – ‘хитрый’, *собака* – ‘злой’, *cancre* (букв.: морской рак) – ‘скряга и лентяй’, *mâtin* (букв.: дворовая собака) – ‘грубиян и хват’.

Стереотип – ментальная окультуренная модель поведения. ФЕ *бить челом* – в Древней Руси челом (лбом) бились об пол, падая перед вельможами и царями в земных поклонах, что было признаком крайней степени уважения. *Combattre quelqu'un à armes courtoises* (букв.: сражаться с к.-л. галантным оружием) – ‘честно бороться с к.-л.’. Основой образа послужили средневековые рыцарские турниры.

Ритуалы – совокупность ситуативных действий человека, воплощающая к.-л. представления или традиции, культурно-значимая последовательность действий. Ритуал всегда предполагает рефлексию относительно значимости его исполнения. *Преподнести хлеб-соль кому-л.* – при встрече почетных гостей русские люди преподносили хлеб и соль. *Entre la poire et le fromage* (букв.: между грушей и сыром) –гастрономический ритуал: после съеденных основных блюд, можно говорить и о делах. ФЕ связан с возникновением в средние века обычая есть сыр под конец обеда перед десертом.

Текстовые метафоры – известное авторское сравнение. *Танцевать от печки* – ФЕ восходит к роману В.А. Слепцова

«Хороший человек». Одного из персонажей в детстве учили танцевать от домашней печки. Когда в танце мальчик допускал ошибку, его снова возвращали на исходную позицию – к печке. *Cherchez la femme* (букв.: ищите женщину). Выражение стало известным благодаря А. Дюма-отцу и его «Могикане Парижа».

Итак, внутренняя форма является основой семантической мотивации и культурной коннотации ФЕ, определяет специфику ФЕ в языке. Специфика внутренней формы связана с такими факторами, как языковая картина мира, возможность оперировать тропоморфными средствами, этимология.

ФЕ образуется посредством формирования образа на основе исходного свободного сочетания слов, поэтому фразеогенез может быть *интралингвистическим* и *экстралингвистическим*.

Интралингвистическая природа фразеогенеза – собственно языковая. Она представлена преимущественно тропами (например, *олицетворение, гипербола, литота, метонимия, синекдоха, сравнение* и др.). Экстралингвистическая природа фразеогенеза – система знаковая, сложившаяся в результате культурно-исторического опыта нации и представленная *мифами, анимизмом, фетишизмом, архетипами, легендами, символами, эталонами, стереотипами, ритуалами, текстовой метафорой*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баранов А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
- Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. – М.: Либриком, 2013. – 456 с.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: монография. – М., 1996. – 284 с.

Гаврилова Н.В.

Екатеринбург, Россия

**СИНОНИМИЯ И
ВАРИАНТНОСТЬ В
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И
ФИНАНСОВОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ (НА
ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКИХ
ТЕРМИНОВ-НЕОЛОГИЗМОВ)**

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы семантической корреляции синонимии и вариантности на примере французских терминов-неологизмов. Проводится анализ словника французских неологизмов в области экономики и финансов (Vocabulaire de l'économie et des finances 2006). Репрезентируются результаты собственных наблюдений автора.

Ключевые слова: неологизм, термин, терминология, семантическая корреляция, синоним.

Сведения об авторе: Гаврилова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры делового иностранного языка.

Место работы: Уральский государственный экономический университет.

Контактная информация: 620219, г. Екатеринбург, ул. 8-е Марта, 62, к.454; e-mail: natalvik_2000@mail.ru.

Gavrilova N.V.

Ekaterinburg, Russia

**SYNONYMY AND VARIATION
IN ECONOMIC AND
FINANCIAL TERMINOLOGY
(CASE STUDY OF FRENCH
TERMS-NEOLOGISMS)**

Abstract. The article describes some questions of synonymy and variation between terms-neologisms in French. The author analyses the French neologisms from the Economics and Finance Glossary (Vocabulaire de l'économie et des finances 2006) and offers some results of the own investigations.

Keywords: neologism, term, terminology, semantic correlation, synonym.

About the Author: Gavrilova Natalya Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Business Foreign Languages.

Place of employment: Ural State University of Economics.

В эпоху всемирной глобализации наблюдается необходимость в создании терминологических ресурсов, в связи с чем, уделяется большое внимание терминологической деятельности, как в теоретическом, так и практическом плане. Ученые и про-

© Гаврилова Н.В., 2015

изводственники осознали тот факт, что от рациональной, точной, отработанной терминологии в значительной степени зависит успех их научной, технической, коммерческой и экономической деятельности.

На сегодняшний день доминирование англо-американского языка в современной науке и технике демонстрирует значительное превосходство английского в планетарном масштабе. Он стал *lingua franca* современного мира, то есть языком-посредником в международной коммуникации, как в коммерческой, так научной, технической и дипломатической (политической) деятельности [Гаврилова 2013: 236].

Однако во французском языке ведется интенсивная работа по снижению англо-американского влияния. С 1971 года благодаря вмешательству французского правительства в развитие лексики (создание специальных организаций, занимающихся проблемами терминологии и неологизации) начинается регламентирование и определение более эффективных путей регулирования терминологии. В свою очередь, в 1972 году в Министерстве экономики и финансов была основана первая Комиссия по вопросам терминологии и образования неологизмов в области экономики и финансов (далее: Комиссия), руководством которой изначально было одобрено шесть приказов о формировании «собственной» французской финансовой и экономической терминологии. В данных приказах Комиссия обязывает или советует использовать разработанные термины (более 250 терминологических единиц (ТЕ)) в официальных документах. Безусловно, основная цель работы вышеуказанного организма – вытеснение англо-американских заимствованных терминов из делового французского языка путем создания новых французских ТЕ.

В последующие годы работа Комиссии также заключалась в ежегодной публикации списков новых экономических и финансовых терминов в Официальной газете (*le Journal officiel*), которые в 2006 году послужили основой для издания словника неологизмов в области экономики и финансов (*Vocabulaire de l'économie et des finances 2006*). В данный словник было включено 617 терминов-неологизмов. Речь идет об ограниченном количестве экономических и финансовых терминов и их дефи-

ний, которые отсутствуют в общих словарях. Однако данную терминологию можно встретить, но с отличным смыслом от того, который она уже имеет в той или иной области употребления. Публикация этих терминов и дефиниций – это способ обогатить французский язык для облегчения понимания понятий часто плохо известных для широкой публики и расширить ее использование, за пределами профессионального круга, любым говорящим стремящимся выразиться на французском языке [Гаврилова 2013: 236].

Хотя речь идет о терминах специально созданных для определенной области знания, в ходе исследования словника были установлены семантические корреляции синонимии и вариантности между терминологическими единицами в следующих областях подъязыка экономики: *économie et gestion d'entreprise/ экономика и управление предприятиями*, *finances/ финансы*, *assurance/ страхование*, *économie générale/ общая экономика*, *économie sociale/ социальная экономика*.

Явление синонимии – естественный процесс [Красней 1975: 196], который в терминологиях реализуется, прежде всего, в ее семантической разновидности, со свойственными ей функциями замещения и уточнения, и является порождением разных источников формирования или разных способов образования [Даниленко 1976: 70]. Долгое время существовало мнение, что термины являются однозначными и не имеют синонимов, что им не присущи различные виды вариантности. В. М. Лейчик опроверг данное мнение в одном из своих докладов [Лейчик 1982].

С точки зрения З. И. Комаровой, наличие синонимических или дублетных отношений в терминсистемах объясняется следующими причинами: 1) термин как индикатор научного понятия, имея один инвариантный сигнификат, может выражать его по различным признакам. Если в семантике терминов обнаруживаются дифференциальные семы, то речь идет о синонимии; 2) стилистическая дифференциация в результате противопоставления устной и письменной форм функционирования терминов; 3) терминологическая контаминация, когда термины, пришедшие из разных наук, совпадают по денотату; 4) упорядоченность или неупорядоченность терминсистемы, в результате чего возни-

кают варианты нормативных и ненормативных терминов [Комарова 1990: 15-16].

В области «*économie et gestion d'entreprise/ экономика и управление предприятиями*» было установлено 15 синонимических рядов (32 ТЕ), в области «*finances/ финансы*» – семь синонимических рядов (14 ТЕ), в области «*assurance/ страхование*» – два синонимических ряда (4 ТЕ). В свою очередь, область «*économie sociale/ социальная экономика*» включает в себя одну синонимическую пару.

В данном исследовании синонимами будут называться «*термины, связываемые синонимической корреляцией*» [Кобозева 2007: 100]. В зависимости от того существует ли дифференциальный признак в значении термина или нет, выделяются разновидности синонимии или синонимов: 1) полной или частичной синонимии; 2) (экспрессивно-) стилистический [Новиков 1982; Комарова 1990; Кобозева 2007].

Рассмотрим более подробно вышеуказанные разновидности синонимии в исследуемом материале.

Корреляция полной (абсолютной) синонимии связывает между собой термины, которые не обнаруживают никаких семантических различий, то есть не различаются ни в денотативном, ни в сигнификативном, ни в парадигматическом, ни в синтаксическом плане. По мнению И. М. Кобозевой, «*п о л н а я с и н о н и м и я – явление редкое по причине избыточности кодирования одного и того же содержания разными формальными средствами*» [Кобозева 2007: 100].

Однако корреляция полной синонимии представлена в словнике 25 синонимическими рядами. Подобное явление объясняется работой Комиссии. Предложив один термин, и не дождавшись его ассимиляции, она создает новый термин, который оказывается конкурирующим по отношению к уже существующему термину.

В исследуемом словнике терминов-неологизмов корреляцию полной синонимии, а именно дублетов, можно продемонстрировать следующими случаями: *mercatique – marketing* (маркетинг), *économie en ligne – économie en réseau*

(виртуальная экономика, цифровая экономика, сетевая экономика).

Корреляция частичной (относительной) синонимии связывает между собой термины, которые обнаруживают какие-либо семантические различия. Данный вид семантической корреляции представлен слабо (один синонимический ряд: *savoir-faire – compétence – expérience* (ноу-хау)).

Корреляция стилистической синонимии представляет отношения между двумя терминами, означаемые которых совпадают со всем, кроме экспрессивно-оценочных элементов их прагматического слоя. Этот вид корреляции отсутствует в корпусе исследуемой терминологии.

Нельзя обойти стороной такое явление, как вариантность, поскольку данное отношение является одной из отличительных характеристик терминов-неологизмов в словнике. Исследуемые термины-неологизмы, которые обладают свойством вариантности, характеризуются тождественностью значения во всех случаях своего употребления в речи, о чем свидетельствует возможность их взаимозамены независимо от контекста. Было выявлено всего 60 ТЕ, представленных вариантами, в рассматриваемых областях (в области «*économie et gestion d'entreprise/ экономика и управление предприятиями*» – 39 ТЕ, в области «*finances/ финансы*» – 18 ТЕ, в области «*assurance/ страхование*» – две ТЕ, в области «*économie générale/ общая экономика*» – одна ТЕ).

Не смотря на разнообразие видов вариантности (орфографическая вариантность, фонетико-орфографическая вариантность, количественная вариантность, морфологическая вариантность) обнаруживается только два вида: количественная и морфологическая вариантность.

Количественная вариантность – количественное изменение в составе терминов-неологизмов области экономики и финансов, которые в речи употребляются в неполном составе, так как один из компонентов составного термина имеет факультативный характер. Данным исследованием было установлено два вида количественных вариантов:

1) количественные варианты с факультативным компонентом в постпозиции относительно главного элемента терминологического словосочетания:

- в конечном положении (9 ТЕ). Например: *grappe d'entreprises – grappe* (объединение мелких предприятий на местном уровне); *avertissement sur les résultats – avertissement* (предупреждение о снижении прибыли); *bases de l'économie – bases* (фундаментальные факторы).

2) количественные варианты с факультативным компонентом в препозиции относительно главного элемента терминологического словосочетания. Данная вариантность представлена одним случаем (*contrat d'assurance vie universelle – vie universelle* (договор страхования жизни, в котором андеррайтер может в некоторых случаях изменить по своему желанию удельный вес накоплений и гарантий в случае смерти)).

Морфологическая вариантность, распадающаяся на подвиды:

а) морфологическая вариантность характеризуется, главным образом, разными грамматическими способами выражения второго определительного члена составного термина. Был выявлен только один случай.

- N+prép+ art déf +N/ N+ prép + N: *gouvernement de l'entreprise – gouvernement d'entreprise* (выстраивание корпоративных отношений).

б) морфологическая вариантность, характеризующаяся аббревиацией многосоставного термина по первой букве значимого слова. Данный способ широко представлен в исследуемой терминологии словника (49 ТЕ). Так, например: *accord à taux futur – ATF* (соглашение о будущей процентной ставке); *conditions internationales de vente – CIV* (инкотермы); *rendement des capitaux propres – RCP* (коэффициент рентабельности собственного капитала).

Итак, анализ материала словника неологизмов в области экономики и финансов (*Vocabulaire de l'économie et des finances 2006*) показал, что корреляция синонимии и вариантности присуща терминам-неологизмам. Однако полная синонимия проявляется бóльшим числом терминов. Данный факт можно объяснить тем, что исследуемые ТЕ были созданы

«искусственно» с учетом их ассимиляции, а также частоты их использования в области экономики и финансов.

В свою очередь, вариантность наиболее ярко представлена морфологической вариантностью, характеризующейся аббревиацией многосоставного термина от общего числа исследуемых терминов. Это связано с тем, что «использование аббревиации облегчает коммуникацию в профессиональных подъязыках» [Křečková 1997: 67].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гаврилова Н.В. К вопросу о неологизации: когда термин «marketing» заменяется термином «mercatique» // Актуальные проблемы лингвистики – германистики, романистики и русистики. – 2013. – С. 235-240.

Даниленко В.П. О месте научной терминологии в лексической системе языка // Вопросы языкознания. – 1976. – № 4. – С.64-71.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учеб. – 3-е изд. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с. – (Новый лингвистический учебник).

Комарова З.И. Русская отраслевая терминология и терминография: рекомендации по спец. курсу для студентов филол. ф-тов вузов. – Каменец-Подольский: Изд-во Каменец-Подольского инта, 1990. – 36 с.

Красней В.П. О специфике и анализе термина // Методы изучения лексики / А.Б. Супрун [и др.]. – Минск, 1975. – С. 186-200.

Křečková V. Les tendances de la néologie terminologique en français contemporain. Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity [Электронный ресурс]. – 1997. – URL: www.phil.muni.cz/rom/kreckova97.pdf.

Vocabulaire de l'économie et des finances: Enrichissement de la langue française. Termes, expressions et définitions publiés au Journal Officiel. – Paris: Ministère de la Culture et de la Communication, 2006. – 272 p.

Гузикова В.В.

Екатеринбург, Россия
**ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
СТРАН И
НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В
ИДИОМАХ АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА**

Аннотация. В статье рассматриваются культурно-исторические связи, содержащиеся в английских идиомах. Особое внимание автор уделяет происхождению национальных идиом, которые раскрывают особенности поведения людей разных национальностей.

Ключевые слова: *идиома, географическая идиоматика, культурно-национальные коннотации, политкорректность.*

Сведения об авторе: Гузикова Валентина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Уральский юридический институт МВД России.

Контактная информация: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66, к. 318; e-mail: guzikovav@mail.ru.

Guzikova V.V.

Ekaterinburg, Russia
**THE REFLECTION OF
CULTURAL AND
HISTORICAL TIES OF
COUNTRIES AND
NATIONALITIES IN ENGLISH
IDIOMS**

Abstract. The article deals with the cultural and historical ties of English idioms. The author pays particular attention to the origin of the national idiomatic expressions revealing behaviour peculiarities of people belonging to different nations and nationalities.

Keywords: *idiom, geographic study of idioms, cultural and national connotations, political correctness.*

About the Author: *Guzikova Valentina Victorovna*, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Ural Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia.

Интерес к географической идиоматике возрастает в связи с расширением контактов и глобализации, охватывающей весь мир. Язык, в частности, его фразеология, также отражает данные явления. Многочисленный фразеологический массив, содержащийся в словарях, включает исторически сложившие идиомы и устойчивые словосочетания с характеристиками национальных особенностей, что демонстрирует закреплённость человеческих представлений о людях разных национальностей.

© Гузикова В.В., 2015

Здесь мы сталкиваемся с проблемой стереотипов, используя которые, по мнению Л. Ф. Шитовой, «следует проявлять особую осторожность, не задевая чувств национальной гордости людей» [Шитова 2012: 3]. В каждой идиоме заключен некий так называемый «исторический интерьер», новые географические знания, которые необходимо постичь при использовании данного устойчивого выражения в своей речи. Уместно привести высказывание знаменитого французского географа Жана-Жака Элизе Реклю (1830-1905), который отмечал тесную связь географии и истории, а именно: «География – это история в пространстве, а история – это география во времени» (“Geography is the history of place, and history is the geography of time”).

Что такое идиома? В различных словарях можно найти различные толкования понятия «идиома»:

1. Идиома – это выражение, значение которого является непредсказуемым из обычных значений его компонентов или из общих грамматических правил языка. Данное значение не является составной частью более объемного выражения, обладающего подобными характеристиками. (Random House Dictionary: 2009).

2. Идиома – тип естественного способа говорения и написания при использовании своего собственного языка. (Longman Dictionary of Contemporary English: 2003).

3. Идиома – группа слов, которая обладает особым значением, отличным от значения каждого отдельного слова. (Longman Dictionary of Contemporary English: 2003).

4. Идиома – форма выражения, грамматическая конструкция, фраза и т.д., свойственная исключительно человеку или языку; фраза, понятная говорящему на особом языке, несмотря на то, что ее значение не выводится из значения отдельно взятых слов. (Oxford Talking Dictionary).

5. Идиома – это фраза, где слова вместе взятые, имеют значение, которое отличается от словарных дефиниций отдельных слов, что может затруднить понимание ESL студентов и слушателей (Dictionary of English idioms and idiomatic expressions: [www.usingenglish.com.reference/idioms](http://www.usingenglish.com/reference/idioms)).

Согласно Айфиллу Т. [Ifill 2002:78], идиомы – это “выражения, которые говорящий не может создать, зная только грам-

матику и словарный запас языка”. Дж. Сеид [Saeed 2003:60], говоря об идиоматике языка, отмечает, что идиомы – это “слова, расположенные вместе, оказываются закрепленными, становясь фиксированными с течением времени”. Вот почему идиомы рассматриваются как выражения, неразложимые на отдельные компоненты. Идиоматические выражения используются в широком многообразии контекстов и ситуациях. Их часто используют в разговорном языке, в ситуациях, начиная от дружественных бесед, до деловых встреч.

Особый интерес представляют национальные идиомы, приподнимающие завесу над особенностями поведения людей разных национальностей. Обратимся к некоторым идиомам и их происхождению, которые отражают различные языки и национальности:

1) **It’s all Greek to me** – тарабарщина, галиматья; сложный, непонятный язык. Используется при трудности понимания устной или письменной речи. Выражение из пьесы В. Шекспира «Юлий Цезарь»: “*I’ve tried reading the manual but it’s all Greek to me*”. Например: “I recently read this book on Metaphysics. I did not understand it, because *it was all Greek to me*”.

2) **Go Dutch** – каждый платит за себя, по своему счету в ресторане – популярно у студентов и работающей молодежи: “Rachel does not like her male companion to offer her dinner. She always prefers *to go Dutch*”.

3) **Chinese Whispers (UK)** – испорченный телефон (информация, каждый раз претерпевающая искажение при передаче ее другому лицу): “All this talk about the Prime Minister resigning is just *Chinese whispers*. There’s no truth in the rumour”.

4) **Talk for England** – способность вести разговоры в течение многих часов, болтать. Приведем пример использования данной идиомы в речи: “I’m so sorry I’m late. I couldn’t get away from Linda. She *can talk for England!*”

5) **Dutch Courage** – храбрость по-голландски, т.е. храбрость во хмелю, пьяная удаль. Возможно, восходит к голландской военной традиции пить алкоголь перед сражением: “He drank a glass of wine for *Dutch courage* before he went to see his employer about his pay rise”.

6) **Pardon My French (UK)** – извините за выражение! Предваряет употребление грубого слова: “*Pardon my French, but it was damned annoying!*” Употребленное в постпозиции, выражает шутовское сожаление о произнесенном грубом слове: “*The silly sod never turned up, pardon my French.*”

7) **A Mexican Standoff** – «мексиканский тупик / мертвая точка» (сленг): конфронтация, в которой ни одна из сторон не может одержать победу. В бытовом смысле это выражение рисует двух противников с пистолетами наготове. Ни одна из сторон не хочет стрелять первой, боясь ответного удара. Но и не опускает оружие из страха, что ее пристрелят. Ситуация вынуждает участников разрешить конфликт либо дипломатическим путем, либо сдачей, либо нанесением упреждающего удара. Выражение вошло в употребление во второй половине XIX века. Например: “*There appears to be a Mexican standoff as neither party can agree on the terms of the merger.*”

8) **Indian Summer (UK)** – золотая осень, бабье лето, поздняя любовь; счастливый период, наступающий в конце человеческой жизни. Буквально – позднее лето, длительный период теплой солнечной погоды в октябре. Такой сезон характерен для запада США, который населяли, в основном, индейцы, когда это выражение вошло в обиход. Например: “*After hardships and failures as a writer he enjoyed an Indian summer of his life.*” – После лишений и неудач на поприще писательской деятельности он наслаждался периодом успеха, выпавшем на его долю в конце жизни.

9) **Russian Roulette** – «русская рулетка»: очень опасный риск. Русская рулетка – это потенциально смертельная игра, когда используется револьвер, заряженный одним патроном в барабане. Каждый игрок крутит барабан, приставляя дуло к виску, и стреляет: “*I’m not willing to play Russian roulette with people’s lives by drinking and drinking.*”

10) **As American as apple pie** – американский как яблочный пирог, т.е. характерный для американского образа жизни и культуры: “*Rod thinks that having a gun in the house is as American as apple pie.*”

В любой культуре существуют вещи, явления или события, которые происходят, время от времени, а также имеются

идиомы, отражающие их содержание. ♦ На норвежском или чешском языках выражение “*walking around hot porridge*” относится к английской идиоме “*beating around the bush*”, которое также идиоматично, означающее ходить вокруг да около / говорить обиняками.

Если идет сильный дождь, то во многих культурах существуют интересные устойчивые выражения, характеризующие данное явление природы:

♦ В английском языке имеется идиома “*it’s raining cats and dogs*”. ♦ В Африке можно было бы сказать “*it’s raining old women with clubs*”. ♦ Многие языки содержат выражения “*rain coming out of a bucket*” со значением сильного ливня, льет как из ведра. ♦ В Норвегии говорят “*it’s raining female trolls*”. ♦ Ирландцы говорят “*it’s throwing cobblers knives*”.

Сравнивая идиомы разных языков и народов, можно выявить много интересного, как например: ♦ В финском языке выражение “*with long teeth*” означает, что вы занимаетесь тем, что на самом деле вам не нравится делать. ♦ Во французском языке идиома “*to have long teeth*” имеет значение быть честолюбивым. Ключом для понимания идиоматических выражений той или иной нации служит тщательное изучение фразеологического фонда рассматриваемых языков. Идиоматика играет в языке одну из самых важных ролей в силу своего семантического богатства, образности, колорита, лаконичности и яркости. Она придает устной и письменной речи плавность, оригинальность и изящество. Профессор А. В. Кунин, один из ведущих исследователей в данной области, называет фразеологию «сокровищницей языка». «Во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта... Английский фразеологический фонд – сложный конгломерат исконных и заимствованных фразеологизмов с явным преобладанием первых» [Кунин 1996: 5].

Таким образом, следует сказать, что, несмотря на сложность и многогранность значений и форм фразеологизмов и на наличие некоторых трудностей использования фразеологизмов в живой разговорной речи, они являются, скорее всего, самым ярким орудием выражения человеческих эмоций и чувств. Процентный состав фразеологизмов в языке тесно связан с показа-

телем развития культуры того или иного народа, так как фразеологизмы и их этимология являются выражением этой самой культуры. Традиции и обычаи считаются негласными основоположниками возникновения фразеологизмов в речи.

Национальные идиомы, представляющие интерес, способствуют лучшему пониманию специфических черт и особенностей поведения представителей различных национальностей. Тем не менее, следует заметить, что их применение требует от говорящего деликатности и такта, или как модно сейчас говорить, «политкорректность», чтобы не задеть чувства национальной гордости представителей данного народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
- Шитова Л.Ф. Carry Coals to Newcastle: 350 Geographical Idioms and More = Ехать в Тулу со своим самоваром: 350 географических идиом и не только. – СПб.: Антология, 2012. – 96 с.
- Шитова Л.Ф. 350 Idioms with Their Origin, or The Idiomatic Cake You Can Eat and Have It Too = 350 идиом и их происхождение, или как невинность соблюсти и капитал приобрести. – СПб.: Антология, 2011. – 160 с.
- Ifill T. Seeking the Nature of Idioms: A Study in Idiomatic Structure. – Haverford College, 2002.
- Saeed, J. I. Semantics. – Oxford: Blackwell, 2003.
- Dictionary of English idioms and idiomatic expressions [Electronic resource]. – URL: www.usingenglish.com/reference/idioms.
- Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. – URL: www.longman.com.
- Oxford Talking Dictionary. – Finkel D. – Learning Company Properties Inc., UK, 1998.
- Random House Dictionary [Electronic resource]. – URL: <http://dictionary.reference.com/browse/idiom>.

Гурова Ю.И.

Санкт-Петербург, Россия

**МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ
СИСТЕМА ГЛАГОЛА В
РАННЕОАНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ**

Аннотация. Статья посвящена диахроническому изучению глагольной лексики на примере комплексного анализа глагольных единиц, составляющих различные группы раннеоанглийского глагола.

Ключевые слова: диахроническое изучение, глагольные единицы, лингвистические показатели, сравнительно-исторический метод.

Gurova Y.I.

Saint-Petersburg, Russia

**THE MORPHOLOGICAL
SYSTEM OF THE EARLY
MODERN ENGLISH VERB**

Abstract. The article is devoted to the diachronic study of the morphological verbal system based on the example of the complex analysis of verbal units, which compose the different groups of the Early Modern English verb.

Keywords: diachronic study, verbal units, linguistic indicators, a comparative-historical method.

Сведения об авторе: Гурова Юлия Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка.

Место работы: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.

Контактная информация: 192238, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15; e-mail: gurovayulia@yandex.ru.

About the Author: Gurova Yulia Ivanovna, Candidate of Philology, Associated Professor of the Chair of the English Language.

Place of employment: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences.

Ранний новоанглийский период (далее рНА) следует за среднеанглийским (далее СА) периодом в конце XV в. и совпадает с правлением династии Тюдоров (1485–1603) и Стюартов (1603–1714). В конце периода отмечено религиозно-политическое урегулирование «Великой революции» (1688), переход в «Августовский век» (век классицизма в литературе и искусстве) во время правления королевы Анны (1702–14) и достижение политического единства Британских островов в соответствии с «Актом объединения» между Англией и Шотландией (1707).

© Гурова Ю.И., 2015

В Новоанглийский период происходит становление литературного национального языка на основе лондонского диалекта. С появлением печатных публикаций У. Кэкстона (первая печатная книга 1477 г.) остро встает проблема правильности языка. Постепенно лондонская норма становится литературной, но параллельно существуют и местные диалекты, только благодаря книгопечатанию они отходят на второй план, оставаясь в устной речи. В течение СА периода существовали многочисленные региональные диалекты в Англии и Шотландии. Благодаря этому рукописи СА языка, даже копии одной и той же работы («Cursor Mundi», XIII в.), отличаются лингвистически друг друга в большей или меньшей степени. В конце СА периода Лондон постепенно превратился в место администрации. Речь столицы приобретала социальный престиж, и письменные формы стали идентичными в официальных документах и литературе. Можно свободно говорить о становлении 'стандарта' английского общенационального языка в данный период. Однако, по сравнению с СА текстами, тексты рНА периода кажутся намного более однородными, т.к. литературный английский язык был основан на одном диалекте. В XVI в. начинают себя проявлять орфоэписты и грамматисты, которые стараются унифицировать и систематизировать английский язык. Что касается грамматики, то английский язык становится языком аналитического типа, в котором флексии практически отсутствуют. Рассмотрим некоторые из них.

В системе рНА глагола выделяются следующие морфологические классы: правильные (skate), неправильные (go, shine) и модальные (can, may, must) глаголы. Система личных глагольных форм характеризуется следующими грамматическими категориями: категория лица (1, 2, 3 (ограничено в использовании)), категория числа (ед.ч., мн.ч.), времени (настоящее, прошедшее, будущее), наклонения (изъявительное, повелительное, сослагательное, условное), залога (действительный, страдательный) и вида (общий, длительный (временной соотнесенности)). В настоящем времени окончания 2 лица уходят вместе с местоимением thou, окончание 3 лица остается –s (-th) сначала в разговорной речи примерно с XVII в., а в XVIII в. окончательно закрепляется –s (окончание северного диалекта).

В прошедшем времени отсутствует категория числа и лица. Форма сослагательного наклонения идентична с изъявительным наклонением, исключениями являются предложения с wish и форма were, используемая в ед. и мн. числе.

I have wished, as I am fond of art, To make my rooms a little smart
(Collected Poems of Thomas Hardy. London, 1998).

If even I were as in my boyhood, and could be (Anderson, P. B.
"Shelley's 'Ode to the West Wind' and Hardy's 'The Darkling Thrush'.
1982).

Сослагательное наклонение не могло постоянно совпадать и иметь идентичную форму выражения с изъявительным наклонением, поэтому в рНА период возникает необходимость либо просто пожертвовать данной категорией, либо найти новые способы выражения. Язык стал искать новые способы поддержания сослагательной формы, т.к. категория наклонения очень важна для развития аналитического языка.

Для образования формы прошедшего времени к основе слабого глагола настоящего времени присоединялось окончание -d, t, окончание -e выпадало.

В рНА период существовали неличные формы глагола формы: инфинитив, причастие I, причастие II, герундий.

Неличные формы глагола становятся не полностью, но вербальными формами. Инфинитив начинает называть действие и показывать его временной характер. В рНА период инфинитив используется с частицей to и не имеет окончания (sing – петь, have- иметь).

Причастие I оформляется с помощью основы глагола настоящего времени + суффикса -ing (singing – поющий), отглагольное существительное является полноправной частью речи (singing – пение).

Причастие II оформляется с помощью суффикса -d или третьей формы глагола (неправильный глагол made – сделанный). Форма причастия II имеет пассивное значение, например: chosen – выбранный.

Претерито-презентные глаголы сокращаются до минимума в рНА период, некоторые из них переходят в правильные (owed, dared), например:

shal – shold; may – might; can – could; owe – ought; dare; must

Некоторые глаголы *should, ought, might, must, could* лексикализировались и стали использоваться в настоящем времени (*should* сохранил свое значение в *Future-in-the Past*, *must, might* – при согласовании времен).

Четыре супплетивных глагола также имели собственное спряжение, которое сильно отличалось от всех остальных классов глаголов, например:

am, is, are; was, were // have, has

В целом, в рНА период сокращается количество сильных глаголов, но все же их остается больше, чем неправильных. Слабые глаголы увеличиваются в количестве, но процесс их формирования еще не полностью закончен, некоторые глаголы попадают под влияние сильных глаголов (*show-showed-shown*). Претерито-презентные глаголы сохранились пять из двенадцати, из них 4 – сохранили свое значение, 5 – приобрели значение настоящего времени (*should, ought, might, must, could*), 3 – приобрели новое значение, 2 стали правильными (*owe, dare*).

Таким образом, в рНА период глаголы были свойственны следующим морфологическим категориям: лицо (первое, второе, третье (ограничено в использовании)); число (единственное, множественное); время (настоящее, прошедшее, будущее), наклонение (изъявительное, повелительное, сослагательное, условное), залог (действительный, страдательный) и вид (общий, длительный (временной соотнесенности)).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гурова Ю.И. Многоаспектный анализ лексико-грамматического развития инфинитива с диахронной точки зрения // Отечественная и зарубежная литература в контексте изучения проблем языкознания: монография. – Краснодар: Премьер, 2012. – Книга 2. – С. 42-82.

Гурова Ю.И. Историческое развитие аналитических способов связи слов в английском предложении // Literature, language and culture influenced by globalisation / В.Т. Абишева, Н.Д. Бондаренко, Ю.И. Гурова [и др.]: монография. – Vienna: "East West" Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, 2014. – Vol. 2. – 240 с.

Кантышева Н.Г.

Тюмень, Россия

**ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ –
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Аннотация. Статья посвящена изучению лингвистического и энциклопедического аспектов в лингвострановедческом словаре.

Ключевые слова:

лингвострановедческий словарь, лексикография.

Kantyscheva N.G.

Tyumen, Russia

**DICTIONARY OF
CULTURAL STUDIES –
LINGUISTIC AND
ENCYCLOPEDIA ASPECTS**

Abstract. The article is devoted to the linguistic and encyclopedic aspects in the cultural studies dictionary.

Keywords: cultural studies dictionary, lexicography.

Сведения об авторе: Кантышева Надежда Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии. Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625000, г.Тюмень, ул. Семакова, 10-203; e-mail: nkantyscheva_@mail.ru.

About the Author: Kantyscheva Nadezda Gennadjevna, Candidate of Philology, Chair of German Philology.

Place of employment: Tyumen State University.

В современной лингвистике противопоставление «энциклопедические/лингвистические словари» является одним из главенствующих дифференцирующих оснований. Энциклопедические словари представляют собой научные или научно-популярные справочные издания с систематизированным сводом знаний в каких-либо областях. Традиционно считается, что лингвистический словарь описывает единицы языка и их употребление, а энциклопедия объясняет предметы, явления, процессы окружающей нас действительности, которые обозначаются словами. Это могут быть научные либо обиходные понятия, термины, исторические события, персоналии (известные исторические деятели, учёные, писатели, композиторы и др.), географические реалии и т.п. В.В.Дубичинский выделяет несколько частных различий лингвистических словарей и энциклопедий:

1. В словнике языкового словаря определённую часть составляют местоимения, предлоги, союзы, междометия и др., которые энциклопедии, как правило, не рассматривают; основным предметом описания энциклопедий являются имена собственные, явления, процессы.

2. В лингвистическом словаре немаловажную роль играет грамматическая, акцентологическая, этимологическая и др. языковая информация о слове, которую энциклопедии в принципе опускают.

3. Лингвистический словарь учитывает прагматический уровень употребления языковых единиц: приводятся стилистические, социальные (жаргон и т.п.), географические (диалект и т.п.) характеристики. Энциклопедии, как правило, такой информации не предоставляют.

4. В лингвистическом словаре порой используются графические иллюстрации или рисунки намекающего характера. Совершенно иного рода иллюстрации представлены в энциклопедиях – это диаграммы, схемы, карты, фотографии и т.п. [Дубичинский 2008: 73].

Лексикографы стремятся разрабатывать современные словари с учетом как можно большего числа практических потребностей пользователей. Результатом такого труда являются лингвострановедческие словари, которые занимают срединное положение между энциклопедическими и лингвистическими словарями. Такое «промежуточное» положение словаря объясняется тем, что они призваны способствовать изучению культуры и истории страны изучаемого языка через описание национально-культурных особенностей значений языковых единиц.

В качестве иллюстрации можно привести словарные статьи лингвострановедческих словарей Л.Г. Маркиной «Культура Германии» (2007), Д.Г. Мальцевой «Германия. Страна и язык» (2001).

Согласно классификации В.В. Дубичинского, представим характеристику указанных словарей:

1. Словарь Д.Г. Мальцевой «Германия. Страна и язык»

I. В зависимости от количества описываемых языков:

- двуязычный

II. По охвату лексики:

- словарь, включающий лексику «без ограничений»

(энциклопедический)

III. По объёму:

- большой или «полный»

IV. По оформлению и детализации информации:

- книгопечатный;
- однотомный

V. В зависимости от функциональной направленности:

- функционально-отраслевой: тематический словарь
- функционально-образный (описывает крылатые слова, выражения и реалии)

VI. Согласно порядку подачи лексического материала

- идеографический

VII. С культурологической точки зрения:

- ономастический (содержит имена, фамилии)
- страноведческий

IX. Учебные словари

- страноведческий
- фразеологический
- идеографический

2. Словарь Л.Г. Маркиной «Культура

Германии»

I. В зависимости от количества описываемых языков:

- двуязычный

II. По охвату лексики:

- словари, включающие лексику «без ограничений»

(энциклопедический)

III. По объёму:

- большой или «полный»

IV. По оформлению и детализации информации:

- книгопечатный;
- однотомный;
- иллюстративный

V. В зависимости от функциональной направленности:

- функционально-образный (описывает крылатые слова, выражения и реалии)

VI. Согласно порядку подачи лексического материала

- алфавитный

VII. С культурологической точки зрения:

- ономастический (содержит имена, фамилии)

- страноведческий

IX. Учебные словари

- страноведческий

- фразеологический

- иллюстративный.

Итак, мы определили, что для лингвострановедческого словаря свойственно двуязычие. Он включает «лексику без ограничений», т.е. носит энциклопедический характер. Кроме того, тип такого словаря описывает крылатые слова, выражения и реалии, а также содержит имена и фамилии. Лексический материал может быть представлен как в алфавитном порядке, так и распределен по темам. Рассмотрим подробнее структуру лингвострановедческих словарей:

Макроструктура немецко-русского лингвострановедческого словаря Д.Г. Мальцевой «Германия. Страна и язык» включает следующие составляющие:

1. Предисловие
2. Список использованной литературы
3. Условные сокращения
4. Словник (языковые единицы, распределённые по темам)
5. Предметно-именной указатель. Немецкая часть
6. Предметно-именной указатель. Русская часть
7. Оглавление.

Макроструктура лингвострановедческого словаря Л.Г. Маркиной «Культура Германии»:

1. Предисловие
2. Инструкция по использованию словаря
3. Пометы и условные обозначения
4. Список сокращений
5. Словник (языковые единицы в алфавитном порядке)
6. Приложение

7. Список использованной литературы.

Объединяющим элементом заявленных словарей является наполнение микроструктуры словаря. Словарная статья включает в себя:

- Заголовочную единицу.
- Семантизацию заголовочной единицы.
- Этимологические справки.
- Лексикографические пометы.
- Энциклопедическую информацию.
- Отсылки. Примечания.

Как показывают примеры, лингвострановедческий словарь представляет собой симбиоз лингвистических и энциклопедических аспектов.

Традиционно считается, что лингвистический словарь описывает единицы языка и их употребление, а энциклопедия объясняет предметы, явления, процессы окружающей нас действительности, которые обозначаются словами. Однако следует отметить, что в последнее время энциклопедичность лингвистических словарей увеличивается, а энциклопедии всё больше внимания уделяют языковой информации. Словарная статья энциклопедии может включать не только одну дефиницию, но также и другие сведения об описываемом понятии, зачастую указывается различное понимание понятия в разные исторические эпохи, разными научными направлениями, этимологические справки и другие сведения. Следует отметить, что существенную роль в энциклопедических словарях играют пометы и отсылки, которые расширяют объём информации, показывают взаимосвязь явлений и понятий.

Таким образом, лингвострановедческий словарь занимает срединное положение между энциклопедическим и лингвистическим словарем, что позволяет лексикографам включать в содержание как лингвистические, так и энциклопедические аспекты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дубичинский В.В. Лексикография русского языка. – М.: Наука: Флинта, 2008. – 432 с.

Кокорина Ю.Г.

Москва, Россия

**ОСОБЕННОСТИ
СЕМАНТИКИ СЛОВА
«ВЕЩЬ» В ЕСТЕСТВЕННОМ
ЯЗЫКЕ И НАУЧНОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ**

Kokorina J.G.

Moscow, Russia

**FEATURES OF SEMANTICS
OF THE WORD "THING" IN
THE NATURAL LANGUAGE
AND SCIENTIFIC
TERMINOLOGY**

Аннотация. Данная статья посвящена различным аспектам области значения термина «вещь» в современной науке, особенно в археологии. Результатом анализа разных сторон термина «вещь» является его определение для археологии.

Ключевые слова: термин, терминологизация, семантика, археологическая терминология, семиотика.

Abstract. This article is devoted various aspects of area of value of the term "thing" in a modern science, especially in archeology. Result of the analysis of the different features of the term "thing" is its definition for archeology.

Keywords: The term, the process of terminologization, semantics, archaeological terminology, semiotics.

Сведения об авторе: Кокорина Юлия Георгиевна, кандидат исторических наук, специалист по учебно-методической работе кафедры «Высшая школа реставрации»

Место работы: Российский государственный гуманитарный университет.

About the Author: Kokorina Julia Georgievna, Candidate of History, specialist in organization of teaching in Department "The Highest Restavration School"

Place of employment: Russian State University for the Humanities.

Контактная информация: e-mail: kokorina@inbox.ru.

Изучение особенностей области значения слов, которые в ходе процесса терминологизации переходят из естественных языков в языки для специальных целей (ЯСЦ), позволяет проследить формирование современной научной картины мира. Поэтому такое изучение представляется актуальным.

Особое место среди таких слов, ставших научными терминами, занимают термины *артефакт*, *предмет* и *вещь*. Тер-

мин *вещь* встречается в терминологии разных наук, поэтому ему необходимо уделить особое внимание. Термин *вещь*, так же, как и термин *артефакт*, принадлежит разным наукам и имеет собственную историю в философии, экономике, технике, дизайне, архитектуре, семиотике и др. Так, в философии *вещь* понимается как отдельный предмет материальной действительности, обладающий относительной независимостью и устойчивостью существования [Философский энциклопедический словарь 1983:80]. Советский философ А.И. Уемов трактует *вещь* как систему признаков – отображений объективно существующих качеств, посвятив специфике термина отдельные исследования [Уемов 1963; Уемов 1978:79-89]. В своей работе «Вещь и имя» [Лосев 1993: 802-881] А.Ф. Лосев излагает философские взгляды на функционирование языка, в том числе применительно к термину *вещь*, что было специально проанализировано А.Х. Султановым [Султанов 2007]. Философские и семиотические исследования последних лет показывают, что одни и те же *вещи* внутри разных систем ведут себя по-разному: кусок угля на склоне горы, в руке художника, в печи – это одна и та же, и, в то же время, три разные вещи [Кемеров 2004:104-105].

В языковедческих исследованиях «этимологически слово *вещь* связано, во-первых, с имуществом, богатством, а во-вторых, с коммуникативным действием, даже священнодействием, представляя способ предъявления темы спора, судебной речи, народного собрания» [Огурцов, Неретина 2007:406], а также со значением ‘слово’, ‘голос’ [Фасмер 2004 :309]. Появлению и эволюции значения слова *вещь* в древнерусском языке посвятил специальное исследование В.В. Колесов [Колесов 2004], отметивший, что в русский язык слово *вещь* проникает через переводные памятники письменности, причем отвлеченные понятия, выраженные в греческом языке разными словами (*род, дело, занятие, учение, судебный процесс*) «у славян как бы собирались в семантическом фокусе одного-единственного слова, образуя его функциональный синкретизм и вместе с тем отрывая от конкретности первоначального (буквального) перевода, “вынимая” его из контекста и образуя термин философского содержания» [Колесов 2004:540]. Другими словами, слово *вещь* в Древней Руси было связано с семантикой *дела* и *речи*, но, последователь-

но понижаясь в стилистическом ранге, приобрело значения 'имущество, товар' сначала в текстах конца XV в., а в XIX в. и в бытовой речи [Колесов 2004:546-547].

Цель исследования вещи в археологии в конечном итоге сводится к пониманию систем, в которые она входит и на основе которых реконструируется жизнь всего человеческого общества в древности. В 1925 г. классик отечественной археологической науки С.А. Жебелев дал развернутое определение вещи, высказав в нем отношение к ней археологов всех поколений: «Под вещественным памятником принято разуметь все произведения, исполненные человеческою рукою из более или менее прочного материала, поскольку в этих памятниках нашла свое отражение человеческая мысль, руководящая, при создании их, определенными сознательными потребностями: умственными, художественными, практическими и пр., – взятыми или порознь, или в совокупности. В ученом обиходе вещественные памятники противопоставляются обыкновенно письменным памятникам, хотя это противоположение и не может быть проведено со всею строгостью: имеется <...> разряд памятников – так называемые надписи – которые в равной мере можно отнести к памятникам как вещественным, так и письменным» [Жебелев 1995:37].

Схожее определение вещи находим у Л.С. Клейна: «“Вещь” в широком смысле – дискретный сгусток материальной субстанции – вещество в твердой фазе (т.е. в физическом смысле – твердое тело), сформированный или преобразованный культурными действиями людей. Под это определение подойдут не только артефакты в узком смысле, но и фрагменты, и сооружения» [Клейн 1991:373].

Нами предлагается следующее определение вещи: **«вещь (в археологии) – это портативный объект, изготовленный или использованный в археологическую эпоху (начиная с появления человека до XVII в. н.э.)»**. В данной дефиниции вне понятия *вещь* остаются постройки и элементы производства (заготовки, отходы и т.п.), а также различные вещества, изготовленные и использованные человеком в древности (например, порошок охры, которым обсыпали погребенного, остатки косметики при женских костяках и т.п.). Представляется справедливым выделение *артефакта* как более общего термина, вклю-

чающего *вещи* и *сооружения* [Клейн 1991:348], в частности, жилые *постройки*. Принципы конструктивно-морфологического подхода, используемые в вещеведении, а также в настоящей работе, применимы и к изучению последних, поэтому в нашем исследовании рассматривается и терминология построек. Другими словами, с учетом всех представленных выше оговорок, термин *вещь* используется как синоним термина *артефакт*.

Как говорилось ранее, вещь изучается различными дисциплинами и позволяет получить представление о разных системах. Так, А.К. Байбуриным было введено понятие *семиотического статуса вещи*, а перед этнологией поставлена задача его реконструкции [Байбурин 1989]. Та же задача стоит и перед археологом, которому, правда, для реконструкции семиотического статуса вещи не обойтись без дополнительной информации из письменных и археологических источников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 37. – 1981. – С.215-226.
- Жебелев С.А. Предмет археологии – изучение вещественных памятников прошлого // Антология советской археологии: в 3 т. Т. 1. 1917–1933. – М.: Институт археологии РАН, 1995. – С.37-42.
- Кемеров В.Е. Вещи // Современный философский словарь. – М.: Академический проект, 2004. – С. 104-105.
- Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ, Ленинградское отделение, 1991. – 447 с.
- Колесов В.В. Древнерусская вещь // Слово и дело. Из истории русских слов. – СПб., Изд-во СПб. ГУ, 2004. – С. 537-549.
- Лосев А.Ф. Вещь и имя // Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.
- Огурцов А.П., Неретина С.С. Вещь // Новая российская энциклопедия. – М.: Энциклопедия, ИНФРА-М, 2007. – С. 406-409.
- Султанов А.Х. Слово и термин. Прологомены к философии имени. – М.: РУДН, 2007. – 207 с.

Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения – М.: АН СССР, 1963. – 182 с.

Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. – М.: Астрель, 2004. – 588 с.

Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1983. – 840 с.

Колсанова О.В.

Альметьевск, Россия

**ЛАКУНАРНОСТЬ КАК
ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕКСТА**

Аннотация. В статье рассматривается явление лакунарности, ее природа и типология с точки зрения функционирования и проявления в переводе. Особое внимание уделяется проблеме лакунарности в сопоставительном аспекте, языковой картине мира и лексиконе языковой личности.

Ключевые слова: лакунарность, перевод, эквивалентность, фоновая информация, реалии.

Сведения об авторе: Колсанова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе.

Место работы: МАОУ-лицей №2.

Контактная информация: 423456, г. Альметьевск, ул. Чернышевского, 49, к. 7; e-mail: olgakpt@rambler.ru.

Kolsanova O.V.

Almetyevsk, Russia

**LACUNARITY AS A
PROBLEM OF LITERARY
WORKS TRANSLATION**

Abstract. The article reflects the phenomenon of lacunarity, its nature and typology in terms of functioning in translations. Particular attention is paid to the problem of lacunarity in comparative aspect, linguistic world image and the lexicon of the linguistic personality.

Keywords: lacunarity, translation, equivalence, background information, realities.

About the Author: Kolsanova Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Deputy Director.

Place of employment: Municipal Autonomous Institution of General Education – lyceum №2.

Семантические расхождения между языками отражают национальную специфику различного «мирообразования», уникальность культурного пласта народов. Язык, являясь зеркалом культурно-исторического, духовно-нравственного опыта каждого народа, отражает национально-культурологические, духовно-религиозные аспекты быта и жизнедеятельности. Лакунарность как проблема перевода всегда занимала и занимает весомое место в исследованиях ученых, являясь предметом многочисленных споров и дискуссий. Особое место занимает проблема пере-

© Колсанова О.В., 2015

вода художественного текста. Всякий язык живет в форме текстов. Текст можно рассматривать не только как коммуникативное образование, но и как форму существования человеческой культуры. В процессе межкультурной и межъязыковой коммуникации проявляется определенная несоизмеримость культур и языков в виде несовпадений тех или иных реалий и их языковых презентаций – лакун [Тамашева 1995: 8-9]. Верное понимание художественного текста зависит от знания культуры и истории народа, на языке которого создавалось литературное произведение. Ценности одной национальной общности, отсутствующие у другой вовсе или существенно отличающиеся от них, составляют национальный социокультурный фонд, который, так или иначе, находит свое отражение в языке. Изучение социокультурного фона и лексики, отражающей его, представляется необходимым в целях более полного и глубокого понимания оригинала и воспроизведения сведений об этих ценностях в переводе с помощью языка другой национальной культуры. Под эквивалентностью (адекватностью) в теории перевода понимают сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе. Эквивалентность перевода зависит также от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода. Критерии оценки перевода как результата переводческой деятельности очевидны из определения перевода как процесса. Очевидно, существуют предметы, специфичные для культуры и языка каждого народа. Слова *самовар (samovar)*, *лампада (lamp)*, *масленица (Butterweek)*, *телогрейка (body warmer)*, *дровни (flat sledge)*, *брючки (britskas)*, *фуфайка (underwaistcoat)*, *балалайка (balalaika)* прочно ассоциируется с русским бытом. В английском языке нет прямых эквивалентов, они являются лакунами, потому что не существует предметов и явлений этих понятий в английской реальности. Приведем пример из английского перевода романа А.С.Пушкина “Eugene Onegin”, представленного В.В.Набоковым: инвалид (англ. disabled soldier) – инвалид в языке начала XIX в. равнялось по содержанию современному «ветеран» [Лотман 1983: 170]. Набоков же использует в переводе понятие «нетрудоспособный, неработа-

ющий солдат», что не соответствует напрямую понятию «ветеран», обратимся к словарю Д.Н.Ушакова: «Ветеран – 1. Престарелый воин, солдат; 2. Человек, долго проработавший на каком-нибудь поприще». «*Страстей чужих язык мятежный, И нам он сердце шевелит. Так точно старый инвалид*» [Пушкин 1978: 35]. “*To the tumultuous language of another’s passions, and it excites our heart; exactly thus an old disabled soldier*” [Nabokov 1981: 134].

Культура не существует как единая общечеловеческая данность, а проявляется в форме многочисленных локальных разновидностей. Она выступает, прежде всего, как совокупность представлений о национально-специфических способах и формах жизнедеятельности какой-либо этнической общности. Язык со своим прямыми значениями как бы весь опрокинут в тему и идею художественного замысла. Таким образом, возникает семантическая двойственность художественного языка как результат столкновения объективной значимости слов и их субъективной смысловой направленностью [Брандес 2006: 114]. Лакунарность как проблема перевода художественного текста выступает одним из детерминантов нахождения способов элиминирования различных типов лакун, необходимостью выявления способов передачи всех коннотативных оттенков лакун, содержащих национально-специфические элементы культуры и языкового сознания носителей языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Брандес М.П. Предпереводческий анализ текста: уч. пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КДУ, 2006. – 240 с.
- Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий. – Л.: Просвещение, 1983. – 426 с.
- Пушкин А.С. Избранные сочинения. Т.2. – М.: Художественная литература, 1978. – 686 с.
- Томашева И.В. Эмотивная лакунарность художественной прозы: дис. ... к.фил.н. Волгоград, 1995. – 189 с.
- Nabokov V. Eugene Onegin. A novel in verse by Aleksander Pushkin. – New York: Princeton University Press, 1981. – 334 p.

Лукин О.В.

Ярославль, Россия

**ЛИНГВОИСТОРИОГРА-
ФИЧЕСКИЙ СТАТУС
ТЕОРИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ**

Аннотация. Автор статьи анализирует роль теории частей речи в истории лингвистических учений. В статье автор ставит вопрос о лингвоисториографическом статусе теории частей речи как одной из важнейших лингвистических теорий.

Ключевые слова: теория частей речи, лингвоисториографический статус, история языкознания, классификация, периоды.

Сведения об авторе: Лукин Олег Владимирович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка.

Место работы: Ярославский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 150003, г. Ярославль, пр. Ленина, д. 13/67, кв. 25; e-mail: oloukine@mail.ru.

Lukin O. V.

Yaroslavl, Russia

**PARTS OF SPEECH THEORY
AND ITS STATUS IN
LINGUISTIC
HISTORIOGRAPHY**

Abstract. The article reviews the role of the parts of speech theory in the history of linguistics. The author of the article attempts to define a status of the parts of speech theory in linguistic historiography as it is one of the most important linguistic doctrines.

Keywords: parts of speech theory, status in linguistic historiography, history of linguistics, classification, periods.

About the Author: Lukin Oleg Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Language Theory.

Place of employment: Yaroslavl State Pedagogical University.

Теория частей речи служила и служит объектом пристального внимания языковедов на протяжении всей истории того, что принято называть историей лингвистики. Для периодизации истории частеречных теорий исключительно важно не только вскрыть существующие системные отношения между различными частеречными построениями, но и установить место в этой системе различных лингвистических направлений и школ, классифицировать их. Как известно, противопоставление различных направлений и теорий языкознания в целях их классификации осуществляется по критериям, чаще всего не совпадающим у разных исследователей.

© Лукин О.В., 2015

Традиционную классификацию периодов истории языкознания: наука Древнего Востока, античность, средние века, эпоха Возрождения, XVII и XVIII вв., XIX столетие, современная наука, как принято считать, «... трудно опровергнуть, она удобна и вполне пригодна для утилитарных, в том числе учебных целей» [Будагов 1986: 22-23]). Периодизация истории языкознания строится по принципу подхода лингвистических школ к важнейшим вопросам языкознания. Вопрос о частях речи в течение многих столетий, как известно, был одним из центральных.

Классификация этапов истории языкознания, данная в известном учебнике Т.А. Амировой, Б.А. Ольховикова и Ю.В. Рождественского, исходит из положения, что «... картина языка, моделируемая лингвистикой, может создаваться исходя из разных отправных положений, разного эмпирического материала и может иметь разные сферы использования. В зависимости от этого будет меняться тип изображения языка, т. е. **тип языковой теории**» [Амирова, Ольховиков, Рождественский 2003: 16]. Типы изображения языка или типы языковой теории, несомненно, влияют на характер отражения феномена части речи учеными, представляющими эти периоды.

В этом смысле весьма показательным, что история частеречной проблематики – это не столько углубление в суть предмета исследования, сколько поиск и нахождение новых решений тех задач, которые ставили перед собою философия, языкознание и смежные науки. Первоначальные этапы развития частеречной проблематики, особенно становление восьмичленной номенклатуры частей речи (когда сначала были выделены имя и глагол, а из них выделялись прилагательное, местоимение, артикль, наречие и т. д.) служат чем-то вроде иллюстрации этапов процедуры исследования этой проблемы: постепенного вовлечения в орбиту исследовательских интересов все новых и новых критериев, попыток обосновать их релевантность для частеречной теории. Увеличение количества частей речи с двух у Платона, трех у Аристотеля до восьми у александрийцев и даже до нескольких десятков в некоторых современных теориях – не есть открытие новых элементов в природе языка, это дробление и перегруппировка давно найденных элементов в соответствии с актуальными запросами времени, потребностями социума и науки.

Интерпретация истории частеречной теории на фоне всей истории языкознания невозможна без осознания всей научной и общественной парадигмы, существовавшей в каждый из моментов ее развития. Философия всегда оказывала свое влияние на развитие теории частей речи, грамматисты черпали стимулирующие идеи из философских учений, хотя непосредственной производной от философских учений теория частей речи все-таки не была. Более того, принято считать, что некоторые философские категории, например, десять категорий Аристотеля суть отражение частеречного состава родного ему древнегреческого языка. Языковая детерминированность философских категорий и философская детерминированность языковых – вот тот заколдованный круг, из которого вплоть до настоящего времени по-настоящему не выходило большинство исследователей частей речи.

Пять периодов и два ведущих акцента, сменявших друг друга на протяжении этих периодов, которые Э. Косериу выделял в истории языкознания, тоже непосредственно связаны с историей частеречной теории. Периоды: (1) – от истоков до Ренессанса, (3) – 18 век и (5) – 20 век – Э. Косериу считает периодами с преобладанием теории и описания. Периоды: (2) – от Ренессанса до 18 века и (4) – 19 век ученый называет периодами сравнения и истории [Coseriu 1988: 14]. Такое представление истории языковедческой проблематики приводит к закономерному выводу, что современное языкознание едва ли не старше и традиционнее, чем само т. н. ”традиционное” языкознание [Coseriu 1988: 14]. В качестве доказательств данного положения Э. Косериу, в частности, приводит ряд примеров: различие между *signifiant* и *signifié*, приписываемое Ф. де Соссюру, началось уже у Аристотеля [Coseriu 1988: 15].

Приведенные выводы представляют неоспоримую ценность для теории частей речи: они содержат в себе положения, послужившие фоном для различных концепций теории частей речи. Философские взгляды, находившие свое отражение в общих лингвистических моделях, выкристаллизовывались впоследствии в частеречных построениях – системах частей речи разных языков, т. н. ”универсальных” теориях и их обоснованиях. Они объясняют существование того заколдованного круга, по которому движется вся частеречная проблематика, начиная с Платона. Даже самый факт повторения акцентов в лингвистических исследованиях говорит о многом. И, разумеется,

не случаен параллелизм между лингвистической проблематикой эпох от античности до Возрождения, восемнадцатого века и века двадцатого.

Схема Э. Косериу чрезвычайно важна для осознания внутренних механизмов развития истории языкознания и механизмов развития теории частей речи. То спиралевидное движение с регулярными повторениями на каждом новом витке, которое представляет собой развитие любой теории, для теории частей речи является наглядной моделью, но не моделью преодоления новым старого, а в известном смысле моделью возвращения на круги своя с некоторыми новыми акцентами, которые, подобно штукатурке, накладываются и накладываются на старый фасад, не только не меняя его глубинной сути, но и во многом закрывая её.

Ю.В. Рождественский различает шесть этапов в истории языкознания, которые можно назвать скорее концептуальными, нежели хронологическими. Это:

1. Теория именования в античной философии языка.
2. Античные грамматические традиции.
3. Универсальная грамматика.
4. Сравнительное языкознание.
5. Системное языкознание.

6. Структурная лингвистика [Амирова, Ольховиков, Рождественский 2003:16-17].

Хотя акцентированность частеречной проблематики здесь очевидно неравнозначна, ее представленность на всех этих этапах доказывает релевантность для всего развития науки о языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Амирова Т.А. История языкознания / Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский. – М.: Академия, 2003. – 672 с.
- Будагов Р.А. Чему нас учит история науки о языке? // НДВШ. Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 13-25.
- Coseriu E. Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft. – Tübingen: Franke (UTB für Wissenschaft: Uni-Taschenbücher; 1372), 1988. – 329 S.

Нурғалина Х.Б.

Сибай, Россия

**ВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ
СОЮЗОВ**

Аннотация. В статье рассматриваются союзы в структуре сложного предложения, которые специализированы на выражении относительных временных значений. Временные формы и союзы кооперируются в сфере одновременности-разновременности.

Ключевые слова: союз, время, действие, одновременность, разновременность.

Сведения об авторе: Нурғалина Халида Бариевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков. Место работы: Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета.

Контактная информация: 453838 Башкортостан, г. Сибай, проспект Горняков, 40, к.17; e-mail: halidanurgalina@mail.ru.

Nurgalina H. B.

Sibaj, Russia

**TEMPORARY MEANING OF
COJUNCTIONS**

Abstract. The article deals with conjunctions in the structure of complex sentences, which are specialized in expression of the relative temporary meanings. Temporary forms and conjunctions are cooperated in the field of simultaneity, time difference.

Keywords: conjunction, temporary, action, simultaneity, time difference.

About the Author: Nurgalina Halida Barievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Sibai Institute (branch) of Bashkir State University.

Союзы придаточных предложений времени (подчинительные союзы), а также союзы-наречия, соединяющие части сложносочиненного предложения (сочинительные союзы) имеют в немецком языке временное значение. И те, и другие специализированы на выражении относительных временных значений [Латыпова 2013:76]. Союзы расширяют и дифференцируют отношения одновременности и разновременности. С помощью подчинительных союзов *als, wenn, wie, sooft, solange* можно выразить «одновременность» действия, этим же значением обладают соединительные союзы *dabei, zugleich, und*. «Разновременность» действия можно выразить при помощи подчинительных союзов *als, kaum, dass, nachdem, bis, ehe, bevor, sobald* и сочинительных союзов и наречий *dann, darauf, endlich, nachher*. Все

союзы могут конкретизировать значение одновременности-разновременности в отношении порядка следования действий, длительности, краткости, повторности и др. Только союз *als* употребляется в том случае, когда действие происходит в прошлом. Союз *als* двузначен, выражая одновременность или разновременность действия: *Ich war zu Hause, als das Gewitter ausbrach*. Двузначность разрешается в контексте выбором временных форм, а иногда общим смыслом [Москальская 2004: 287]. Союз *während* кроме временного значения имеет и противительное значение, а союз *solange* – однозначный союз. Например: *Während sie den Artikel aus dem Deutschen ins Russische übersetzte, schlief ihr Kind im nächsten Zimmer. Solange er noch nicht verheiratet ist, kann er sich alles leisten*.

Союзы *sooft* и *wenn* выражают одновременность и повторяемость действия. Они отличаются только тем, что союз *sooft* однозначен, а *wenn* имеет несколько значений: условное, уступительное, противительное. Кроме того, *wenn* в сфере будущего времени может относиться и к однократному действию: *Wenn du nach so vielen Jahren heimkommst, wird das Kind dich nicht gleich erkennt*. Союз *sooft* передает многократность действия: *Sooft sie ein Geräusch hörte, fuhr sie auf*. Значения союзов одновременности должны быть обязательно подкреплены значениями временных форм, а именно употреблением одинаковых или близких по значению форм. Если значение временных форм противостоит значению союзов, то влияние временных форм оказывается сильнее [Нургалина 2014:133].

Союз *während* может быть использован при выражении разновременности, например, выражая предшествование. *Du beglückst mich, während ich dir immer die Wahrheit gesagt habe*. Союз *wenn* может выражать следование: *Wenn er heimkam, war sie schon fortgegangen*. Однако этот союз может терять повторность действия в сочетании с футурумом или футуральным презентом. Сочинительные союзы *dabei* и *zugleich* выражают одновременность действия, используются при желании усилить это значение или устранить двузначность временных форм. Например: *Er rauchte, dabei erzählte er von seiner Reise*.

Среди подчинительных союзов разновременности четыре союзы *nachdem*, *als*, *ehe*, *bevor* несут информацию только о по-

рядке следования действий. *Nachdem* и *als* указывают на предшествование действия придаточного предложения действию главного, а *ehe* и *bevor*, наоборот – на предшествование действия главного предложения действию придаточного, например: *Nachdem der Regen aufgehört hatte, fuhren wir aufs Land. Bevor (ehe) ich den Text übersetzte, hatte ich ihn laut vorgelesen.*

Союзы *sobald*, *kaum*, *dass*, *seitdem*, *bis* исполняют роль пограничного сигнала начала или окончания предела действия главного предложения. Союзы *seitdem*, *sobald*, *kaum*, *dass* обозначают «разновременность действия» и границу начала действия, союзы *sobald*, *kaum*, *dass* обозначают быстроту действия или моментальность.

Союз *bis* обозначает «разновременность» и «окончание действия»: *Ich habe Zeit, bis die Geschäfte schließen.* Часто с этими союзами в предложениях употребляются перфект или плюсквамперфект, обозначающие законченность действия в придаточном предложении как условие, определяющее длительность или начало наступления действия в главном. Выбор временных форм при союзах разновременности несколько свободнее, чем при союзах одновременности.

Сочинительные союзы-наречия разновременности беднее по своему содержанию, чем подчинительные союзы. Союзы *dann*, *darauf*, *endlich*, *bald-bald* и др. показывают последовательность действия. Для сочинительных союзов характерна большая свобода употребления временных форм. Ни один союз разновременности не требует обязательного употребления относительных временных форм. Сочинительные союзы по сравнению с подчинительными союзами обогащают сферу относительных временных значений «длительностью интервала» (*endlich*) и «многократным чередованием» (*bald-bald*).

Итак, союзы в структуре сложного предложения специализированы на выражении относительных временных значений. Временные формы и союзы кооперируются в сфере одновременности-разновременности [Шайхисламова 2012:1612]. Союзы уточняют одновременность как длительную, однократную или многократную, а при разновременности уточняют порядок следования действия, функционируя как сигналы начала и конца

действия. Однако без согласования с временными формами союзы функционировать не могут.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Москальская О. И. Грамматика немецкого языка. – М.: Академия, 2004. – 352 с.

Латыпова Р.М. Важный источник по лексике башкирского языка // Наука и образование в XXI веке: материалы международной научной конференции. – 2013. – С. 75-77.

Нургалина Х.Б. Фразеологические единицы высокого стилистического тона // Научно-практический журнал: грамота. – 2014. – С.132-135.

Шайхисламова З.Г. История изучения глаголов движения в разносистемных языках // Вестник Башкирского университета. – 2012. – № 3. – С. 1610-1614.

Телегина Е.В.

Екатеринбург, Россия
**ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ
СЕМАНТИКИ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С
ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ
ОДИН/ONE, ДВА/TWO**

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию фразеологической оценки. В работе представлены результаты сопоставительного анализа оценочного компонента семантики фразеологизмов с числительными *один/one, два/two*.

Ключевые слова: оценочный компонент, числительные *один/one, два/two*, фразеологизм, субъект/объект оценки.

Сведения об авторе: Телегина Елена Васильевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Место работы: ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Контактная информация: 620020, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, ауд. Т-616; e-mail: elenatel@mail.ru.

Оценочность является неотъемлемым качеством фразеологизмов. Это объясняется тем, что фразеологизмы тесно связаны с человеком, его восприятием мира и отношением к всевозможным явлениям действительности. По словам М.Л. Ковшовой, большинству фразеологизмов свойственно выражать ценностно-эмоциональное отношение к образно обозначаемой действительности [Ковшова 2013: 117].

Telegina E.V.

Ekaterinburg, Russia
**THE EVALUATIVE
COMPONENT OF THE
SEMANTICS OF THE
PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH ОДИН/ONE, ДВА/TWO**

Abstract. The article is devoted to the phraseological evaluation research. Some results of the comparative analysis of the evaluative component of the semantics of the phraseological units with *один/one, два/two* are given here.

Keywords: the evaluative component, cardinal numerals with *один/one, два/two*, phraseological unit, evaluation subject/object.

About the Author: Telegina Elena Vasilievna, senior lecturer of Foreign Languages Department.

Place of employment: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin».

© Телегина Е.В., 2015

Цель настоящего исследования состояла в выявлении специфики оценки фразеологизмов русского и английского языков. В качестве материала для сопоставительного исследования были выбраны фразеологические единицы (ФЕ) с числительными *один/one, два/two*.

Оценочный компонент в семантике фразеологизмов имеет объективно-субъективный статус: как категория языка, рациональная оценка («хорошо/плохо») связана с общепринятой в культуре системой ценностей, а, как категория речи, она определяется суждением коммуниканта, которое имеет форму модальной рамки [Ковшова 2013: 112]. Её обязательными элементами являются эксплицитный или имплицитный субъект оценки, объект оценки и оценочное отношение, которое включает знак оценки («хорошо/плохо») или норму оценки [Арутюнова 1988; Вольф 1985].

Субъектом оценки является лицо (или социум), с точки зрения которого дается оценка.

Приведем примеры:

– *Одной ногой в могиле, а все бы ей веки мазать*, – строго ответствовала дочь и протянула карандаш (Марина Палей. Кабирия с Обводного канала (1990)).

The two partners become one flesh (The Lion concise Bible handbook. Tring, Herts: Lion Publishing plc, 1990).

В русском высказывании субъектом отрицательной оценки является *дочь*, которая дает оценку внешнему виду другой женщины. Во втором примере субъект, который выражен имплицитно, положительно оценивает совместную деятельность партнеров (*become one flesh* – стать единым целым).

Объект оценки – это лицо, предмет или событие, к которым относится оценка.

Как показал анализ фразеологизмов с числовым компонентом *один/one, два/two*, объектами оценки, манифестируемой данными фразеологизмами, являются действие и поведение субъекта, его внешние черты и внутренние свойства, эмоционально-психологическое и физическое состояние, а также межсубъектные отношения.

Остановимся подробнее на специфике объекта оценки в русском и английском языках.

Общей чертой обоих языков можно считать то, что большинство фразеологизмов с числительными *один/one* манифестируют положительную оценку характера действия субъекта.

Проиллюстрируем примерами:

Сложные вопросы решал в один миг, и дела комбината под его руководством шли по ровной, чуть восходящей линии (Владимир Дудинцев. Не хлебом единым (1956)).

That means that they were designed to be viewed right through at one sitting (Teaching English with video. Allan, Margaret. Harlow: Longman Group UK Ltd, 1985).

Следует отметить, что многие ФЕ данной группы соотносятся с понятием времени, что подтверждает важность этой онтологической категории для человека.

В работах по фразеологической оценке (Графова 1988; Зайнульдинов 2005; Лескина 2009; Ковшова 2013; и др.) отмечается, что оценка во фразеологизме формируется в результате культурной интерпретации. Субъект оценки раскрывает свою культурную позицию относительно того, что происходит в мире.

Так, в следующем примере говорящий выражает ценностно-эмоциональное отношение к происходящему, раскрывая свою культурную позицию: не следует отождествлять всех и всё, не учитывая индивидуальных особенностей: *Личности человека никакого значения там не придавалось, мы росли как бы стриженные под одну гребёнку, мы не должны были отличаться друг от друга, а только послушно слушать директивы сверху во всём: как одеваться, как себя вести, как думать* (Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984-2001)).

Отличительной особенностью фразеологизмов русского языка является противопоставление *один – все, всё* (например, *валить всё в одну кучу, стричь всех под одну гребёнку*), что объясняет отрицательную оценочность данных фразеологизмов.

В семантике фразеологизмов английского языка мы отмечаем иное противопоставление – *one – another: one thing leads to another* (одно ведет к другому), *one time and another* (время от времени), *one thing and another* (и то, и сё) и др. В речи данные фразеологизмы часто манифестируют отрицательную оценку

действиям субъекта: *So he said I was very stubborn and that I'd be lucky to get my daughter back through drug addiction and **one thing and another***. (Insiders: women's experience of prison. London: Virago Press Ltd, 1988).

На наш взгляд, существующие оппозиции во фразеологии русского (*один – все*) и английского (*one – another*) языков могут быть объяснены с лингвокультурологической позиции. Согласно русскому мировосприятию, *один* (*я*) есть часть *всех* (*мы*), тогда как в англоязычной культуре человек склонен к индивидуализации.

Что касается фразеологизмов с числительным *два/two*, то они манифестируют, как правило, отрицательную оценку поведения субъекта. Оценочность фразеологизмов данной группы объясняется, прежде всего, символикой числа *два/two*, которое в языке реализует значение несовместимости, недостаточности или соперничества.

Приведем примеры:

...не может один политик сидеть сразу на двух стульях: быть и градоначальником, и председателем городской Думы [Анна Островская. Новый и.о. мэра Ставрополя – Николай Пальцев // Комсомольская правда, 2008.07.16].

*Now before you bet your penny or pound, here's the Central South Guide to the Grand National. Can any of our horses conquer the Aintree course, Beecher's Brook and all? The going will be heavy. John Edwards has **two bites of the cherry*** (Central News (03): TV news).

Проанализированный материал также показал, что объектами отрицательной оценки, эксплицируемой русскими ФЕ с числовым компонентом *один/два*, являются возраст, качества характера, внешность и интеллектуальные способности субъекта (*из одного теста, одним миром мазаны, два сапога – пара, от горика два верика*).

Приведем пример употребления:

*Они с нашим Корнеевым – **два сапога – пара**, оба без царя в голове* (Влада Валеева. Скорая помощь (2002)).

Оценочный компонент не существует сам по себе: значение ФЕ содержит указание на тот образ, который создает эмоциональное восприятие фразеологизма. Так, в примере образ

фразеологизма *два сапога – пара* создается вещественной метафорой, что, безусловно, вызывает пренебрежение, поскольку люди – не сапоги, и это ведет к отрицательной оценочности данного фразеологизма.

Следует отметить, что в речи фразеологизм *два сапога – пара* может восприниматься на фоне положительной оценки, сформированных в культуре представлений о том, что люди, проживающие долгое время вместе, становятся похожи друг на друга: *Если традиционная российская семья рассматривалась как единое целое (два сапога – пара), то сегодня не только мужья, но и жены хотят проявить себя как индивиды* (Фокина Нина. Двенадцать медовых месяцев // Труд-7, 2000.12.28).

Экспрессивно-оценочное значение русского фразеологизма *как две капли воды* и его аналога в английском языке *as like as two peas* содержит указание на образ, который связан с сравнением: *капли воды* в русском и *peas* (горох) в английском языке. Объект сравнения выступает объектом-прототипом положительной или неопределенной оценки.

Приведем примеры с положительной оценкой:

Зина была, как две капли воды, похожа на Зою: такая же золотистая, с большими красивыми глазами... (Виктор Кологрив. Медовый луг // «Мурзилка», 2002).

Mary Ann was saying: 'I'm very fond of your mother. We were always close as girls. As like as two peas. We didn't half get up to some mischief, I'll tell you. Little tinkers, we were' (. (The forest of the night. Kelly, Chris. Oxford: OUP, 1991).

Дискурсивное исследование показало, что для русских фразеологизмов, в отличие от фразеологизмов английского языка, характерна оценочная амбивалентность, то есть возможность реализовать в контексте противоположную оценочность.

В качестве примера рассмотрим фразеологизм русского языка *под одной крышей*, для которого характерна широкая семантика и оценочный «разброс»: *Это большая семья, где под одной крышей живут отец и мать, двое сыновей с детьми и две дочери, ещё незамужние* (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)).

В данном высказывании с помощью фразеологизма *под одной крышей* выражается положительное отношение к прожи-

ванию нескольких поколений в одном доме, как это было принято на Руси. Образ фразеологизма вызывает представление о таких ценностных категориях, как семья, дом.

В следующем контексте фразеологизм *под одной крышей* реализует негативные смыслы «непонимание», «отсутствие родственных связей»:... *Почесывая за мягким собачьим ухом, Василий Лукич думал, что тринадцать лет прожил с затем под одной крышей, а родственных чувств к нему не возникло* (Ольга Некрасова. Платит последний (2000)).

В обоих языках встречаются идиомы (*одна извилина и та пунктиром; one track mind*), которые манифестируют отрицательную оценку интеллектуальных способностей субъекта. Тропеическим основанием внутренней формы фразеологизмов является метонимия: *извилина / track mind* уподоблена мозгу (голове) человека. В соматическом коде культуры *голова* связана с представлением о пространстве, в котором совершается интеллектуальная деятельность [Гудков, Ковшова 2007: 174].

Отрицательная оценочность данных фразеологизмов обусловлена сочетанием слов-компонентов *извилина / track mind* и числительным *один/one* со значением единичности, что создает образ человека, не способного осмыслить простейшую ситуацию.

Проиллюстрируем примерами:

У него, знаете ли, одна извилина в голове, и та пунктиром... (Николай Коляда. Мурлин Мурло (1989)).

Then I grabbed my coat and went out.' I'm going out, Miss Hinkle. Probably shan't get back this evening, so I'll leave you to lock up when you're through." Shall I be able to reach you at 1027, Westminster Drive?' she asked.' You have a one track mind, Hinkle. If you really want to know I'm going to look through a corpse's personal effects (Murder forestalled. Chester, Peter. UK: Chivers Press, 1990).

В.А. Маслова отмечает, что отрицательная коннотация ФЕ с компонентом «голова» связана лишь с образом неразумного человека, большинство ФЕ с данным компонентом обладает позитивными коннотациями, что объясняется «наличием в менталитете русских людей архетипа «голова=солнце, божество» [Маслова 2007: 72].

В составе русского фразеологизма *одна голова хорошо, а две лучше* и его эквивалента в английском языке *two heads are better than one* числительное *один/one* является основой противопоставления *один-два/one-two*. Фразеологизм передает стереотипное представление о том, что два человека способны разобрататься в ситуации лучше, чем один, следовательно, манифестирует положительную оценку умственных возможностей человека.

- *Ладно, не горюй. Одна голова хорошо, а две лучше. Что-нибудь придумаем* (Булат Окуджава. Новенький как с иглолочки (1962)).

The use of experts should become part of the organisational culture – with emphasis on the building of expert teams if possible (i.e. ‘two heads are better than one’) (Organisational analysis. London: BPP Management Education Ltd, 1990).

Таким образом, в русском и английском языках большинство фразеологизмов с числовым компонентом *один/one, два/two* описывают действия и поведение человека, а также его внешние и внутренние свойства. Фразеологизмы с числительным *один/one*, которые соотносятся с понятием времени, манифестируют, как правило, положительную оценку характера действия субъекта. Что касается фразеологизмов с числовым компонентом *один/one, два/two* с оценкой качеств субъекта, то в большинстве своем они несут в себе негативные коннотации, употребляются с неодобрением, пренебрежением. Оценка во фразеологизме зависит от эмпатии носителя языка и его культурных установок. Оценочная амбивалентность является характерной особенностью фразеологии русского языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: события, оценка, факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 224 с.
- Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – 2-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 456 с.

Маслова В.А. Homo lingualis в культуре: монография. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – 2003-2015. – URL: www.ruscorpora.ru.

Британский национальный корпус [Электронный ресурс]. – University of Oxford, 2010. – URL: www.natcorp.ox.ac.uk.

Томберг О.В.

Екатеринбург, Россия

**ОСОБЕННОСТИ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
"ВНУТРЕННЕГО
ЧЕЛОВЕКА" В ОБРАЗЕ
АНГЛОСАКСОНСКОГО
ГЕРОЯ**

Аннотация. Статья посвящена изучению культурного концепта «внутренний человек» в англосаксонской поэтической лингвокультуре. Исследование проводится в имагологическом аспекте. В ходе исследования делаются выводы, что изучение «внутреннего человека» на примере ключевого образа эпохи выявляет различные аспекты осмысления эмоциональной и психологической сторон *homo heroicus* в различных жанровых репрезентациях.

Ключевые слова: *внутренний человек, концепт, художественный образ, концептуальное пространство.*

Сведения об авторе: Томберг Ольга Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и перевода

Место работы: Уральский федеральный университет.

Контактная информация: 620089, Екатеринбург, ул.Саввы Белых 1, кв. 57; e-mail: olgatomborg@yandex.ru.

Tomberg O.V.

Yekaterinburg, Russia

**"INNER MAN" IN
CONCEPTUAL SPACE OF THE
ARTISTIC IMAGE OF ANGLO-
SAXON HERO**

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the cultural concept "inner man" in Anglo-Saxon poetic culture. The research is made within an imagological framework. On the basis of the research the following conclusions are made: the cultural concept "inner man" is better perceived through the key artistic image of the period – the image of a hero. This image reveals "inner man" in a multi-lateral perspective based on different genre representations.

Keywords: *inner man, concept, artistic image, conceptual space.*

About the Author: Tomberg Olga Vitalievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages and Translation.

Place of employment: Ural Federal University

На современном этапе гуманитарные исследования имеют антропологический вектор, т.е. направлены на постижение, выявление и репрезентацию человека в его различных ипостасях:

homo ludens (Й. Хейзинга), *homo lingualis* (В. Маслова), *homo symbolicus* (Э. Кассирер), *homo politicus* (А. Панарин) и т.д. Данные наименования отражают онтологические, функциональные, деятельностные аспекты человека – *homo sapiens* – в мире и культуре. Концептуальной психологической трактовкой человека в его эмоциональной рефлексии на ситуации и вызовы окружающего мира является дихотомия «человек внешний (*homo externus*) vs человек внутренний (*homo internus*)», которая в античной философии решается примирительным образом: *externus est et internus; externus homo separatus ab interno est corpus, et sic mortuum*. Данная трактовка объединяет психологическую и биохевиоральную (деятельностную) стороны человеческой личности и нивелирует противоречия между ними, характерные для философии, литературы, психологии Новейшего времени. Литература как «язык культуры» (А.В.Михайлов) эксплицирует следующее: изучение различных культур выявляет различные периоды постижения человеческой сущности (внутреннего человека) и ее внешних манифестаций (внешнего человека) – от полного слияния (древние литературы, фольклор) до концептуальных расхождений (современная психологическая проза; литература модернизма). В современной литературе в авторском фокусе находятся мысли, чувства, эмоции персонажей, которые эксплицированы на сюжетно-композиционном, когнитивном и лингвистическом уровнях. В отличие от подобных «психологически открытых» форм литературы, древние литературы представляют собой принципиально иной способ раскрытия внутреннего человека. При этом релевантным является также жанровая вариативность данных репрезентаций: например, наиболее психологически «герметичными» являются эпические жанры, прежде всего – архаичный эпос, который, по мнению исследователей, относится к «психологически закрытым типам» литературы.

Следует отметить, что постижение внутреннего не трансцендентно англосаксонской культуре. Данный интерес объективирован наличием лингвокультурного концепта “*mod*” – «внутренний человек» (внутренний человек, духовное начало в противоположность человеку телесному, физическому): 1) *Mín heorte and mín mód mé for-léton, tó þám þæt ic mé nyste náenne réed*

*cor meum dereliquit me, Ps. Th. 39, 14; 2) ða ryhtæþelo biþ on ðam móde, næs on ðam flæsce, Bt. 30, 2; Fox 110, 19. 3) Ðone blindan ðe on lichoman wæs gehæled ge eác on móde, Blickl. Homl. 21, 10. [Bosworth & Toller] Дальнейшая деривационная эволюция данного концепта происходила по линии метонимических и метафорических переосмыслений, в результате чего семантическое поле концепта расширилось и пополнилось новыми значениями: **1) человек** *ðæt æðele mód (St. Andrew), Andr. Kmb. 2486; An. 1244: (St. Juliana), Exon. 68 b; Th. 255, 4; Jul. 209. Ðæt milde mód (St. Guthlac), 43 b; Th. 146, 17; Gú. 711; 2) душа, ум, сердце* *God biþ ðonne þearlwisra ðonne æfre ænig mód gewurde, Blickl. Homl. 95, 31; Módes heánes, Kent. Gl. 517; God onsende on ðara bróðra mód ðæt hí woldan his bán geniman, Bd. 4, 30; S. 608, 28. Bégan wé úre mód from ðære lufan ðisse worulde, Blickl. Homl. 57, 22; 3) храбрость, отвага* *Hé hæfde mód micel, Beo. Th. 2338; B. 1167. Woldon ellenrófes mód gemiltan, Andr. Kmb. 2785; An. 1395.b.; 4) гордыня, высокомерие: Ðæs engles mód, Cd. 1; Th. 3, 2; Gen. 29. Hyre mód ástáh, 101; Th. 134, 35; 5) величие* *Heriaþ hine æfter móde his mægenþrymnes, Ps. Th. 150, 2. Mycel mód and strang ðínes mægen-þrymnes, 144, 5. Ne mihton forhabban werestreámes mód Cd. 167; Th. 208, 24; Exod. 448 [Bosworth & Toller].**

Содержательным первоэлементом поэтической лингвокультуры, имеющим антропологический вектор, является художественный образ. Антропологическая мера выявляется на всех этапах создания, бытования и интерпретации художественного образа в культуре. Более того, образ *a priori* максимально приближен к психологии человека: Н.Д. Арутюнова, например, говорит о «незащищенности образа от эмоций» [Арутюнова 1999: 318] и о способности образа «проникнуть во внутренний мир человека» [Там же, 323]. Культура англосаксонского периода (V – XI вв. н.э.) вошла в историю как героическая эпоха, названная таким образом в соответствии с концептуальной доминантой этого периода. Семантика героизма утвердилась во всех сторонах жизни раннеанглийского общества, сформировала героический тип культуры и «адекватный ей героический образ личности и личностного поведения» [Плахов 2008: 9]. В функциональном отношении герой – это адекватный ответ на вызовы эпохи: постоянные набеги викингов – пассионариев (VII – XI

вв.), завоевание ими большой территории Британских островов (область Датского Права, Пятиградие), англо-скандинавские военные, социальные и культурные взаимоотношения. В этих условиях содержательным императивом героя является спасение общества от разрушительной энтропии, противление «хаосу». Наиболее эксплицитен в этом отношении эпический герой, представленный в англосаксонской поэтической традиции вождем гаутов Беовульфом.

Герой – синтетический образ-конструкт, который имеет персонажные и жанровые разновидности. Образ героя – это обобщенное понятие, которое включает в себя и эпического героя, и героя героических элегий. Жанровая природа эпоса не предполагает раскрытие внутреннего мира героя, поэтому в концептуальном пространстве образа эпического героя отсутствуют концепты внутреннего мира человека. Однако психология героя раскрывается иными способами. Во-первых, одним из наиболее частотных эпитетов, характеризующих героя, является эпитет *modig*: *Gæþ eft se þe mot to medo modig, sibþan morgenleoht* (Beo 603 – 604) ... *þæt wæs modig secg* (Beo 1812). Отношение к слову и со словом в древних литературах специфично: как подчеркивают исследователи, слово мыслилось как сущность, как творческое начало, отсюда тесная связь слова с этимоном, конституирующим его внутреннюю форму. (Михайлов 40) При этом «внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над остальными. Признак, выраженный словом, легко упрочивает свое преобладание над всеми остальными... [Потебня 1993: 101]. В этой связи прямые этимологические соответствия лексем *modig* и *mod* (внутренний человек) выявляют важные концептуальные связи-совпадения внутреннего и его внешних проявлений. Специфика архаичного фольклорного сознания предопределяет осмысление человеческой психики через внешние поступки и проявления. Мир фольклора экстравертен, человек в нем «не рассуждает, а действует, чувства свои проявляет вовне, и они овеществлены...» [Никитина 1999: 26]. В героическом эпосе данное деятельностное начало героя реализовано в максимальной степени, отсюда тесная слитость человека с событиями [Гуревич 1986: 165; Стеблин-Каменский 2003: 33].

Более эксплицитен «внутренний человек» в разработке образа элегического героя, что проявляется на все уровнях парадигматического развертывания текста. Прежде всего, сюжетно-мотивная специфика героических элегий предрасполагает к постижению психологии героя: в центре элегического повествования чувства воина, оставившего свою родину и обреченного на скитания (*eardstapa*), одинокий (*anhaga*) и печальный (*modsearig*). Жанровый хронотоп также подчеркивает угнетенность героя: все хорошее, что с ними было, отнесено к эпическому прошлому, настоящее же окрашено одиночеством и утратой всех социальных связей.

Данный психологический вектор повествования выявляется в художественной картине мира элегии: концептуальное пространство образа героя репрезентировано концептами «сердце», «душа», «горе», «тоска», «одиночество» – маркерами эмоционального состояния человека. Как указывает Е.А. Мельникова, «иной объект изображения – эмоциональный мир человека – требует и иных стилистических приемов» [Мельникова 1986: 120]. Глаголы действия – конститuentы образа эпического героя – уступили место глаголам восприятия в образе элегического героя, длинные пассажи с причастными оборотами выстраивают иную – психологическую, чувственную – доминанту образа. Параллелизм, параллельные ряды образов маркируют эмоциональное состояние героя и усиливают чувства тоски, одиночества и безысходности:

Calde geþrunge wæron mine fet,
forste gebunden caldum clommum,
þær þa ceare seofedun hat ymb heortan;
(The Seafarer 8 – 11)

Donne onwæcneð eft wineleas guma,
gesihð him biforan fealwe wegas,
baþian brimfuglas, brædan feþra,
hreosan hrim ond snaw hagle gemenged.
Þonne beoð þy hefigran heortan benne,
sare æfter swæsne. (The Wanderer 45 – 50)

Одним из лексико-стилистических способов интродукции образа эгегического героя являются поэтические композиты и сочетания с лексемой “*mod*” – ядром культурного концепта «внутренний человек»: *modcearig*, *modsefan*, *werig mod*, *modge maḡuḡegnas*, *modwlonc*, *modes fusne*, *strongum mode*.

Таким образом, «внутренний человек» является предметом интереса и осмысления в древних культурах, что эксплицируется при изучении различных жанров литературы. Основным способом объективации «внутреннего человека» является художественный образ, синтетическая природа которого предопределяет осмысление данного культурного концепта с различных сторон.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896с.

Гуревич А.Я. Вопросы культуры в изучении исторической поэтики // Историческая поэтика. – М., 1986. – С. 162-174.

Мельникова Е.А. Меч и лира. – М.: Мысль, 1987. – 203 с.

Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 560 с.

Никитина С.Е. Сердце и душа фольклорного человека // Логический анализ языка: образ человека в культуре и языке. – М.: Наук, 1999. – С. 16-28.

Плахов В.Д. Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы: монография. – СПб.: КАРО, 2008. – 240 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: Синто, 1993. – 192 с.

Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии / отв. ред. Ю.А. Клейнер. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 928 с.

Фаткулин Б.Г.

Челябинск, Россия

**МЕТОДЫ ИЗВЛЕЧЕНИЯ И
КОМПАКТНОГО ХРАНЕНИЯ
КИТАЙСКО-РУССКИХ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ
СООТВЕТСТВИЙ В
СЛОВАРЯХ, ПОЛУЧЕННЫХ
С ПОМОЩЬЮ ЯЗЫКА
ПРОГРАММИРОВАНИЯ
PYTHON**

Аннотация. В статье дано описание методики извлечения терминологии узкой предметной области из текстов на китайском языке при помощи средств прикладной лингвистики: методов языка программирования Python. Приводятся примеры составления словарей и их компактного хранения: выведения значения по ключу, перебора вариантов. Собран набор терминов по современной крымской тематике.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, китайский язык, статус Крыма, терминология предметной области, языки программирования, Python, встроенные модули Python, словари

Сведения об авторе: Фаткулин Булат Гилимдарович, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики. Место работы: Южно-Уральский государственный университет.

Контактная информация: Россия, 454080 Челябинск, пр. Ленина, 76; e-mail: bfatkulin@gmail.com.

Fatkulin B. G.

Chelyabinsk, Russia

**THE METHODS OF THE
EXTRACTION AND THE
COMPACT STORAGE OF THE
SINO-RUSSIAN
TERMINOLOGICAL
CORRESPONDENCES IN THE
DICTIONARIES OBTAINED BY
THE USING OF THE
PROGRAMMING LANGUAGE
PYTHON**

Abstract. The article describes the methods for extracting terminology of special domain of the texts in the Chinese language by means of applied linguistics: methods of programming language Python. Also the examples of compiling dictionaries and compact storage: deriving a value for a key, sorting options were given. A set of terms in Crimean topic is assembled in the article by means of key-value procedures.

Keywords: applied linguistics, Chinese language, Crimea status, terminology of the domain, programming languages, Python, UNIX, bash, the built-in modules of Python, dictionaries

About the Author: Fatkulin Bulat Gillimdarovich, PhD in Linguistics, the Chair of General Linguistics Associated Professor. The South Ural state university, Chelyabinsk.

Тема повышения эффективности сбора информации за счет использования достижений прикладной лингвистики поднимается ведущими российскими лингвистами. В частности, важность инновационных методов анализа информации раскрывается в фундаментальном методологическом труде З.И. Комаровой [Комарова, 2012:268].

Работая на стыке прикладной лингвистики, востоковедения и сравнительного языкознания, мы поставили цель разработать методику, с помощью которой можно было бы в короткий срок выделять терминологию из текстов на восточных языках (в данном случае на китайском) и затем хранить наборы терминов в удобочитаемом виде. Обработка естественных языков на компьютере описана в статьях В.А. Яцко [Яцко, 2012:151]. Подходы к выделению терминологии из текстов на китайском языке подробно изложены нами в статье [Фаткулин, 2014].

Исследователи в области анализа информации используют различные языки программирования (Java, Perl, PHP и т. д.) для обработки больших массивов информации на естественных языках. В последнее время особую популярность приобрел язык программирования Python и написанные на его основе лингвистические приложения. Наиболее известным является программный комплекс с интерфейсом командной строки NLTK. Основы работы с NLTK изложены в книге Стивена Бёрда, Эвана Кляйна и Эдварда Лопера [Bird S., Klein E., Loper E., 2009].

Использование языка Python способно повысить эффективность обработки больших массивов текстовой информации. Язык Python поддерживает работу с такими формами представления текстов как:

- Последовательности (строки, списки и кортежи)
- Множества
- Словари

Как и все последовательности, строки, списки и кортежи поддерживают операции, знакомые любому специалисту в области обработки текстовых данных: обращение к элементу по индексу, получение среза, конкатенацию (оператор +), повторение

(оператор *), проверку на вхождение (оператор in) [Прохоренок, 2010: 123].

Большое внимание язык Python уделяет такому виду представления информации как словари – наборы объектов, доступ к которым осуществляется не по индексу, а по ключу. В качестве ключа можно указать неизменяемый объект, например число, строку или кортеж. Элементы словаря могут содержать объекты произвольного типа данных и иметь неограниченную степень вложенности. Следует также заметить, что элементы в словарях располагаются в произвольном порядке. Чтобы получить элемент, необходимо указать ключ, который использовался при сохранении значения [Прохоренок, 2010:152]. Значения ключей – уникальны, двух одинаковых ключей в словаре быть не может.

В языке Python пустой словарь можно создать при помощи функции dict() или пустой пары фигурных скобок. Для создания словаря с некоторым набором начальных значений можно использовать следующие конструкции:

```
keys = ['термин А', 'термин Б', 'термин В' ....] values =  
['соответствие А', 'соответствие Б', 'соответствие В' ....]  
dk = dict(zip(keys, values))
```

В указанном нами примере используется функция zip, которой передается два списка одинаковой длины: список ключей и список значений.

На первом этапе нашего исследования в ходе оперативной обработки текстового массива на китайском языке и эффективного выделения ключевых терминов по крымской тематике мы использовали средства прикладной лингвистики, встроенные функции оболочки bash операционной системы Linux: grep, fgrep, egrep, sort, uniq, cat и т. д. В результате нам удалось получить набор данных.

Вторым этапом нашего исследования стал поиск эффективного метода хранения набора полученных нами ключевых выражений на китайском языке. В ходе операций над текстами (для того, чтобы выделить ключевые понятия по крымской тематике в восприятии китайских энциклопедистов, мы выбрали в качестве источника китайскую он-лайн энциклопедию Байду) мы получили два больших текстовых массива:

1. список терминов на китайском языке, представленный в иероглифической форме
2. список соответствий на русском языке
3. транскрипцию пиньин

Файл словаря китайско-русских терминологических соответствий на языке Python выглядит следующим образом:

-*- coding: utf-8 -*-

keys = ['克里米亚', '黑海', '近东', '刻赤半岛', '刻赤海峡', '塔塔尔语', '可萨利亚', '可萨人', '希腊', '陶里斯', '克里米亚 (自治) 共和国', '塞瓦斯托波尔市', '乌克兰', '克里米亚议会', "“ 克里米亚国家独立法 ”", "“ 克里米亚共和国宪法 ”", '乌克兰独立', '全民公投', '克里米亚 (自治) 共和国', '辛菲罗波尔', '塞瓦斯托波尔', '俄罗斯语、乌克兰语、鞑靼语', '弗拉基米尔·普京', '弗拉基米尔·康斯坦丁诺夫', '谢尔盖·阿克肖诺夫', '俄罗斯人、乌克兰人、克里米亚鞑靼人', '东正教', '俄罗斯联邦/乌克兰 (存在争议)', '实际控制', '克里米亚鞑靼汗国', '乌克兰撤军', '凯尔特人', '斯基泰人', '希腊人', '波斯普鲁斯王国', '罗马帝国', '哥特人', '匈奴', '东罗马帝国', '可萨人', '拜占廷帝国', '钦察人', '蒙古人', '热那亚', '威尼斯', '奥斯曼帝国', '鞑靼人', '金帐汗国', '成吉思汗', '朮赤', '秃花帖木儿', '拔都', '哈吉·格来', '巴赫·切赫拉伊', '奥斯曼帝国', '穆斯林', '明里·格来', '卡法', '卡法城', '乌克兰人', '白俄罗斯人', '俄罗斯人', '波特金', '俄土战争', '彼得大帝', '波罗的海', '叶卡捷琳娜大帝', '《凯纳基条约》', '沙俄时期', '克里米亚战争', '纳希莫夫将军', '《巴黎和约》', '克里米亚鞑靼社会主义自治共和国', '雅斯塔会议', '托布欣元帅', '鲍格丹·赫梅尔·尼茨基', '俄罗斯“ 结盟 ” 300 周年', '极端民族主义势力', '库奇马', '俄乌友好合作伙伴关系条约', "“ 塞种 ”", '伊阿宋', "“ 阿耳戈号 ”", '金羊毛的故事', '哥特人、匈奴人、保加人、可萨人、钦察人 (信奉伊斯兰教的突厥人的一支)、蒙古人先后占领过克里米亚, 中世纪末期, 威尼斯、热那亚的商人还在半岛上建立过几个殖民城市。', '萨满教', '钦察人', '2014年3月16日, 克里米亚举行全民公投, 根据100选票的结果表明, 96.77 参加投票的选民赞成克里米亚加入俄罗斯联邦, 投票率为83.1。']

values = ['Крым', 'черноморский', 'Ближний Восток', 'Керченский полуостров', 'Керченский пролив', 'татарский', 'хазар', 'Хазары', 'Греция', 'Таврия', '(Автономия) Республики Крым', 'Севастопольский городской округ', 'Украина', 'Крым парламент', '"Закон о национальной независимости Крыма"', '"Конституция Респуб-

лики Крым", 'независимость Украины', 'референдум', '(Автономия) Республики Крым', 'Симферополь', 'Севастополь', 'Русский, Украинский, Татарский', 'Владимир Путин, Владимир Константинов, Сергей Аксенов', 'Русские, украинцы, крымские татары', 'православный', 'Россия / Украина (спорный)', 'Фактический контроль', 'Крымскотатарский ханство', 'выход из Украины', 'кельтский', 'чагатайцы', 'греческий', 'Босфорское царство', 'Римская империя', 'Готы', 'варвар', 'Восточная Римская империя', 'Хазары', 'Византийская империя', 'кипчацкие люди', 'монгол', 'Генуя', 'Венеция', 'Османская империя', 'татары', 'Золотая Орда', 'Чингисхан', 'Джучи', 'Тимур', 'Бату', 'Хаджи I Гирей', 'Бахчисарай', 'Османская империя', 'мусульманин', 'Менгли I Гирей', 'Кафа', 'Кафа город', 'Украинцы, белорусы, русские', 'Потемкин', 'Русско-турецкая война', 'Петр Великий', 'Балтийское море', 'Екатерина Великая', '"Кайнарджийский мир"', 'царская Россия', 'Крымская война', 'Генерал Нахимов', '"Парижский договор"', 'Социалистическая Автономная Республика', 'Ялтинская конференция', 'Маршал Толбухин', 'Богдан Хмельницкий', '300-летие воссоединения Украины с Россией', 'Экстремистские националистические силы', 'Кучма', 'Российско-украинский договор о дружбе и сотрудничестве', '"саки"', 'Ясон', '"Аргонавт"', 'история о золотом руно', 'Готы, гунны, болгары, хазары, кипчаки люди (мусульмане-тюрки), монголы заняли Крым, позднее средневековье, торговцы Венеция, Генуя построили несколько городов-колоний на полуострове.', 'Шаманизм', 'кипчаки', '16 марта 2014, Крым провести референдум, по результатам показал голосов 100, 96,77 электорат голосовать в пользу вступления Крыма в состав Российской Федерации, явка составила 83,1.']

Перебор значений словаря можно осуществить по при помощи данных методов:

```
arr = {"x": 1, "y": 2, "z": 3}
```

```
for key in arr.keys():
```

```
    print key, arr[key]
```

```
for key in arr:
```

```
    print key, arr[key]
```

Используя средства языка программирования Python мы представили полученные терминологические соответствия в виде словаря.

keys() и values() – позволяют получить список всех ключей и значений со-ответственно:

```
>>> d = { "a": 1, "b": 2 }
>>> k = d.keys(); v = d.values()
>>> k, v
(['a', 'b'], [1, 2])
```

Таким образом, методы прикладной лингвистики помогли нам собрать и сделать удобной для хранения и обработки некоторую часть терминологии китайского языка по актуальной политической тематике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012.

Прохоренок Н.А. Python. Самое необходимое. – СПб.: БХВ-Петербург, 2011. – 416 с.

Яцко В.А. Алгоритмы и программы автоматической обработки текста // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – Т. 17.

Фаткулин Б.Г. Прикладная лингвистика и обработка текстов на восточных языках: современные перспективы // Вестник ЮУрГУ. 2014. №3. – (Лингвистика).

Bird S., Klein E., Loper E. Natural Language Processing with Python. – 2009.

Федуленкова Т.Н.
Владимир, Россия
**ОККАЗИОНАЛЬНОЕ
СТИЛИСТИЧЕСКОЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ**

Аннотация. Основываясь на идеях, высказанных проф. А.В. Куниным и его учениками, мы рассматриваем основные приемы окказионального преобразования фразеологических единиц в стилистических целях. Анализ производится на материале современного английского языка.

Ключевые слова:
фразеологические единицы, преобразование, значение, выразительное средство.

Сведения об авторе: Федуленкова Татьяна Николаевна, член-корр. РАН, доктор филологических наук, профессор кафедры ИЯПК.

Место работы: Владимирский государственный университет.

Контактная информация: 600026, г.Владимир, ул.Тракторная, 10 – 37; e-mail: fedulenkova@list.ru.

Fedulenkova T.N.
Vladimir, Russia
**OCCASIONAL
STYLISTIC
TRANSFORMATION
OF PHRASEOLOGICAL
UNITS**

Abstract. Following the ideas put forward by Alexander V. Kunin and his disciples, we treat the main mechanisms of occasional transformation of phraseological units for stylistic purposes. The analysis is based on the expressive phraseological units functioning in Modern English.

Keywords: *phraseological units, transformation, meaning, expressive means.*

About the Author: Fedulenkova Tatiana Nickolaevna, RANH correspondent member, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages PC.

Place of employment: Vladimir State University.

Под окказиональным стилистическим преобразованием фразеологических единиц понимаем уникальную стилистически окрашенную актуализацию ФЕ в речи, результатом которой являются значительные изменения формы и значения ФЕ, определяемые контекстом [Кунин 1976: 103]. При окказиональном употреблении ФЕ создается дополнительная стилистическая и смысловая информация по сравнению с исходной формой. Окказиональное использование ФЕ представляет собой закономерное явление речевого процесса, стилистически значимое отде-

ление от языковой нормы. При окказиональном использовании ФЕ не разлагается, а лишь изменяет свою стилистическую окраску и оттенки значения, подстраиваясь таким образом к требованиям дискурсивной ситуации [Кунин 1969: 71].

В лингвистической литературе отмечаются следующие приёмы окказионального преобразования ФЕ в стилистических целях.

А. Развёрнутая фразеологическая метафора. Суть приёма развёрнутой метафоры заключается в развёртывании образа, положенного в основу фразеологизма, при помощи одного или нескольких его образных компонентов [Fedulenkova 2003: 87].

Подчеркнем, что развёрнутая фразеологическая метафора является одной из самых частотных моделей окказионального преобразования фразеологических единиц. Главной отличительной чертой такой метафоры является развёртывание фразеологического образа, т.е. мы имеем дело не с обычной одиночной метафорой, а с цепочкой подобразов, создающих в своей совокупности связанные ассоциативные метафоры, покрывающие значительные отрезки текста. Такой отрезок текста способен значительно варьироваться по объёму. Развёрнутая метафора может развиваться в рамках одного абзаца, одной главы, а может покрывать весь текст обширного литературного произведения (подробнее см.: [Naciscione, 2001: 179]). В последнем случае, как правило, развёрнутому метафорическому переосмыслению подвергаются ФЕ, используемые в заглавии. При этом образ развивается, наполняется новым содержанием, и фразеологическая единица, пронизывая текст, выполняет связующую функцию, соединяя различные части текста в одно целое.

Б. Фразеологическая игра слов. Стилистический эффект игры слов заключается в отношении между ФЕ и свободным словосочетанием с буквальными значениями компонентов. В лингвистической литературе можно встретить различные наименования данного приёма, к примеру, игра слов, буквализация, двойная актуализация [Кунин 1996: 51]. Термин «двойная актуализация» расценивается как наиболее подходящий, поскольку он отражает качественную дуалистичность, двусторонность данного приёма окказионального преобразования фразеологизма.

Фактически сущность приёма игры слов состоит в сопоставлении и противопоставлении переносного и буквального значений составляющих ФЕ компонентов. При этом естественное наличие у каждого фигурального компонента прямого значения делает все ФЕ потенциальными объектами приёма буквализации. Данная техника носит название двукратной экспозиции [Naciscione, 2001: 199]. Игра слов создаёт неожиданный семантический сдвиг, т.к. ФЕ одновременно воспринимается и как комбинация слов с прямыми значениями.

При помощи сопоставления переносного и прямого значений вскрывается семантическая структура ФЕ и образ [Fedulenkova 2001: 21]. Идентификация двойной актуализации представляет собой процесс деметафоризации, в результате которого ФЕ обращается в свободное сочетание слов, не обладающее так называемым вторым дном, характерным для непреобразованного фразеологизма.

Часто стилистический приём двойной актуализации служит для создания комического эффекта, основанного либо на буквальной интерпретации компонентов фразеологизма как таковой, либо на непонимании, возникающем вследствие восприятия одним коммуникантом прямого, а другим – переносного значения фразеологизма.

В. Разрыв фразеологической единицы. Разрыв фразеологической единицы определяется как разъединение её словом, переменным словосочетанием или другим фразеологизмом с целью создания нового стилистического эффекта при неизменном количестве компонентов. В своем узуальном варианте ФЕ сохраняет структуру, оставаясь синтаксически и семантически целостной. Но в дискурсе, в соответствии с требованиями речевой ситуации, ФЕ может подвергаться разрыву, создающему своего рода намеренную прерывистость структуры.

Кстати, на парадоксальность данного приёма окказионального преобразования фразеологической единицы указывает в своей книге А.С. Начисчионе (2001), поясняя, что разрыв разделяет ФЕ, обеспечивая в то же самое время её целостность, достигаемую стилистическими и семантическими средствами. При этом первая часть ФЕ приобретает окказиональную метонимическую функцию: часть используется вместо целого, облегчая

актуализацию фразеологического образа в памяти читающего или слушающего.

Замечено также, что разрыв ФЕ приводит к явлению ретардации, т.е. к замедлению процесса восприятия и, соответственно, понимания. Наиболее общим способом создания разрыва является использование вводных конструкций. Разрыв ФЕ может встречаться в рамках одного предложения, но часто выходит за его пределы, охватывая следующее предложение или несколько предложений.

Подчёркнем важность разделения понятий разрыва и вклинивания. Под вклиниванием, вслед за А.В. Куниным, понимаем включение в состав ФЕ слов, переменных сочетаний слов или других фразеологизмов в данном речевом акте [Кунин 1996: 73]. Основное отличие вклинивания от разрыва состоит в том, что при вклинивании новые компоненты становятся органической частью преобразованной ФЕ, частью её семантической структуры, сужая, расширяя или уточняя её значение [Федуленкова 2012: 168]. В случае же разрыва ФЕ полностью сохраняет компонентный состав, изменяясь лишь структурно и семантически.

Г. Фразеологическая аллюзия. Приём фразеологической аллюзии понимаем как использование в тексте лексем, являющихся эксплицитными носителями образа ФЕ и прямо или косвенно указывающих на неё. При этом эксплицитные компоненты выполняют метонимическую функцию, являясь своеобразным связующим звеном между данной дискурсивной ситуацией и ФЕ. Фразеологическая аллюзия раскрывает когезивный потенциал, внутренне присущий ФЕ, поскольку один или несколько компонентов ФЕ вызывают ассоциации со всей ФЕ [Fedulenkova 2001: 21].

Несомненно, фразеологическая аллюзия является одним из наиболее сложных приёмов окказионального преобразования ФЕ. Поскольку ФЕ в дискурсе никогда не бывает представлена базовой формой и для её адекватного понимания необходимо обладать достаточными лингвистическими знаниями и языковым чутьём, чтобы иметь возможность извлечь необходимую для идентификации ФЕ информацию из долговременной памяти. В этом заключается причина того, что фразеологическая ал-

люзия может вызывать определённые трудности как у носителей языка, так и у изучающих его.

Но при верной интерпретации фразеологическая аллюзия обеспечивает значительный стилистический эффект, выполняя связующую функцию и выступая в качестве интенсификатора внутритекстовых семантических связей фразеологизма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 1996.

Кунин А.В. О стилистическом контексте во фразеологическом ракурсе: сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М., 1976. – Вып. 103. – С. 103-126.

Кунин А.В. Основные понятия фразеологической стилистики // Проблемы лингвистической стилистики: тез. докл. науч. конф. – М., 1969. – С. 71-75.

Федуленкова Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков. – М.: Академия Естествознания, 2012.

Fedulenkova T. Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics by Anita Naciscione, 2001. Riga: Latvian Academy of Culture, pp. xi + 283, ISBN 9984 95 19 01 // Language and Literature. – London, 2003. – № 12 (1). – p. 86-89.

Fedulenkova T. Stylistic differentiation of biblical idioms // Textual Secrets: The Message of the Medium: Book of Abstracts of 21st PALA Conference. – Budapest: British Council, 2001. – P. 21.

Naciscione A. Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics. – Riga: Latvian Academy of Culture, 2001.

Чайкисова А.В.

Иркутск, Россия

**К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ,
ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХ
РАЗВИТИЕ ФОРМ
CONTINUOUS В
СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются последние изменения в функционировании форм Continuous в современном английском языке с точки зрения факторов, их обуславливающих. Предлагается обзор основных результатов исследований данной проблемы.

Ключевые слова: языковая динамика, грамматические изменения, формы Continuous, американизация, грамматикализация, colloquialization.

Chaykisova A.V.

Irkutsk, Russia

**FACTORS OF THE
DEVELOPMENT OF
CONTINUOUS FORMS IN
MODERN ENGLISH**

Abstract. The article discusses recent changes in the development of Continuous forms in modern English focusing on the factors and reasons affecting the peculiarities of their usage. It summarizes the main approaches and results in this field.

Keywords: language dynamics, grammatical change, Continuous forms, Americanization, grammaticalization, colloquialization.

Сведения об авторе: Чайкисова Анна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики.

Место работы: ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет» Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске (филиал).

Контактная информация: 664080, г. Иркутск, мкр. Топкинский, д. 66, к. 20; e-mail: anncher@rambler.ru.

About the Author: Chaykisova Anna Valerievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Place of employment: Eurasian Linguistic Institute.

В работах отечественных и зарубежных лингвистов, посвященных исследованию изменений в грамматической системе английского языка, неоднократно отмечалось, что на современном этапе его развития наблюдается значительный рост частотности употребления форм Continuous [Mair 2006, Leech et al. 2009, Kranich 2010, Попкова 2010]. Когда же ученые пытаются

объяснить, какие факторы этому способствуют, мы видим столкновение разных точек зрения, порой достаточно противоречивых. Рассмотрим основные результаты исследований в этой области для того, чтобы прояснить вопрос о возможных причинах текущих изменений в функционировании форм Continuous в современном английском языке.

Прежде всего следует отметить основные тенденции в развитии рассматриваемых форм:

1. Расширение класса глаголов, способных употребляться в формах Continuous, в первую очередь за счет стативных глаголов, напр. *He is understanding the things that happen to your body as you age (COCA¹)*, *He was being silly and stupid (COCA)*, *I'm sure I'm forgetting something (COCA)*.
2. Расширение семантического потенциала форм Continuous, т.е. помимо основного аспектуального значения, а именно, обозначения продолженного действия, в них также реализуются значения будущности: *My mother is leaving tonight (BNC²)*, вежливости (некатегоричности): *'I was wondering what had happened to that,' she said. (BNC)*, эмотивности (эмоциональности): *Keith is always forgetting his Filofax (BNC)*, интенсивности: *Football is a game of chance and I am loving every minute of it (BNC)*, а также т.н. «пояснительное значение» (interpretative use): *When I said that I must look into the matter, I was referring to the franked envelope, not its contents (BNC)*.
3. Расширение парадигматического ряда формами Perfect Continuous Passive: *The aim of this study is to evaluate the new Turkish education program that has been being implemented since 2005 gradually in light of teacher suggestions (COCA)*, и т.н. modalised passive progressives: *In today's classroom, anything may be being taught, from AIDS education, to drug abuse, to birth control (COCA)*.

Одним из ведущих факторов грамматических изменений в английском языке с середины 20 века считается коллоквиализа-

¹ COCA – Corpus of Contemporary American English, Brigham Young University, Provo UT.

² BNC – British National Corpus, Oxford University, Oxford

ция (colloquialization), т.е. проникновение и распространение черт разговорной речи в письменную. Увеличение частотности употребления форм Continuous также связывают с этим явлением [Biber 1999]. Другие же отрицают эту зависимость: «распространение продолженных форм в британском варианте английского языка не связано с коллоквиализацией» (здесь и далее перевод наш – А. Ч.) и предлагают другое объяснение, а именно через процесс грамматикализации (процесс превращения лексических единиц с ходом эволюции языка в грамматические показатели) [Leech et al. 2009: 142]. Анализ разных форм Continuous показывает, что если распространение форм настоящего времени действительного залога связано с тем, что нормы письменной речи приближаются к нормам устного общения, то развитие форм страдательного залога никак не связано с коллоквиализацией, поскольку они чаще употребляются в жанрах СМИ. Кроме того, подчеркивается особая роль СМИ в увеличении частотности этих форм [Smith, Rayson 2007]. В американском варианте английского языка формы Continuous Passive, напротив, демонстрируют снижение частотности в связи с общей тенденцией к сокращению частотности употребления пассивных форм в целом [Leech 2009]. Это положение вновь входит в некое противоречие с мнением о том, что формы Continuous более распространены в американском варианте английского языка, чем в британском [Biber et al. 1999] и утверждением о том, что тесный контакт между двумя странами мог привести к увеличению частотности употребления рассматриваемых форм в британском варианте английского языка [Smith 2005].

Следует отметить, что формы Continuous достаточно широко распространены в разговорной речи на севере и западе Британских Островов, и этот факт позволяет предположить, что контакт между носителями этих региональных вариантов способствует распространению данных форм [Leech 2009]. Такая трактовка представляется логичной, особенно если рассматривать именно такую тенденцию в развитии форм Continuous, как употребление в них стативных глаголов. Как утверждает Л. Томас, функционирование стативных глаголов в формах Continuous – весьма распространенное явление во многих вариантах английского языка (Irish English, Scottish English, Indian English,

Singaporean English, East and West African English) [Thomas 1996: 235]. Этот фактор можно назвать глокализацией – приданием языку локальных признаков в связи с глобальным распространением [Прошина 2012].

В результате корпусного исследования обширного языкового материала С. Кранич приходит к выводу о том, что в развитии форм Continuous особую роль играют два фактора: грамматикализация и субъективизация. При этом автор утверждает, что эти два процесса не всегда взаимосвязаны. Так, в развитии и закреплении аспектуального значения форм Continuous задействован процесс грамматикализации, в то время как субъективизация является фактором развития субъективных значений, выражаемых формами ‘interpretative progressive’ и ‘subjective progressive with always’ [Kranich 2010: 247].

Достаточно противоречивые объяснения предлагаются при описании развития форм Passive Progressive. Одни ученые утверждают, что такие конструкции встречаются настолько редко, что не могут свидетельствовать о какой-либо устойчивой тенденции в изменении грамматической системы [Kranich 2010: 124]. Другие, напротив, связывают развитие этих форм с процессом грамматикализации, который привел к тому, что в конструкциях с формами Continuous были сняты ограничения на сочетаемость предиката с неодушевленным субъектом, вследствие чего стало возможным образование пассивных конструкций [Hundt 2004]. Возможно и то, что появление данных форм обусловлено системными факторами, поскольку они призваны заполнить пробел в парадигме [Denison 1993].

Проведенный анализ показал, что в современном английском языке действительно наблюдаются изменения в функционировании форм Continuous. Противоречия в выявлении и описании факторов, лежащих в основе этих изменений, связаны, на наш взгляд, с тем, что разные изменения обусловлены разными факторами. Так, увеличение частотности употребления стативных глаголов в формах, вероятно, в определенной степени связано с межъязыковыми контактами, а также с когнитивной природой самой конструкции, прошедшей процесс грамматикализации. В этой связи представляется, что конструкции с формами Continuous целесообразно проанализировать с иных позиций, а

именно в русле прототипического подхода. Так Л.М. Ковалева отмечает, что «выделение непрототипических и прототипических единиц вводит в сферу внимания новый материал исследования: так называемые периферийные формы», а «распространение непрототипических форм выполняет три задачи: 1) они позволяют категоризовать огромное количество непрототипических явлений, предметов и ситуаций действительности; 2) они являются инструментом экономии, так как позволяют узаконить сокращенные модели, которые потом становятся источником развития; 3) в речевой деятельности постоянно происходит отбор: только самые «удачные» непрототипические единицы становятся частотными и получают шанс сохраниться, распространиться и положить начало новому семантическому полю» [Ковалева 2012: 31-32]. Такой подход к изучению тенденций в изменении функционирования форм Continuous в английском языке позволит нам по-новому взглянуть на причины, их обуславливающие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ковалева Л.М. О прототипических и непрототипических единицах модально-предикативного конституента предложения // Прототипические и непрототипические единицы в языке. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 9-34.
- Попкова Е.М. Прогностическая валидность глагольных форм длительного аспекта в корпусной лингвистике английского языка // Социосфера, 2010. – № 4. – С. 74-81.
- Прошина З.Г. Динамика развития английского языка в его региональных вариантах // Вестник иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – № 2(18). – С.200-206.
- Biber D. et al. The Longman Grammar of Spoken and Written English. –Harlow: Pearson Educational limited 1999. – 1204 p.
- Denison, D. English Historical Syntax. – London: Longman, 1993. – 496 p.
- Hundt M. Animacy, Agentivity, and the Spread of the Progressive in Modern English //English Language and Linguistics, 2004 – 8.1. – P. 47-69.

- Kranich S. *The Progressive in Modern English: a corpus-based study of grammaticalization and related changes*. – Amsterdam-NY: Rodopi, 2010. – 276 p.
- Leech G. et al. *Change in contemporary English: a grammatical study*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 341 p.
- Mair Ch. *Twentieth Century English: History, Variation and Standardization*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 244 p.
- Smith N. *A Corpus-based Investigation of Recent Change in the Use of the Progressive in British English*, PhD thesis, Lancaster University, 2005.
- Smith N., Rayson P. Recent change and variation in the British English use of the progressive passive // *ICAME JOURNAL*, 2007. – No. 31 April. – P. 129-160.
- Thomas L. *Variation in English grammar* // *English: history, diversity and change*. ed. by D. Graddol, D. Leith, J. Swann. – London: Routledge, 1996. – P. 222-258.

Исследования в области когнитивной лингвистики, дискурса и стилистики

УДК 811.112.2'233

Быкова Н.В.

Омск, Россия

БЛОГОВАЯ ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ ГЕРМАНИИ

Аннотация. В статье рассматривается блог как одно из важнейших средств общения молодежи. Ведущей целью блоггового сообщения являются желание сообщить что-либо и установить контакты. Блоги имеют ярко выраженную тематическую направленность. Можно выделить несколько категорий: личное, стихотворения, тексты песен, музыка, книги, фильмы.

Ключевые слова: блог, интернет-коммуникация, молодежь, тематическая направленность.

Сведения об авторе: Быкова Наталья Валентиновна, преподаватель кафедры иностранных русского языков.

Место работы: Омский автобронетанковый инженерный институт.

Контактная информация: 644060, г. Омск, ул. Жуковского 33/2-33;
e-mail: bykova_natalia@mail.ru.

Bykova N.V.

Omsk, Russia

BLOGGING LIFE OF YOUNG PEOPLE IN GERMANY

Abstract. The article deals with the blog as one of the most important means of communication of young people. Leading goal of blogging is the wish to report anything and to make contacts. Blogs have a strong thematic focus. One can select multiple categories: personal, poems, lyrics, music, books, movies.

Keywords: blog, online communication, youth, thematic focus.

About the Author: Bykova Natalia Valentinovna, Teacher of the Chair of Foreign and Russian Languages.

Place of employment: Omsk Tank Automotive Engineering Institute.

Главной чертой современности является интернет, в котором реализуется, целый спектр целей: коммуникативные, деловые, образовательные, досуговые, игровые. По сути, интернет является творческой лабораторией, где человек может искать собственную идентичность, экспериментировать с ней, пробовать разные способы самореализации. [Павловская: 77–81]

© *Быкова Н.В.*, 2015

Сегодня практически все члены общества, особенно молодежь, оказываются включены в международную систему интернет-коммуникации, которая связывает представителей различных культур, традиций и религиозных воззрений.

С появлением интернет-коммуникации актуальным стал вопрос о формировании речевых жанров, функционирующих в коммуникативной среде Интернет, что свидетельствует об изменении прагматических установок и целей интернет-коммуникантов, актуализации феномена языковой личности, которая через жанровую систему презентует себя в Интернет-среде [Караулов:11].

Национальный характер речевого поведения коммуникантов в блогах характеризуется в соответствии с уровнем активности участников коммуникации, в их стремлении к экспрессивности, к употреблению традиционных или оригинальных речевых форм и выражений, к стремлению подчеркнуть свою принадлежность к определённой культуре, определённой социальной группе.

Блог – это своего рода интернет-сообщество, локализуемое большое количество молодых людей со сходными интересами, что повышает возможность завязывания и налаживания контактов. Здесь следует также отметить, что блоговая коммуникация является офлайновой (асинхронной), т. е. осуществляется посредством отсроченных во времени сообщений, что также расширяет круг потенциальных собеседников.

В качестве жанровых разновидностей компьютерной коммуникации можно выделить: 1) электронную почту (e-mail); 2) электронные разговоры (chat / IRC); 3) электронные доски объявлений (BBS); 4) компьютерные конференции (телеконференции, эхо-конференции, форумы); 5) система мгновенных сообщений (ICQ); 6) компьютерные игры; 7) блоги.

Все большую популярность в Интернете приобретают блоги (или личные сетевые дневники), представляющие собой особым образом организованную веб-страницу, на которой публикуется информация о себе, Интернет-ссылки, картинки, фотографии и другая информация, организованная в хронологическом и проблемном порядке. В сетевых дневниках существует

возможность создания виртуальных сообществ людей со сходными интересами.

Понятие «блог» (буквально слово “webblog” означает «сетевой боржурнал», где “web” – сеть, “log” – «бортовой журнал, запись событий или повседневной деятельности»). Анализируя проблему построения блогowego дискурса, исследователь Н. А. Семкина ссылается на следующие параметры блога, выделенные Э. Синком: «Блог – это регулярно обновляющийся сайт, который содержит расположенные в хронологическом порядке заметки, а также гиперссылки, ссылки на другие сайты. Блоговые ресурсы предоставляют пользователям возможность публиковать записи в режиме онлайн-дневника, предоставляя для этого готовый интерфейс (с различными вариантами дизайна) и единое дисковое пространство.

По данным сайта www.socialmediasattistik.de в 2013 году примерно 71,5 миллионов блогов было создано.

По закону, в Германии к молодежи относятся те, кому исполнилось 14, но еще не исполнилось 18 лет (§7 кодекса социального права ФРГ(SGB VIII Sozialgesetzbuch Kinder- und Jugendhilfe)). Также к молодежи относятся молодые люди совершеннолетнего возраста, которым исполнилось 18, но еще не исполнилось 27 лет.

Структура блога

Сервис блогов *spin.de* содержит личные данные: дату рождения, знак зодиака, рост, цвет глаз и т.д., а также интересы, информацию о наличии детей, религиозной принадлежности.

Также можно пообщаться в чате, придерживаясь указанных правил, а именно:

- нельзя указывать адрес проживания;
- быть всегда веселым, никого не нервировать или обижать;
- споры недопустимы (только в личных диалогах);
- писать все слова необходимо с маленькой буквы.

Кроме того запрещается требовать от других участников чата фотографии или видео, обмениваться номерами телефонов и другими личными данными. Реклама не приветствуется.

Также можно оставить сообщение в гостевой книге.

Характер коммуникации – полуофициальный, неофициальный, фамильярный. Можно предположить, что это во многом зависит от возраста участников коммуникации, степени знакомства и гендерной характеристики коммуникантов.

Ведущей целью блоггового сообщения, как показывает анализ содержания блогов, являются желание сообщить что-либо (информационная функция) и установить контакты (контакто-устанавливающая функция). Блоги имеют ярко выраженную тематическую направленность. Тематика блогов довольно широка. Можно выделить несколько категорий: личное, стихотворения, тексты песен, музыка, книги, фильмы. В блоге можно обсудить социальные проблемы (политические, экономические, национальные, религиозные, гендерные) в категории *общество/политика*; предметно-профессиональные темы, связанные с предметной компетенцией в той или иной области в категории *компьютер, технология/наука, образование, профессия, спорт, животные*, а также поговорить на нейтральные темы (о погоде, о событиях в культурной, политической и спортивной жизни, бытовые темы) в категории *личное*.

Блоги молодежи Германии в зависимости от речевого поведения, индивидуальной речевой тактики автора блога можно отметить, что:

– Блоги носят сугубо визуальный характер, в них публикуются фотографии из жизни автора с минимальным текстовым сопровождением.

– В блогах представлен литературный тип речи, в них есть аналоги литературных произведений (эссе, стихотворения, рассказы):

*Wünsche Dir Frieden in
dieser Zeit
Stunden der Besinnlichkeit
Helle Lichter in der Dunkelheit
Und eine schöne Weihnachtszeit*

*Желаю тебе радости,
Часы созерцания,
Света в темноте,
С Рождеством!*

– С помощью блога можно установить контакты с людьми в соответствии с теми или иными категориями.

– В блогах представлена информация, связанная с повседневными событиями в обществе, в том или ином регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виноградова Т.Ю. Специфика общения в интернете // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 63-67.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 264 с.

Когнитивная лингвистика: сб. науч. тр. / под ред. Л. А. Манерко. М.; Рязань, – 2007.

Павловская, О.В. Компьютерное творчество в процессе становления информационного общества. дис...к.филос.н. – Тюмень, 2006. – 165 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mail2.tmnlib.ru/jirbis/files/upload/abstract/09.00.01/1453.pdf>

Черкасова Н.В. Лингвокультурологические характеристики блога как жанра интернет-коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – №5(259).

Sozialgesetzbuch (SGB) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de>.

SPIN.DE: Freunde kennenlernen, Chat, Dating, Online-Spiele und mehr [Электронный ресурс]. – URL: www.spin.de.

Девяткова М.И.

Екатеринбург, Россия

**ОБРАЗ ВЛАДИМИРА ПУТИНА
В КАРИКАТУРАХ США И
РОССИИ**

Аннотация. Рассматривается образ В.В. Путина в карикатурах США и России; описываются вербальные и невербальные компоненты карикатур, как креолизованных текстов; дается краткое сравнение образа В.В. Путина в американской и русской карикатуре.

Ключевые слова: политическая карикатура, креолизованный текст, образ, В.В. Путин.

Сведения об авторе: Девяткова Марина Ивановна, аспирант кафедры английского языка, методики и переводоведения.

Место работы: МАОУ СОШ №29.

Контактная информация: e-mail: pospelova_88@mail.ru.

Путин, Владимир Путин, мистер Путин, мистер президент, царь новой России, продолжать можно до бесконечности. Не секрет, что президент России, Владимир Путин, является чуть ли не самым влиятельным политиком мира. Об этом свидетельствуют следующие факты: в 2007 году американский журнал «Time» назвал Владимира Путина «человеком года», британская газета «Times» назвала Путина «человеком года на международной арене» в 2013 году, в минувшем году в Нью-Йорке открылся магазин футболок с изображением российского президента, в том же 2014 году рэп-группа «А.М.Г.» записали сингл «I go hard like Vladimir Putin».

Devyatkova M.I.

Ekaterinburg, Russia

**THE IMAGE OF VLADIMIR
PUTIN IN AMERICAN AND
RUSSIAN POLITICAL
CARTOONS**

Abstract. The article investigates the image of the Russian president in American and Russian political cartoons. The author describes verbal and non-verbal components of political cartoons and gives a brief comparison of the image of Putin given in the caricatures of the two countries.

Keywords: political cartoon, creolized text, image, Putin.

About the Author: Devyatkova Marina Ivanovna, post-graduate student of the Chair of the English language, theory of education and translation studies.

Place of employment: State School №29.

Популярность президента России растет с каждым днем, его либо любят, либо ненавидят, равнодушных к нему нет.

Образ Путина влияет на все сферы жизни, как общества в целом, так и отдельных его граждан. Само собой разумеется, что образ российского президента нашел свое отражение и в политической иллюстрации, которая передает настроения в обществе и, в настоящее время, в какой-то степени, является своеобразным рупором гласности. В центре внимания исследователей, изучающих политический дискурс, нередко оказывается политическая иллюстрация, трактуемая как креолизованный текст, используемый в публицистических текстах, посвященных освещению политических вопросов [Ворошилова 2013: 81 – 82].

В настоящее время в значительной степени интерес исследователей возрос к паралингвистическим, то есть невербальным средствам. В современной лингвистике отмечается ряд исследований, посвященных не традиционной лингвистике текста, а лингвистике семиотически осложненного, «нетрадиционного», видеовербального, составного, поликодового, креолизованного текста (Е.Е. Анисимова, В.М. Березин, Л.С. Большаянова, Н.С. Валгина, М.Б. Ворошилова, Л.В. Головина, А.Ю. Зенкова, О.Л. Каменская, В.М. Клюканов, Э.А. Лазарева, Н.В. Месхишвили, О.В. Пойманова, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, L. Bardin, V. Karlavaris, S.D. Sauerbier и др.) [Колтышева 2013: 1].

В этой связи *цель* нашего исследования заключается в попытке описать образ Владимира Путина в креолизованных текстах, а, именно, в американских и русских карикатурах.

Термин «креолизованный текст» мы употребляем в классическом понимании, согласно которому это «сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 2003: 17].

Материалом проводимого исследования послужат американские и русские карикатуры. Этот вид креолизованного текста мы выбрали для исследования не случайно. Особое место в современном политическом дискурсе справедливо заняла карикатура. Ее роль и значение определяются, в первую очередь, наглядностью передаваемой информации: используя концепту-

альные образы, автор может очень точно передать суть какого-либо социального явления, свое отношение и отношение общества к изображенным персонажам, проблемам. В связи с этим исследователи замечают: *«Визуальные средства, в отличие от вербальных или интеллектуальных (слово, понятие, теории), позволяют человеку практически мгновенно воспринимать запрограммированное воздействие (хотя сработать оно может значительно позднее), причем это воздействие является и более глубоким, поскольку визуальные системы влияют не только на интеллект, но и на эмоционально чувственный базис человека»* [Розин 2006: 26].

Карикатура – рисунок, изображающий кого-либо в намеренно преувеличенном, смешном, искаженном виде – в политической коммуникации используется, по замечанию некоторых исследователей, примерно с XIII в. до нашей эры. «Одной из важнейших форм невербального общения людей издавна считается карикатура» [Дмитриев 2006: 1].

Каким же предстает Владимир Путин в карикатурах Америки и России?

В американских карикатурах мы часто можем видеть российского президента в образе одного из главных диктаторов XX века: Адольфа Гитлера.

В этих креолизованных текстах, в основном, преобладает невербальный компонент. Образ Гитлера передается за счет использования мундиров СС, фашистской символики и элементов внешности диктатора.

Достаточно популярными являются темы выборов в России, схожести политики Путина с политикой его советских предшественников.

На одной из таких карикатур мы можем видеть Владимира Путина, изображенного нависшим над тремя урнами для голосования, на них три надписи соответственно: «за президента», «за премьер-министра», «за царя». Избирателям предлагается просто двигаться вперед и голосовать «you just go ahead and vote». Особый интерес вызывает выражение «go ahead», оно имеет несколько вариантов перевода: 1. разг. взять на себя (*решение*), действовать на свое усмотрение; 2. двигаться впе-

ред; 3. *амер.* идти напролом; 4. *спорт.* идти впереди (*на состязании*).

Причем, если брать во внимание именно первую словарную статью, то исход выборов действительно зависит только от них, и это они «берут на себя решение» и «действуют на свое усмотрение». Но, скорее всего, выражение «go ahead» относится не столько к избирателям, сколько к политике Путина. В 2000 году Владимир Путин становится президентом, затем избирается на второй срок, в 2008 становится председателем правительства, а в 2012 вновь становится народным избранником и, как гласят заголовки многих иностранных изданий, «царем Новой России».

Определенный интерес представляет карикатура, изображающая российского президента подталкивающего старушку к урне для голосования. Рассматривая эту карикатуру, мы отмечаем слабую креолизацию текста по классификации Бернацкой [Бернацкая 2000]. Вербальный компонент представлен кратким заголовком на урне для голосования и фамилией российского президента. В качестве паралингвистического средства используется увеличенный размер шрифта, применяемый для написания фамилии «Путин». Таким образом, надпись занимает примерно половину изображения и дает понять, кто здесь главный кандидат. Также можно отметить использование омонимов «Putin» и «put in», последнее переводится как «вставлять», «вносить», но графически совпадает с фамилией кандидата, за которого надо проголосовать. Тот же самый омоним можно найти и в русских карикатурах. В качестве невербального компонента выступает образ российского президента с невозмутимым выражением лица, но с чрезмерно длинной медвежьей когтистой лапой вместо руки, которая символизирует жесткость его политики, а также дает достаточно прозрачный намек на то, каким образом он воздействует на избирателей.

Вообще Владимира Путина часто изображают с лапой медведя или с железной рукой, которая символизирует карающие органы и является синонимом жестокого правящего режима.

Так же железный кулак символизирует и советский тоталитарный режим, времена главенствующего положения одной

партии и несвободы прессы. Многие американские и русские карикатуры изображают Владимира Владимировича как приемника той эпохи. В основном, во всех карикатурах на данную тематику главная роль принадлежит визуальному компоненту.

Это связано с тем, что советская эпоха была богата различными политическими символами. Политическая символика занимает особое место, подчас является основным средством выражением государственной и национальной идеологии и культуры того или иного общества, своего рода «олицетворением» страны [Ворошилова 2013: 98].

Политические символы советского времени используются в различных креолизованных текстах по сей день, а, значит, легко воспринимаются реципиентами, к тому же, они узнаются практически в любой стране мира.

На первом месте, конечно же, стоит серп и молот, символ, олицетворяющий единство рабочих и крестьян.

Редко используется символ русской матрешки с намеком на то что, внутри Путина находится самый настоящий вождь всех времен и народов. Также Владимир Владимирович предстает и в образе других советских правителей: Ленина и Брежнева.

Авторы карикатур все чаще используют изображения Путина, чтобы показать антидемократичную политику России и несвободу прессы. В этих карикатурах так же преобладает невербальный компонент – образ Путина, сильного, применяющего грубую физическую силу, чаще всего, одетого в кимоно. Россия же предстает в образе медведя, но не опасного и безжалостного зверя, а слабого и безвольного. Пресса и вовсе изображается в виде собаки в железном наморднике.

Достаточно популярной темой карикатур выступает российская панк-рок группа «Pussy Riot». Причем, если в других карикатурах Путин выступает как сильный и могущественный политический деятель, то оказавшись рядом с солистками «Pussy Riot», преемник вождей советской эпохи вдруг теряет свою былую мощь.

Вербальный компонент таких карикатур показывает некоторую игру слов «Putin Riot» и «Pussy Riot». Riot имеет значения: 1. бунт; восстание, мятеж; (массовые) беспорядки, 2. раз-

гул; необузданность. Если в названии группы «Pussy Riot», слово Riot использовалось в первом значении, т.е. «бунт, общественный беспорядок», то «Putin Riot» означает уже «разгул, необузданность» власти.

Излюбленной темой как американских, так и русских карикатур является представления российского президента в образе нового русского самодержца.

Как и при изображении советской эпохи, так и при изображении Путина в роли монарха, в карикатурах активно используется политическая символика соответствующего временного периода. Незаменимым атрибутом является корона российской империи, мантия, Держава и Скипетр.

Кроме темы «Путин – самодержец» карикатуры этой тематики затрагивают тему двух сменяющих друг друга президентов России: Владимира Путина и Дмитрия Медведева. Причем, роль последнего оценивается не как самая важная, исходя из фразы Путина «Ok, the seat is warm enough now» (окей, место достаточно теплое сейчас). Российский трон выступает в роли кресла президента и президентского срока. Также вербальный компонент не лишен паралингвистических средств, слово «enough» (достаточно), написанное заглавными буквами, выглядит, как приказ Медведеву уступить место.

Одним из основных «орудий» неформальной политической коммуникации является смех, точнее использование современной терминологии, политический юмор. Именно смех в русском национальном сознании является лучшим «лекарством, единственно верным оружием со всемирным злом», в том числе и с мировым кризисом. Не случайно, говоря о значимости юмора в политическом дискурсе, А. В. Дмитриев называл его «пятой ветвью власти» [Дмитриев 1996: 4].

Юмор, в том числе политический, позволяет в яркой, сконцентрированной, «сжатой как пружина» форме вскрыть противоречия, двойные стандарты, присущие политике, нередко наглядно демонстрирует абсурдность ситуации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М.: Academia, 2003.
- Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: специализированный вестник Краснояр. Гос. ун-т / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск, 2000. – Вып. 3 (11).
- Дмитриев, А. В. Социология юмора [Электронный ресурс]: очерки. – М., 1996. – 214 с. – URL: www.auditorium.ru/books/4212.
- Розин В. М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и воспринимает мир. – М., 2006.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990.

Каган Е.Б., Соловьева А.С.

Екатеринбург, Россия

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ
МОДЕЛЬ «ЕВРОПЕЙСКИЙ
СОЮЗ – ЭТО БОЛЬНОЙ
ОРГАНИЗМ» В РОССИЙСКИХ
И БРИТАНСКИХ СМИ**

Аннотация. В данной статье мы анализируем метафорическую модель «ЕС – это больной организм». Материал исследования метафорические единицы российских и британских газетных статей. В статье рассматриваются продуктивность и частотность метафорической модели.

Ключевые слова: ЕС, метафора, метафорическая модель, субсфера, фрейм, слот, дискурс, продуктивность, частотность.

Сведения об авторах: Каган Елена Борисовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры перевода

Место работы: Институт Международных Связей (Екатеринбург).

Соловьева Анна Сергеевна, Соискатель кафедры германской филологии, Уральского Федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина, учитель английского языка, МАОУ гимназия № 99.

Место работы: МАОУ гимназия № 99 (Екатеринбург)

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, ул. Баумана, 17;
e-mail: anna_soloveva87@mail.ru; lena-kagan@yandex.ru.

Kagan Ye .B., Solovyeva A.S.

Ekaterinburg, Russia

**METAPHORICAL MODEL
“EUROPEAN UNION – IS
AILING ORGANISM” IN THE
RUSSIAN AND BRITISH PRESS**

Abstract. The article deals with the analysis of metaphorical model “EU – is ailing organism”. Data for study are metaphors from the Russian and British press. Productivity and frequency of the metaphorical model are considered.

Keywords: EU, metaphor, metaphorical model, sub-sphere, frame, discourse, productivity, frequency.

About the Authors: Kagan Yelena Borisovna, PhD, Senior lecturer, Translation and Interpretation Department

Place of employment: Institute of International Relations (Yekaterinburg).

Solovyeva Anna Sergeevna, Competitor for a degree at Philology of German Philology Department, Yeltsin UrFU, Teacher of English, Grammar School # 99.

Place of employment: Grammar School № 99 (Yekaterinburg).

В последние десятилетия теория метафоры стала едва ли не ведущим направлением когнитивистики, психолингвистики и лингвокультурологии. С конца XX века в специфической политической мелодии европейская звучит достаточно громко, став символом глобальных перемен не только на европейском континенте, но и во всем мире. Европейская мелодия, безусловно, в первую очередь ассоциируется с Европейским союзом.

В глобальном метафорическом пространстве все активнее формируются и сосуществуют в разных культурах и языках аналогичные метафорические образы, что подтверждает сближение метафорического восприятия различных народов. Метафорический образ Европейского союза – это композиция, состоящая из нескольких метафорических моделей, ряд из которых является доминирующими на протяжении значительного отрезка времени.

В данной статье мы анализируем одну из таких моделей «Европейский Союз – это больной организм». Сопоставление метафор российского и британского газетного дискурса за период 2001-2013 годы проводится в диахроническом аспекте: докризисный период и период кризиса, точкой отсчета которого является 2010 год. Это позволяет проследить устойчивость/изменчивость модели, включая ее продуктивность и частотность употребления в дискурсе.

Материал исследования составляет выборка метафорических единиц газетных статей, опубликованных в периодических печатных изданиях на русском и английском языках в период с 2001 по 2013 год. Всего методом сплошной выборки было собрано и проанализировано 1157 метафорических единиц газетных статей: 601 российских, 556 – британских источников.

Антропологическая парадигма научного знания позволяет рассматривать Европейский союз как единый биологический организм, некую «целостность», функционирование которого зависит от функционирования его составляющих: сердца, мозга, рук, нервной, дыхательной системы и т.д.

Как и для человека определяющими в смысловом отношении факторами физического состояния Европейского союза является, наряду с его возрастом и отношениями, здоровье Союза.

Подчеркнем, что речь всегда идет не только о физическом, но и о психическом здоровье. Л.В. Туленкова [Туленкова 2008], исследуя концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах, сделала вывод о том, что концепты «здоровье» и «болезнь» являются дуальным типом концептов, при котором наличие одного служит обязательным условием существования другого; в составе концептов ценностный компонент занимает значительное место. Понятийная сторона концептов «здоровье» и «болезнь» формируется такими оппозиционными характеристиками, как «целостность – нарушение целостности», «устойчивость – неустойчивость функционирования организма человека», «сила – слабость». По мнению Г. П. Буровой [Бурова 2008], для описания здоровья, как правило, используются статичные метафоры, оценивающие состояние здоровья как исходное, базисное состояние, как неизменный атрибут жизни. С другой стороны, динамичность метафор, репрезентирующих концепт «болезнь», выражает преходящий характер патологических состояний, вторичность болезни по отношению к здоровью.

Анализ метафорической модели «Европейский Союз – больной организм» позволяет сделать вывод о высокой частоте ее употребления как в докризисный, так и в кризисный периоды и незначительном увеличении числа метафорических единиц данной модели в газетном дискурсе России и Великобритании для категоризации реальности. Нам удалось выделить соответственно 265 и 291 единиц в британских газетных статьях, 285 и 316 единиц в российских.

Следует отметить, что в кризисный период происходит повышение продуктивности «Европейский Союз – больной организм».

Под продуктивностью мы вслед за Э.В. Будаевым понимаем «устойчивый для определенного хронологического момента и определенного дискурса показатель, способность когнитивной структуры к развертыванию метафорических образов» [Будаев 2010]. Для формализации продуктивности метафор модели были составлены карты продуктивности, в которых метафорические единицы распределены по концептуальным структурам (фреймам). Совокупный индекс продуктивности (СИП), равный

количеству различных метафорических единиц, относящихся к определенной когнитивной структуре, выступает в качестве формального показателя продуктивности метафорической модели. В ходе исследования установлен рост СИП с 23 в 2001-2010 до 56 в 2010-2013 гг. в российских СМИ и соответственно с 37 до 48 в британских.

Анализ карт продуктивности свидетельствует о том, что с нарастанием кризисных явлений Европейский Союз становится более уязвимым и подверженным различным заболеваниям. Ухудшение состояния здоровья и возможная смерть пациента ЕС диагностируется, симптомы заболеваний выявляются, но ухудшение состояние пациента далеко не всегда ведет к его смерти. Достаточно часто выздоровление наступает через ухудшение здоровья. Действует закон диалектики – закон единства и борьбы противоположностей. По оценке и британских, и российских газетных изданий, процесс выздоровления идет параллельно процессу ухудшения здоровья.

На фреймо-слововом уровне прослеживаются определенные национально-культурные особенности концептуализации ЕС как больного организма. Как российская, так и британская пресса фокусируют внимание читателей на симптомах болезни и ее диагностировании, способах лечения и применяемых лекарствах. При этом российские политики-врачи проявляют большее разнообразие в выборе инструментов и лекарственных препаратов. В свою очередь британские политики-врачи значительно большее внимание уделяют лечению пациента, о чем свидетельствует рост частотности употребления метафор слота «лечение» (Великобритания – 24/46), чем это представляется российским политикам (Россия – 38/41). Вера в выздоровление ЕС у британцев значительно сильнее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 247 с.

Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: ... автореф. дис. ... д-ра филологических наук. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2010. – 49 с.

- Бурова Г. П. Фармацевтический дискурс как лингвокультурный код. Монография. – Пятигорск: Пятигорская ГФА, 2008. – 286 с.
- Розенштокк-Хюсси, О. Великие революции: автобиография западного человека. – Нью-Йорк, 1999. – С. 448.
- Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 26-52.
- Туленкова Л. В. Концепты «здоровье» и «болезнь» в российской и английской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 20 с.

Кошкарова Н.Н.

Челябинск, Россия

**СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА
«АВТОРСКАЯ СТАТЬЯ» В
РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена анализу становления жанра *авторская статья* в российской политической коммуникации. Авторская статья рассматривается как разновидность аналитической статьи, модификация которой обусловлена бытованием в межкультурном политическом пространстве.

Ключевые слова: *политическая коммуникация, авторская статья, межкультурное политическое пространство.*

Сведения об авторе: Кошкарова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международных коммуникаций.

Место работы: Южно-Уральский государственный университет.

Контактная информация: 454000, г. Челябинск, главпочтамт, до востребования; e-mail: nkoshka@rambler.ru.

Koshkarova N.N.

Chelyabinsk, Russia

**INTERCULTURAL TENDENCY
IN POLITICAL
COMMUNICATION STUDY**

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the formation of op-eds as a genre of the Russian political communication. Op-eds are viewed as a kind of the analytical article the modification of which is caused by its existence in the intercultural political area.

Keywords: *political communication, op-eds, intercultural political space.*

About the Author: Koshkarova Natalya Nikolayevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of

International Communication.

Place of employment: South Ural State University

Целью настоящего исследования является обзор становления жанра авторская статья в российской политической коммуникации. При этом авторская статья рассматривается как разновидность аналитической статьи, но с присущими ей функциональными и структурными особенностями. На трансформацию традиционного журналистского жанра (аналитическая статья) влияет бытование анализируемой формы коммуникации не в рамках одной культуры, как это прежде рассматривалось в по-

© Кошкарова Н.Н., 2015

литической лингвистике (см, например, Шейгал 2004), а на пересечении нескольких лингво-культурных сообществ.

С модификацией жанрового пространства современных СМИ изменяется и их функциональная предназначенность. Если в советскую эпоху печать была однопартийной, а её основная функция заключалась в том, чтобы воспитывать и образовывать людей [Бендерский 2006: 101], то материалы сегодняшних периодических изданий не только информируют, но дают оценку, подвергают анализу, воздействуют на целевую аудиторию. Такой цели отвечают авторские статьи, написанные лидерами нашего государства и опубликованные в зарубежных изданиях.

Начиная с 2008 года Д.А. Медведев (на посту как президента, так и премьер-министра России) опубликовал 14 статей, посвящённых актуальным вопросам положения дел в стране, международного сотрудничества, современного политического и экономического развития. Так, 21 ноября 2008 года накануне саммита АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества) в средствах массовой информации Азиатско-Тихоокеанского региона вышла статья «К упрочению динамичного равноправного партнёрства в Азиатско-Тихоокеанском регионе». 31 марта 2009 года газета Washington Post публикует статью Д.А. Медведева под заголовком «Строя российско-американские отношения».

Площадкой для выражения авторского мнения руководителей нашей страны становились не только зарубежные, но и интернет-издания. Так, 10 сентября 2009 года в интернет-издании Газета.Ru была опубликована статья Д.А. Медведева «Россия, вперёд!», в которой президент изложил своё представление о будущем России. Следующая статья «АТЭС: на пути к стабильному, безопасному и процветающему сообществу» была опубликована также в интернет-пространстве, но на этот раз на официальном сайте руководителя государства. 13 ноября 2009 года британское издание Economist предоставило своё газетное пространство Д.А. Медведеву для публикации его статьи «Роль России в «переходный» период». 6 апреля 2010 года в преддверии официального визита президента России в Словацкую Республику в словацкой газете Правда была опубликована статья «Миссия: партнёрство». Как видно из перечисления статей и

сроков их публикации, большинство из них приурочено к важным событиям в жизни страны и мирового сообщества.

Не является исключением и следующая статья Д.А. Медведева «Страны БРИК: общие цели – общие действия», которая, как следует из названия, вышла в свет в преддверии саммита БРИК (с 2011 года аббревиатура была изменена на БРИКС – Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская республика) в печатных изданиях четырёх быстроразвивающихся стран-членов этой группы.

9 мая 2010 года накануне визита Д.А. Медведева в Сирию сирийская газета Аль-Ватан публикует статью-обращение к народу ближневосточного государства. Следующей страной, которую президент России посетил во время своего визита в страны «Большого Ближнего Востока», была Турция, оценку отношений с которой Д.А. Медведев изложил в статье, опубликованной в турецкой газете Заман. 27 сентября 2010 года в газете «Синьминь Ваньбао» (издание Китайской Народной Республики) было опубликовано приветствие Д.А. Медведева организаторам и участникам выставки «ЭКСПО-2010», проходившей с 1 мая по 31 октября того же года в г. Шанхай, Китай. В октябре 2010 г. президент России с официальным визитом посетил республику Кипр, в ходе которого обратился к читателям кипрской газеты Филэлефтерос (7 октября 2010 г.).

30-31 октября 2010 года Д.А. Медведев принял участие во втором саммите России и стран-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в Ханое (столице Вьетнама) и посетил с официальным визитом Социалистическую Республику Вьетнам, а накануне этих событий обратился к читателям вьетнамской газеты Нянзан (30 октября 2010 г.). В рамках подготовки к форуму АТЭС-2012 на сайте президента России была опубликована статья «Интеграция – в целях развития, инновации – в интересах процветания» (28 января 2012 г.). На посту премьер-министра России Д.А. Медведев издал лишь одну статью – 5 апреля 2013 года накануне форму Балтийского моря в изданиях Aftenposten (Норвегия), Helsingin Sanomat (Финляндия), Rzeczpospolita (Польша), Jyllands-Posten (Дания), Morgunblaðid (Исландия), Neatkariga Rita Avize (Латвия), Eesti Päevaleht (Эстония) была опубликована статья «Балтика в XXI

веке: приоритет – экология».

Первая статья В.В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий» была опубликована на интернет-сайте кабинета министров РФ 30 декабря 1999 года. Следующая статья В.В. Путина вышла в свет ровно через десять лет 31 августа 2009 года в польском издании Газета Выборча. Однако ареной для выражения собственного мнения российские политики выбирают не только зарубежные средства массовой информации, но и российские издания. 4 октября 2011 г. газета «Известия» опубликовала статью тогдашнего председателя правительства России В.В. Путина, посвящённую вопросам интеграции и взаимовыгодного сотрудничества на постсоветском пространстве «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня». 5 июня 2012 года в преддверии государственного визита в Китайскую Народную Республику в газете Женьминь жибао выходит статья президента России «Россия и Китай: новые горизонты сотрудничества». Информационным поводом для создания этой статьи стал не только визит В.В. Путина в Китай, но и саммит Шанхайской организации сотрудничества в Пекине.

18 июня того же года мексиканская газета El Universal публикует статью В.В. Путина «Группа двадцати» и глобальные вызовы экономики», посвящённую проблемам мировой экономики и новым вызовам, стоящим перед «Группой двадцати» (19 крупнейших национальных экономик и Евросоюз). 5 сентября 2012 года в азиатском издании ведущей американской деловой газеты Wall Street Journal была размещена статья «Владивосток-2012: российская повестка для форума АТЭС», в которой президент России подчеркнул значимость России как нового члена Всемирной торговой организации.

В конце 2012 года (23 декабря) в преддверии официального визита президента России в Индию в газете Хинду была опубликована статья В.В. Путина «Россия и Индия: новые горизонты стратегического партнёрства в XXI веке». 8 апреля 2013 года президент России посетил Нидерланды, а накануне этого визита нидерландская газета De Telegraaf публикует статью «Россия и Нидерланды – традиции, историческая преемственность и новые перспективы партнёрства».

Не вызывает сомнения тот факт, что самой резонансной

статьей, принадлежащей В.В. Путину, стала публикация «Россия призывает к осторожности», вышедшая 11 сентября 2013 года на страницах американской газеты New York Times. В этой статье обсуждается проблема военного вмешательства США в конфликт в Сирии. Упомянутое американское издание уже становилось площадкой для выражения мнения В.В. Путина, который свою первую статью для этой газеты написал в 1999 г. В ноябре 2013 года состоялся визит В.В. Путина в Социалистическую Республику Вьетнам, а в его преддверии в ведущих печатных изданиях Вьетнама опубликована статья Владимира Путина «Россия – Вьетнам: вместе к новым рубежам сотрудничества».

Таким образом, под авторскими статьями в настоящем исследовании понимаются тексты, написанные руководителями нашего государства и опубликованные в зарубежных и российских изданиях. В случае контакта двух культур мы можем говорить о функционировании текстов авторских статей в межкультурном политическом пространстве. Для авторских статей в данном случае характерными являются следующие признаки: нацеленность на зарубежную целевую аудиторию; обсуждение актуальных мировых проблем и задач, стоящих перед отдельным государством, в межкультурной перспективе; авторская оценка происходящих и анализируемых событий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бендерский В.В. История отечественных средств массовой информации / В.В. Бендерский, В.Л. Хмылёв. – Томск: Изд-во ТПУ, 2006. – 150 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.

Никифорова М.В.

Екатеринбург, Россия

**«СВОИ – ЧУЖИЕ» В
ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ
МЭРА Г. ЕКАТЕРИНБУРГА
Е. РОЙЗМАНА**

Nikiforova M.V.

Ekaterinburg, Russia

**“FRIENDS OR FOES” IN
THE PRE-ELECTION
DISCOURSE OF MAYOR OF
EKATERINBURG
EU. ROIZMAN**

Аннотация. В статье анализируются средства вербализации концептуальной дихотомии *свои – чужие* в предвыборном дискурсе мэра г. Екатеринбурга Е. Ройзмана.

Ключевые слова: предвыборный дискурс, концептуальная дихотомия «свои – чужие», Е. Ройзман.

Abstract. The author analyzes language representation of the conceptual dichotomy *friends or foes* in the pre-election discourse of Mayor of Ekaterinburg Eu. Roizman.

Keywords: *pre-election discourse, conceptual dichotomy “friends or foes”, Eu. Roizman.*

Сведения об авторе: Никифорова Марина Владимировна, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации УрГПУ, преподаватель английского языка.

Место работы: Российский государственный профессионально-педагогический университет.

About the Author: Nikiforova Marina Vladimirovna, Post-graduate student of the Chair of Rhetoric and Cross-cultural Communication of the Ural State Pedagogical University, lecturer.

Place of employment: Russian State Vocational Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, ул. Таганская, 75, к.423; e-mail: armada29@yandex.ru.

Концептуальная оппозиция *свои – чужие* является непреходящим атрибутом политической коммуникации [Асташова 2011; Балашова 2014; Нехорошева 2012; Паршина 2005; Шейгал 2000]. Особую значимость актуализация данной оппозиции приобретает в предвыборный период, когда размежевание политических сил на *своих* и *чужих* становится не только способом переосмысления социальной и политической реальности, но и действенным инструментом в борьбе за власть. Особый интерес в этом отношении представляют языковые средства реализации дихотомии *свои – чужие*, которые в период предвыборной борь-

© Никифорова М.В., 2015

бы отличаются значительным разнообразием.

Настоящая статья посвящена анализу способов вербализации концептуальной дихотомии *свои – чужие* в предвыборном дискурсе мэра г. Екатеринбурга Е. Ройзмана. Материалом для статьи послужили печатные тексты, стенограммы и видеозаписи выступлений политика в интервью различным средствам массовой информации за период с июля по сентябрь 2013 г. (до официального вступления Е. Ройзмана в должность мэра г. Екатеринбурга) в количестве более 16500 словоупотреблений.

Отметим, что лейтмотивом всех выступлений Е. Ройзмана в рамках предвыборного дискурса становится фраза «*Это мой город. Я здесь родился и вырос*». Отметим также, что, по словам Е. Ройзмана, причиной выдвижения его кандидатуры на пост мэра города стали его постоянные конфликты с приезжими представителями региональной власти и правоохранительных органов в связи с деятельностью общественной организации «Город без наркотиков», одним из основателей которой является Е. Ройзман. В своих выступлениях политик неоднократно открыто обозначает оппозицию *свои – чужие*, где *свои* – это местные жители, а *чужие* – приезжие губернатор, его команда и представители силовых структур. Таким образом, базовая когнитивная оппозиция *свои – чужие* трансформируется в речи Е. Ройзмана в оппозицию *народ – власть*, а последняя, в свою очередь, конкретизируется дополнительным параметром – территориальным признаком – и в итоге приобретает вид: *жители города – приезжие представители региональной власти и правоохранительных органов*.

Итак, номинативное поле *своих* в речи Е. Ройзмана составляют лексические единицы, в семантике которых реализуется значение *житель Екатеринбурга: свердловчане, екатеринбуржцы, горожане, город, Екатеринбург, местные жители, население, народ и др.* Дистанцируясь от местной власти и отождествляя себя с жителями города, Е. Ройзман формирует представление о себе как о народном избраннике. Ср: ***В моих сторонниках весь город*** [«Радио Свобода», «Лицом к событию», 13.08.2013]; ***Я понял, что за меня встает город*** [«Дождь», «Собчак живьем», 10.09.2013]; ***Я думаю / что свердловчане меня поддержат / как в общем-то всегда поддержи-***

вали [«Комсомольская правда», «Политика: в России», 19.07.2013]. Политик подчеркивает, что, будучи кандидатом от народа, он несет ответственность перед жителями города и его основная задача – защищать их интересы. Ср.: *И если мне совершать какие-то движения, мне надо объясняться со всеми людьми* [ТАУ ТВ, «Новости», 09.09.2013].

Контекстуальный анализ фрагментов, актуализирующих дихотомию *свои – чужие*, демонстрирует, что, наряду с общеязыковыми лексемами, для номинации *своих* Е. Ройзман активно использует *мы*-инклюзивное и его варианты – *наш, нам, у нас*, реализующие когнитивный признак *сплоченности, единства*. Ср.: *Мы тут родились и выросли* [«Эхо Москвы», «Интервью», 08.09.2013]; *Это наш город* [«Радио Свобода», «Лицом к событию», 13.08.2013]. Закономерно при этом, что *мы* представляет разные референтные группы, то есть реализует разные значения: *мы* коллегиальное (фонд «Город без наркотиков» и предвыборный штаб Е. Ройзмана) и *мы* метонимическое (город Екатеринбург). Более важным представляется второе значение *мы*, предполагающее стирание различий между политиком и избирателем и позволяющее ему идентифицировать себя как члена одной с избирателем референтной группы. Ср.: *Они же принимают решения кулуарно // Они же у нас / жителей города / не спросили //* [«Комсомольская правда», «Политика: в России», 19.07.2013]; *Эти люди приехали и уехали / а нам-то здесь жить / мы отсюда уезжать не собираемся //* [«Комсомольская правда», «Политика: в России», 19.07.2013]. Следует, отметить, что данный прием считается традиционным в ходе предвыборной борьбы и активно применяется политиками всех уровней власти.

Рассматриваемая оппозиция *свои – чужие* является аксиологической категорией, связанной с полем оценочности языка, которое, в свою очередь, включает разнообразные языковые средства выражения отношения говорящего к объекту речи. Так, к основным средствам экспликации положительной оценки *своих* в речи Е. Ройзмана мы относим атрибутивные элементы с мелиоративной оценочной семантикой и прилагательные в превосходной степени. Ср.: ... *За меня голосовали просто думающие, серьезные, сильные люди* [«Дождь», «Собчак живьем»,

10.09.2013]; *Екатеринбург – город интеллектуальный, думающий* [«Эхо Москвы», «Интервью», 08.09.2013]; *Екатеринбург – один из лучших городов России* [«Радио Свобода», «Лицом к событию», 13.08.2013].

Номинативное поле *чужих* в речи Е. Ройзмана может быть представлено в виде двух макрополей, объединенных ядерной лексемой-репрезентантом *приезжий*: *Представляете / ситуация какая // Губернатор / назначенец / приезжий // Начальник полиции / приезжий / назначенец // Начальник городской милиции / приезжий // Министр культуры / приезжий* [«Комсомольская правда», «Политика: в России», 19.07.2013]. К первому макрополю *чужих* относятся номинации представителей региональной власти – губернатора области и его окружения: *губернатор, назначенец, администрация губернатора, губернаторские, местные власти* и др. Номинации приезжих чиновников включают также различные описательные обороты, реализующие в своем значении когнитивный признак *чуждости*: *чужие люди, странные люди, человек со стороны* и др.

Второе макрополе *чужих* составляют номинации приезжих руководителей региональных правоохранительных органов и исполнителей их решений: *начальник полиции, Бородин, руководитель ГЛАВКа, начальник местной милиции, силовики, полицаи* и др. К лексическим репрезентантам правоохранительных органов относятся также описательные обороты и прецедентные имена – *полицейский десант, мужики в погонах при власти, хунта, бандерлоги*.

Следует отметить, что часть лексических единиц, номинирующих *чужих*, в своей семантике уже содержит отрицательно-оценочный компонент (например, *холуи, бандерлоги, полицаи*), другие же приобретают негативную оценочность лишь в условиях контекста. Так, авторская оценка образа *чужих* осуществляется посредством следующих языковых средств:

1) оценочных единиц различных частей речи с пейоративным компонентом значения: *Косвенно я своей победой обяжан губернатору, безмозглым его пиарщикам и холуям и продажным полициям* [«Дождь», «Собчак живьем», 10.09.2013]; *Скажем так, власть измельчала откровенно* [«Радио Свобода», «Лицом к событию», 13.08.2013];

2) пропозиций с отрицательной модальностью: *Он (губернатор – М.Н.) не готов к этой работе. Получилось так, что по своему личному уровню не соответствует уровню Екатеринбурга* [«Радио Свобода», «Лицом к событию», 13.08.2013];

3) дейктических элементов *там, вон*: *Она будет называться там, ну, «Вселенная без наркотиков»* [«Дождь», «Собчак живьем», 10.09.2013]; *Они там ноют, рассказывают там о подкупах* [«Эхо Москвы», «Интервью», 08.09.2013];

4) атрибутивных элементов с ложной положительной оценкой, реализующих прием иронии: *У нас подряд зашли в город несколько назначенцев, причем все люди амбициозные такие, деятельные* [«Дождь», «Собчак живьем», 10.09.2013].

Достаточно активно для номинации *чужих* Е. Ройзман использует местоименные варианты лексемы-репрезентанта – *они, те, их*, актуализирующие когнитивный признак *отчужденности, отдаленности*. Ср.: *Они же кудуарно принимают решения* [«Комсомольская правда», «Политика: в России», 19.07.2013]; *Они считают нас – жителей Екатеринбурга – за идиотов* [«Эхо Москвы», «Разворот», 29.08.2013].

Обращают на себя внимание и случаи метафорического переосмысления образа *чужих* в речи Е. Ройзмана. Ср.: *Губернатор – человек со стороны, из Москвы, – бросил нам вызов. Пришёл и начал махать палкой направо и налево – борется с общественниками, с журналистами. Давит наш фонд* [«Аргументы недели», № 29 (371), 2013]; *Начались в городе поборы, начали выстраивать свою схему зарабатывания денег* [«Радио Свобода», «Лицом к событию», 13.08.2013]; ... *Если сейчас отказаться от выборов мэра, то растопчут* наверняка и потихому [«Радио Свобода», «Лицом к событию», 13.08.2013]; *Они воспринимают ее (Аксану Панову – М.Н.) как препятствие. Постоянная война* [«Радио Свобода», «Лицом к событию», 13.08.2013]; *Они просто с нами не считались, они нас пытались уничтожить по-настоящему* [«Дождь», «Собчак живьем», 10.09.2013]; ... *Пользуясь федеральным ресурсом, город просто начинают занимать* [«Радио Свобода», «Лицом к событию», 13.08.2013]. Во всех приведенных фрагментах реализуется метафора войны, представляющая *чужих* в роли врага, ок-

купанта. Образ врага рисуется через употребление специфической лексики (*вызов, поборы, препятствие, война*), а также через использование предикатов с семантикой уничтожения (*борется, давит, растопчут, уничтожить*). Представляется закономерным, что метафорические репрезентации *чужих* также реализуют негативную авторскую оценку.

В ряде случаев оппозиция *свои – чужие* актуализируется не только на лексико-грамматическом уровне, но и на уровне синтаксической структуры высказывания. Ср.: **Они там сказки рассказывают, но опять же, у них там ароматерапия и так далее. Ни одного выпускника! Мы же все это время работаем, и операции идут, и людей вытаскиваем, и у нас уже появились прецеденты, мы уже солевых спасали, то есть самых тяжелых наркоманов** [«Дождь», «Собчак живьем», 10.09.2013]. В результате параллельного противопоставления *мы* и *они* Е. Ройзманом реализуется прием «игры на повышение», целью которого является создание положительного образа *своих* на фоне намеренно го «умаления» образа *чужих*.

Таким образом, анализ способов вербализации концептуальной дихотомии *свои – чужие* в рамках предвыборного курса Е. Ройзмана свидетельствует о следующем:

1) базовая когнитивная оппозиция *свои – чужие* в курсе Е. Ройзмана конкретизируется и приобретает вид частной оппозиции *жители города – приезжие представители региональной власти и правоохранительных органов*;

2) объективация оппозиции *свои-чужие* в речи Е. Ройзмана осуществляется посредством комплекса языковых средств: на морфологическом уровне – дейкисов *мы, наш, у нас* – для *своих*; *они, те, их* – для *чужих*; на лексическом уровне – общеязыковых лексем и описательных оборотов, реализующих признак *территориальной принадлежности* – ключевой признак, по которому происходит размежевание на *своих* и *чужих*; на уровне синтаксиса – противопоставлением *мы – они*, выполняющим функцию текстообразующего элемента;

3) рассматриваемая оппозиция *свои – чужие*, по определению являясь ценностной категорией, репрезентируется также комплексом оценочных средств, среди которых оценочные эпитеты, дейктические элементы, пропозиции с отрицательной

модальностью и др.

В завершение еще раз отметим, что прагматический потенциал различных по своей природе языковых средств репрезентации концептуальной дихотомии *свои – чужие* в политической коммуникации заключается в их способности оказывать формирующее влияние на мнение потенциальных избирателей. Выбор этих средств, в свою очередь, определяется не только ситуацией коммуникации и спецификой аудитории, но и особенностями языковой личности политика.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асташова О.И. Динамика оппозиции «свой – чужой» в речевом портрете Н.Ю. Белых // Современная политическая лингвистика: тезисы междунар. науч. конф. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2011. – С. 25-27.

Балашова Л.В. Реализация концептов «свой – чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 40-50.

Евгений Ройзман баллотируется в мэры Екатеринбурга [Электронный ресурс]: видео / Комсомольская правда. - Екатеринбург, 2013. – URL: <http://ural.kp.ru/video/494292/?view=desktop>.

Евгений Ройзман о незакрытых уголовных делах, вере в Бога и о том, что не считает себя Навальным [Электронный ресурс]: интервью / Дождь. – 2010. – URL: http://tvrain.ru/articles/evgenij_rojzman_-351998/

Евгений Ройзман: город без "тюменских" Екатеринбурга [Электронный ресурс]: видео / интерв. М. Соколов // Радио Свобода – 2013. – URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/25074108.html>

Нехорошева А.М. Механизмы формирования когнитивной матрицы «свой – чужой» в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 140-144.

Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России [Электронный ресурс]: дисс. ... докт. филол.наук: 10.02.01. – Саратов, 2005. – URL: http://dibase.ru/article/05042010_parshinaolgaikolaevna_6745/1 (дата обращения 01.08.2014).

Ради «Эхо Москвы» [Электронный ресурс]: портал. – М., 2013. – URL: www.echo.msk.ru/programs/beseda.

Ройзман Е. Бремя сильного [Электронный ресурс] / интерв. С. Рязанов // Аргументы недели. – 1 августа 2013. – № № 29 (371). – URL: <http://argumenti.ru/society/n399/272653/>

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000. – 386 с.

Рябова И.Ю.

Екатеринбург, Россия

**МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ
МЕТАФОРИЧЕСКИХ
НОМИНАЦИЙ ЛИЧНОСТНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
ИНТЕРПРЕТАЦИЙ РОМАНА
Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА
КАРЕНИНА»)**

Аннотация. Целью статьи является изучение методик анализа метафорических единиц в художественном дискурсе. Автор дает обобщенную характеристику пяти моделям российских и зарубежных авторов. Выделяются и описываются примеры из англоязычных интерпретаций романа Л. Н. Толстого «Война и мир» согласно рассмотренным моделям.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, лексема, коллокация, контекст, дискурс, интерпретация.

Сведения об авторе: Рябова Ирина Юрьевна, преподаватель кафедры иностранных языков и перевода. Место работы: Уральский Федеральный Университет.

Контактная информация: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: i.y.ryabova_3012@mail.ru.

Ryabova I. Y.

Ekaterinburg, Russia

**METHODS OF ANALYZING
METAPHORIC UNITS,
DESCRIBING HUMAN
RELATIONS, IN FICTION (ON
THE PATTERN OF TWO
DIFFERENT VERSIONS OF
«ANNA KARENINA» BY LEO
TOLSTOY)**

Abstract. The main aim of the article is to investigate the aspect of the existing methods dealing with the analysis of metaphoric units in fiction. The author views five different models suggested by Russian and foreign linguists. Metaphoric units from English interpretations of «Anna Karenina» by Leo Tolstoy are plucked out and shed light on according to the models in question.

Keywords: metaphor, metaphoric model, lexeme, collocation, context, discourse, interpretation.

About the Author: Ryabova Irina Yurievna, teacher of the faculty of foreign languages and translation.

Place of employment: Ural Federal University.

В лингвистике существует множество подходов к вопросу интерпретации метафор в дискурсе. Разные исследователи находят разные аспекты и основания для сопоставления метафорических единиц, с разных точек зрения дифференцируют их в художественном пространстве. В рамках данной статьи рас-

смотрим пять методик, посвященных изучению метафоры в художественном тексте.

Отправной точкой исследования в этом направлении в нашем видении станет теория М. Редди о «метафоре канала связи», постулаты которой впоследствии дали начало некоторым положениям теории метафорического моделирования Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 1990]. Следствиями, вытекающими из метафоры канала связи, являются: 1) идеи (или значения) суть объекты; 2) языковые выражения суть вместилища; 3) коммуникация есть передача (отправление). Из первого положения этой метафоры – ЗНАЧЕНИЯ СУТЬ ОБЪЕКТЫ – вытекает, в частности, что значения существуют независимо от людей и контекстов употребления. Эти метафоры оказываются приемлемыми для многих речевых ситуаций, а именно для тех, в которых контекстуальные различия не играют никакой роли, и все участники речевого акта понимают фразы одинаково. Из второго компонента метафоры КАНАЛА СВЯЗИ – ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ СУТЬ ВМЕСТИЛИЩА ДЛЯ ЗНАЧЕНИЙ – вытекает, что слова и фразы обладают значением сами по себе – вне зависимости от контекста или говорящего. Тем не менее, по мнению Эрла МакКормака не стоит пытаться понять метафору буквально, иначе она представляет собой противоречие [МакКормак, 1990]. В качестве примеров сравним два англоязычных перевода романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Один предложен Ричардом Пивером и Лариссой Волохонски, второй – Луизой и Айлмером Мод. В переводе Р. Пивера емкость метафоры «возвышенность и поэзия» в отношении женщины не требует дополнительного контекста и создает образ божественного существа, порой недостижимого для героя романа: *Dolly, wait, darling. I saw Stiva when he was in love with you. I remember the time when he would come to me and weep, talking about you, and what loftiness and poetry you were for him, and I know that the longer he lived with you, the loftier you became for him. We used to laugh at him, because he added “Dolly is a remarkable woman” to every word. You are and always have been a divinity for him....* [Peaver, 2000: 70]. Недвусмысленный образ героини создан посредством лексем «lofty» с основным значением «высокий», «divinity» – «божественность», «poetry» – «поэзия». При

более подробном и внимательном рассмотрении указанных метафор находим лексико-семантические варианты «очень высокая конструкция» или «возвышенные цели и принципы, которыми можно восхищаться» у слова «lofty», значение «божество» лексемы «divinity» в литературном языке, в которых признаки «божественный» и «возвышенный» являются ключевыми. Тот же самый отрывок дан переводчиками Мод в следующей интерпретации: *Dolly, wait a bit. I have seen Steve when he was in love with you. I remember his coming to me and weeping (what **poetry and high ideals you were bound up** with in his mind!), and I know that the longer he lived with you, **the higher you rose in his esteem*** [Maude, 1918: 69]. В данном переводе легко уловима идея метафоры «подняться в чьих-то глазах» (еще выше), которая может быть включена в любой другой контекст, требующий подчеркнуть важность человека и заслуженное уважение к его персоне.

Вторая методика, на которой мы остановимся, – теория метафорического моделирования, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, суть которой заключается в том, что метафорическая структура той или иной культуры тесно связана с ее фундаментальными культурными ценностями [Лакофф, Джонсон, 1990]. На основании данного утверждения учеными был предложен ряд аксиологических моделей пространственных метафор типа «верх – низ». Они выявили, что для западного общества (западноевропейского и северно-американского культурных ареалов) характерны следующие представления: «больше по количеству – лучше», «большее по размеру – лучше», «будущее будет лучше», «в будущем будет лучше», которые связаны с глубоко укоренившимися в культуре пространственными метафорами «больше – вверху», «хорошее – вверху», с которыми читатель встречается и в произведениях Л. Н. Толстого. Так, в процитированном ранее отрывке «*the longer he lived with you, the loftier you became for him*» выявлена аксиологическая модель «дальше – выше» или «дальше – лучше». Для иллюстрации модели «выше – лучше» рассмотрим другие отрывки из этих же интерпретаций. В переводе Р. Пивера использование пространственной метафоры «неземное существо», стоящее выше всего земного, по своему контекстуальному значению тесно связанное с недостижимостью героини, ее совершенством и искренностью

натуры – *...but Levin was in love, and therefore it seemed to him that Kitty was so perfect in all respects, a being so far above everything earthly, while he was such a base earthly being, that it was even unthinkable for others or for Kitty herself to acknowledge him as worthy of her* [Peaver, 2000: 22] – дополнено «восхвалением ее до небес» в следующих отрывках: *... she at once began talking to him with a French excess of amiability, praising him for having such a wonderful daughter, and praising Kitty to the skies, calling her a treasure, a pearl and a ministering angel* [Peaver, 2000: 228]; *...and shared his conviction that he was the happiest man in the world because his fiancée was the height of perfection* [Peaver, 2000: 407]. «Эффект пирамиды» создается автором поэтапно: «существо, находящееся выше земных людей» – «восхваление ее до небес» – «верхушка, пик совершенства». Частотность употребления лексем «high», «lofty», «height», «skies» определяет их значимость в рамках данного произведения. Переводчики Мод данный контекст аксиологической модели «выше – лучше» передают с помощью глагола «transcend» с основным лексико-семантическим вариантом «превышать» и с контекстуальным – «выходить за пределы земного»: *...but Levin was in love, and therefore Kitty seemed to him so perfect in every respect, so transcending everything earthly, and he seemed to himself so very earthly and insignificant a creature, that the possibility of his being considered worthy of her by others or by herself was to him unimaginable* [Maude, 1918: 21].

Данные подходы к изучению метафоры получили широкое распространение среди российских и зарубежных исследователей. Нередким является и тот факт, что исследования метафорических единиц в разных странах могут проходить изолированно, независимо друг от друга, результатом чего является появление разных точек зрения, в том числе, противоположных друг другу.

Отечественные ученые, такие, как Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова большую роль отводят дискурсивному подходу в изучении метафорического материала. Зачастую, чтобы понять глубинный смысл и идиосинкратический характер метафорической номинации, необходимо вникнуть в контекст того или иного отрыв-

ка. Речь здесь идет о герменевтической ситуации, «остановке-стоппере» в процессе понимания, которая может быть вызвана метафорой. Иными словами, использованные в тексте метафоры зачастую «поднимаются до символов» только благодаря объяснениям, приведенным в дискурсе [Лагута, 2003]. Согласно дискурсивному подходу толкования метафор (по нашему мнению, имеющим много общего с герменевтическим), понимание – есть духовно-практическое усвоение информации (вживание в образ, истолкование текста и реконструкция смысла), поэтому понимание метафор в коммуникации происходит поэтапно. В этом плане анализ метафорических номинаций в пространстве дискурса напоминает о компонентном анализе значения слова. Подобно тому, как все значения слова состоят из компонентов, а именно содержат более простые понятия, связанные зависимостями в целостную структуру значения [Никитин, 1997; Шустрова, 2007(1)], также метафоры следует рассматривать в тесной взаимосвязи с полотном дискурса. Таким образом, нам необходим указательный минимум для иллюстрирования специфики метафорической лексики и понимания того «мира метафоры, который еще никто не постиг сполна» [Уфимцев, 2010].

Приведем примеры из тех же англоязычных интерпретаций романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Один из отрывков оригинального текста Л. Н. Толстого содержит метафоры «развинчиваться» в значении «вести себя не должным образом», «ломать копыта за правду» – в значении «делать все возможное, чтобы правда восторжествовала», которые представлены разными англоязычными коллокациями в переводах Р. Пивера и Мод. Р. Пивер повествует: *I am beginning to weary of **breaking lances for the truth in vain, and sometimes I go quite to pieces*** [Peaver, 2000: 108]. Вне данного контекста предложение «I go quite to pieces» способно вызвать «остановку-стоппер», т.к. его прямое значение – «разлетаться на куски» – в данном художественном тексте приобретает значение переносное, метафорическое «разволноваться, начать беспокоиться», т.е. вести себя таким образом, что человек утрачивает способность принимать благо-разумные решения. Использование лексемы «unstrung», имеющей прямое значение «ослабить» (например, струны музыкального инструмента), в переводе Мод в значении «развинчивать-

ся» в контексте «недостойного поведения» также может быть оценено неоднозначно вне дискурса: *I am getting tired of breaking lances uselessly in the cause of truth, and sometimes I feel quite unstrung* [Maude, 1918: 106]. Контекстуальное значение коллокации «feel quite unstrung» приобретает эмотивную окраску «чувствовать себя свободным», что может являться одной из главных характеристик любой метафорической единицы. Говоря словами Монтаны Кац, любой метафорических процесс (метафора, в частности) – графическое отражение эмоциональных, динамических, процессуальных и некоторых других компонентов пережитого опыта [Katz, 2011].

Следует также заметить, что в зависимости от авторской концепции при описании особенностей появления, функционирования концептуальной метафоры и метафорических моделей, их составляющих (фреймов, слотов, концептов), их конкретной языковой реализации могут применяться различные методики описания и классификации. Отмечается [Дзюба, 2001], что в основу концептуального анализа могут быть положены экспериментальное наблюдение, анализ лексикографического материала, метод интроспекции (самонаблюдения). Данные методики могут дополняться целым рядом иных структурных, интерпретационных и конструктивных методик, в частности методами контрастивного, этимологического, компонентного анализа, синонимического перефразирования, статистического анализа [Шустрова, 2007(1): 216].

Следующая методика описания метафорических номинаций связана с именем известного философа, историка и семиотика Умберто Эко, который в своей книге «Семиотика и философия языка» предложил семиотическую точку зрения на метафору [Есо, 1986]. Он отмечает некоторые правила, которые создают достаточно свободную интерпретацию метафор. В соответствии с его методикой следует выдержать пять шагов:

- 1) создать компонентную репрезентацию транспорта метафоры, фокусируя внимание на тех его компонентах (свойствах маркерного языка, слотах, атрибутах, предикатах и т.д.), которые важны в данном контексте.

- 2) найти концептуальные символы, которые обладают какими-либо совместными с транспортом метафоры качествами,

выделенными на предыдущем этапе – при этом они должны обладать и своими специфическими качествами (по-видимому, эти отличающиеся качества и придают эмоциональную силу метафоре). Найденные таким путем семемы образуют множество возможных теноров метафоры.

3) связать противоположные качества (или значительно отличающиеся) тенора и транспорта через общее родовое понятие в иерархической таксономии понятий. Эта связь примиряет противоположности и узаконивает таким образом метафору, которая время от времени способна содержать в себе парадокс [Будаев, Чудинов, 2006].

4) оценить качество интерпретации метафоры. Чем выше в таксономии понятий о мире произошло объединение противоположностей, тем интересней метафора. Вероятно, это может стать критерием оценки качества метафоры: например, чем неочевиднее противоположности, тем более свежей покажется метафора, особенно принимая во внимание тот факт, что «метафоры со временем стираются, тускнеют, утрачивают свою оригинальность» [Авдеенко, 2013: 17].

5) закрепить новые отношения внутри тенора, которые возникли благодаря метафоре, чтобы «исполнить когнитивную силу тропа». Проанализируем при помощи методики Умберто Эко метафору в нижеследующем отрывке двух различных переводов. В уста одного из главных героев Константина Левина Р. Пивер вкладывает такие слова: *«Ah, even so», said Levin, «even so», with disgust **reading over my life**, I tremble and curse, and bitterly complain... «Yes»* [Peaver, 2000: 39], где предикативная метафора «read over one's life» имеет значение «пересматривать свою жизнь». Необычно употребление глагола «read» в данном контексте. Прямое значение глагола «читать» – «понимать слова и буквы в книге, письме» – подразумевает написанный материал, поддающийся зрительному восприятию. Как следствие, «жизнь» предстает перед читателем чем-то осязаемым, фиксированным, со своим сложившимся сюжетом, героями, смыслами, событиями. Именно в этих признаках проявляется ее тесная связь с «книгой». Руководствуясь точкой зрения М. Ю. Михеева, нужно сказать, что при образовании метафоры на определяемое понятие «жизнь» переносится только некоторое количе-

ство признаков исходного понятия «книга» (фиксированная, обладающая сюжетом), а другие могут оставаться «за кадром» (написанная, кем-то созданная) [Михеев, 2000; Киклевич, 2014]. Таким образом, глагол «read» в метафоре «read over one's life» примиряет и узаконивает значительно отличающиеся качества понятий «жизнь» и «книга». В переводе Мод мы находим коллокацию «look back at one's life» в значении «оглянуться на свою жизнь» в отрывке: «*Ah, but all the same*», said Levin, «**looking back at my life, I tremble and curse and bitterly regret...Yes**» [Maude, 1918: 38]. Аналогично, «look back at one's life» не подразумевает «повернуть голову», а несет метафорическое значение «пересмотреть, вспомнить, оглянуться на прожитую жизнь». Следуя теории Умберто Эко, лингвисты и филологи способны оценить качество метафоры с точки зрения неожиданности и неочевидности исследуемых компонентов.

Пятой методикой исследования метафоры в рамках нашей статьи является методика описания метафорической модели, предложенная А. П. Чудиновым, в которой следует охарактеризовать:

1) исходную понятийную область (сферу-источник, сферу-донор, сигнификативную зону), т.е. понятийную область, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц;

2) новую понятийную область (ментальную сферу-магнит, сферу-мишень, куда-сферу, денотативную зону), т.е. понятийную область, к которой относятся метафорические смыслы охватываемых моделью единиц;

3) относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира. Эти фреймы изначально структурируют исходную концептуальную сферу (сферу-источник), а в метафорических смыслах служат для нетрадиционной ментальной категоризации сферы-магнита;

4) составляющие каждый фрейм типовые слоты, т.е. элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации;

5) компонент, который связывает первичные (в сферистичности) и метафорические (в сфере-магните) смыслы охватываемых данной моделью единиц;

6) дискурсивную характеристику модели, т.е. типичные для соответствующих метафор концептуальные векторы, ведущие эмотивные характеристики, прагматический потенциал модели и т.д.

7) продуктивность модели, т.е. способность к развертыванию и типовые направления развертывания в тексте и дискурсе [Чудинов, 2005].

С этой точки зрения остановимся на нескольких примерах. Р. Пивер пишет: *Anna said whatever came to her tongue, and was surprised, listening to herself, at her ability to lie. How simple, how natural her words were, and how it looked as if she simply wanted to sleep. She felt herself clothed in an impenetrable armour of lies* [Peaver, 2000: 145]. Начнем с того, что слово «armour» многозначно и имеет следующие значения: 1) доспехи, т.е. воинское снаряжение или (перен.) тяжеловесное снаряжение (разг.шутл.); 2) панцирь животного; 3) броня. Лексема «impenetrable» с лексико-семантическими вариантами «непроницаемый», «непроходимый», «трудный для понимания» характерна для словосочетаний «impenetrable forest» («непроходимый лес»), «an impenetrable mystery» («непостижимая тьма»), «impenetrable darkness» («непроглядная тьма»), но в данном контексте приобретает метафорическое значение в словосочетании «непробиваемая броня лжи». В коллокации «an impenetrable armour of lies» выделим метафорическую модель ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ВОЙНА. Фрейм ЛОЖНОЕ РЕЧЕВОЕ СООБЩЕНИЕ – БРОНЯ приводит к пониманию того, что обман героини стал единственным способом защититься и укрыться от окружающего мира. Употребление лексемы «clothed» («одетый») в предложении «she felt herself clothed in an impenetrable armour of lies» и метафорический инвертированный эпитет «armour of lies» («броня лжи») являются значимыми для слота ОБМАН – ОДЕЖДА.

Рассмотрим другие метафорические модели, например, ЛЮБОВЬ – БОЛЕЗНЬ или БУРНОЕ ПРОШЛОЕ – БОЛЕЗНЬ в текстах Р. Пивера и Мод. В переводе Р. Пивера: *But by arranged*

marriages we mean those in which both have already had their wild times. It is like scarlet fever, one has to go through it. Then we should find some artificial inoculation against love, as with small-pox [Peaver, 2000: 138]. Мод дают следующую характеристику: *But by «marriages founded on reason», we mean marriages between those who have both passed through that madness. It is like scarlet fever: one has to get it over. Then someone should invent a way of inoculating love, like vaccination* [Maude, 1918: 135]. Сфера-источник «болезнь» в данном случае представлена названиями болезней «скарлатина», «оспа», «сумасшествие» и медицинскими терминами «inoculate» – «прививать», «vaccination» – «вакцинация». Подобно тому, как термин «болезнь» подразумевает стадии «заражение» – «лечение» – «выздоровление», так и браки по расчету («arranged marriages», «marriages founded on reason»), заключенные после бурного прошлого супругов, имеют право на существование при условии «вакцинации от любви».

Подводя итог, надо сказать, что данное лингвистическое исследование не ограничивается указанными пятью методиками. Тем не менее, каждая конкретная метафорическая номинация может быть рассмотрена с точки зрения разных аспектов, с выделением слотов, фреймов, в контексте или вне его, что дает лингвистам, философам, логикам и исследователям из других сфер науки возможность понять предысторию образования метафорической единицы, ее смысл и глубинную суть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- Авдеенко И. А. Символ и метафора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3. – С. 16-18.
- Будаев Э. В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе: монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006.
- Дзюба Е. В. Концепты жизнь и смерть в поэзии М. И. Цветаевой: дис. ...канд. фил. наук. – Екатеринбург, 2001.
- Киклевич А. К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. – Харьков: Гуманитарный центр, 2014.

- Лагута О. Н. Метафорология: Теоретические аспекты. Часть 1. – Новосибирск: Новосибирский гос. Ун-т, 2003.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Прогресс, 1990.
- МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
- Михеев М. Ю. Жизни мышья беготня или тоска тщетности? // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2. – С. 47-70.
- Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1997.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка // под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1988.
- Уфимцев Р. Хвост ящерицы. Метафизика метафоры [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные. – Калининград, 2010. – URL: <http://www.metaphor.ru/er/lizard/tail.xml>.
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2005.
- Шустрова Е. В. Афроамериканский английский: монография: в 2-х т. Т.1. – М.: Флинта, Наука, 2007.
- Eco U. Semiotics and the Philosophy of language. – Bloomington: Indiana University Press, 1986.
- Katz S. Montana. Unconscious Metaphoric Processes as a Basis for an Inclusive Model of Psychoanalytic Perspectives // Psychoanalytic Inquiry. – NY., 2011. – P. 134-146.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford: Macmillan Education, 2002.
- Maude A., Maude L. Anna Karenina. – London: Wordsworth Classics, 1918.
- Peaver R., Volokhonsky L. Anna Karenina. – London: Penguin Classics, 2000.

*Скоробогатова Т.И.,
Манаенко Е.А.*

Ростов-на-Дону, Россия

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОН И ЯЗЫКОВЫЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ,
ОБУСЛОВИВШИЕ
ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА
«GLAMOUR / ГЛАМУР» ВО
ФРАНЦУЗСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

Аннотация. В статье анализируются культурно-исторические предпосылки, способствовавшие формированию концепта *Glamour*, и причины его медленного закрепления во французской лингвокультуре.

Ключевые слова: *гламур, концепт, французский язык, французская лингвокультура, культурно-исторический фон.*

Сведения об авторах: Скоробогатова Таисия Ивановна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии. Манаенко Елена Александровна, преподаватель кафедры романской филологии.

Место работы: Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

Контактная информация: ул. Б. Садовая, 33 ауд. 412, г. Ростов-на-Дону, 344082; e-mail: skorobogatova@sfedu.ru; manela@mail.ru.

*Skorobogatova T.I.,
Manaenko E.A.*

Rostov-on-Don, Russia

**CULTURAL AND
HISTORICAL CONTEXT
AND LANGUAGE
PREREQUISITES FOR THE
EMERGENCE OF THE
CONCEPT «GLAMOUR» IN
THE FRENCH
LINGUACULTURE**

Abstract. The article covers cultural and historical prerequisites for the emergence of the concept *Glamour* and the sources of its retard fixation in the French linguaculture.

Keywords: *glamour, concept, French language, French linguaculture, cultural and historical context.*

About the Authors: Skorobogatova Taisia Ivanovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Romance Languages. Manaenko Elena Aleksandrovna, Lecturer of the Department of Romance Languages.

Place of employment: Institute of philology, journalism and cross-cultural communications of Southern Federal University.

Слово *glamour* достаточно прочно укоренилось в современном медийном лексиконе Франции, поскольку гламур как эстетический феномен связан «со следующими контекстами: с миром потребления товаров (услуг), с модой, культурой “шоу”,

стилями жизни, т.е. областью определенных культурно-эстетических практик. Эти практики получают свое легитимное признание и идеологическое одобрение в средствах массовой информации: медиа, глянцевого журналах, массовой литературе, телевидении, то есть в целом комплексе массмедиаизданий, поставляющих и закрепляющих популярные “образцы” для субъекта массовой культуры» [Точилов 2011: 3]. На страницах газет и журналов французская лексическая единица *glamour* развивает и свой словообразовательный потенциал: *glamouriser* (р. ех. *comment glamouriser ses jambes avant l'été*), *déglamouriser* (р. ех. *déglamouriser les traditionnelles photos de mode*), *glamoureux / -euse* n., adj. (р. ех. *robe glamourieuse à taille basse*), *glamour* adj. (р. ех. *voiture glamour, vin glamour, plage glamour*), *ultra-glamour* adj. (р. ех. *des lèvres et un regard ultra glamour, une coiffure ultra glamour, parfaite pour les cheveux longs*), *anti-glamour* n., adj. (р. ех. *photos anti-glamour, diva anti-glamour*), *glam* n., adj. (р. ех. *une soirée glam*), *déglamourisation*, *glamping* (*glamour* + *camping*). Однако этот процесс не столь ощутим для французского языка, в отличие, например, от русского, где «наблюдается появление не только новой лексики, но и нового словообразовательного гнезда, которое включает 27 производных и структурируется подобно другим словообразовательным гнездам с вершиной – абстрактным понятием»: *гламурный, гламуренький, антигламур, гламурность, гламуризм, гламурно, гламурненько, гламуриянин, выгламуриваться* и др. [Цыгулева 2009: 206].

Нужно признать, что работы, посвященные анализу концепта *Гламур*, не столь многочисленны и написаны преимущественно на материале английского, немецкого, русского и украинского языков. Как отмечает О.О. Савельева, «это слово [гламур] заполнило пространство СМИ, началось его освоение в научном дискурсе» [Савельева 2009: 114]. Однако концепт *Glamour* в структуре современного французского языка, конкретизация его роли и места во французской культуре не становились предметом самостоятельного монографического или диссертационного исследования. Этот факт косвенно подтверждает мысль о том, что данный концепт во французской лингвокультуре не сформирован окончательно, не трансформировался из медиа-концепта в устойчивый лингвокультурный концепт, не-

смотря на ценностную значимость данного концепта на современном этапе развития западноевропейского общества и массовой культуры в целом.

И действительно, во французском языке слово *гламур* не обладает той глубиной смыслов, которая присуща ему в русском языке и в котором термин *гламур* стремительно эволюционирует, приобретая все новые и новые оттенки значения (так, например, после мнения, высказанного накануне годовщины снятия блокады Ленинграда, писателем Ефремовым на телеканале «Дождь» о том, что Ленинград нужно было сдать немцам, была выведена новая формула: гламур = простота Шарикова [герой повести М.А. Булгакова «Собачье сердце», 1925]). Русский концепт, по сравнению с английским прототипом, оказывается более колоритным и выразительным [Перкина 2012: 67].

У французского слова *glamour* нет отрицательных коннотаций при наличии, тем не менее, неоднозначного отношения к данному феномену носителей французского языка. Это позволяет сделать вывод, что концепт *glamour*, занимая определенное место в иерархии культурных ценностей современного французского общества, не является общенациональной ценностью. И определение данного феномена представляется носителями французского языка как совокупность различных качеств: *«Le glamour, c'est le sexy classe: une lichette de féminin, une pointe de sexy, deux cuillerées de classe, 3 grammes d'attitude, 1 cuillerée de chic, et pour lier le tout quelques pincées de charme»* / Гламур – это секси-класс, кусочек женственности, немного сексуальности, две ложки класса, три грамма манеры, одна ложка шика и, чтобы все это связать, щепотка шарма (www). Интересен и пример народной этимологии: *«Ça [le mot de glamour] vient de deux mots, glue et amour..... Des gens soi-disant amoureux, et tellement collants qu'on les voit tout le temps faire la une des journaux...»* / Это [гламур] происходит от двух слов, клей и любовь.... Люди, так сказать, влюбленные, и настолько липучие, что они все время не сходят с первых полос газет (www). Стоит вспомнить и характеристику гламура, данную Ф. Бегбедером в его романе «99 франков»: *«Le Glamour c'est le pays où l'on n'arrive jamais»* [Beigbeder 2004: 19], которая в русском переводе И. Волевич звучит как «Гламур – это праздник, который всегда с другими – не с то-

бой».

Именно поэтому на современном этапе особую важность приобретает анализ культурно-исторического фона и языковых предпосылок становления французского лингвокультурного концепта *glamour*, поскольку, по мнению О.В. Орловой, «возможной причиной закрепления в культуре этого концепта с “плавающим” прототипом стал значительный интерпретационно-информационный заряд, транслируемый его вербальным (заимствование из французского с крайне затемненной внутренней формой и неоднозначным фантомным значением) и культурным прообразами» [Орлова 2012: 21].

Так, в этимологии слова *гламур* отчетливо прослеживается «французский след»: этимологически слово «гламур», именуемое концепт, восходит к лат. *grammatica* – “учение, свет”, которое во французском языке разделилось на *grammaire* – обучение и *grimoire* – “колдовская книга, собрание заклинаний”. *Grammaire* было заимствовано английским языком, в процессе освоения превратившись в *grammarie*, а затем в *grammar*, сохранив значение “обучение, изучение, знание”. Перейдя из английского в шотландский, это слово снова подверглось расщеплению значения: 1) *grammar* (с сохранением семантики, закрепленной за ним в английском языке) и 2) *glamur* – “колдовство, наведение чар” [Казимилова].

Существует также версия английского происхождения слова *гламур*: *glamour* – производное от *glam*: 1) *сущ.* чары, очарование, волшебство; 2) *гл.* покорять, пленять, околдовывать.

Древний кельтский корень этого слова означает «ковы» – скрытые тайные умыслы, волшебство, метаморфозы, т.е., по сути, – подмену одного другим.

По этой версии, в старофранцузском языке слово *glamour* имело другое значение – маска для прикрытия лица, обезображенного проказой. В XVIII в. значение слова претерпело некоторые изменения – теперь это была вуалетка для женщин, скрывающих плохую кожу на лице. С. Гандл изложил собственную теорию происхождения данного термина: *glamour* происходит от слова *glimbr*, что в переводе означает «великолепие». Великолепие на самом деле является основной внешней характеристикой «гламура» [Гандл 2011: 8].

Одним из первых примеров зарождающегося гламурного образа жизни признают эпоху барокко во Франции XVII в. Отсчет существования этого стиля ведется с восшествия на престол Людовика XIV (1638 – 1715). Память о Людовике XIV, чье правление не имело прецедентов по своей длительности – 72 года, из которых 54 – личного правления – и вошло в историю как классический образец абсолютной власти, сохранилась в выражении *le Roi Soleil* (Король-Солнце). На памятной медали 1663 г. Людовик XIV был изображен в образе Аполлона, спускающегося с небес. В правой руке у него был рог изобилия, в левой – оливковая ветвь. На одной стороне медали надпись: «В какие счастливые времена мы живем», на другой: «Не многим равный» [Борисов 1991: 8]. Стоимость бриллиантов, украшавших персону Людовика XIV во время официальных церемоний, составляла 16 миллионов ливров [там же: 11]; неудивительно, что король «блистал, как солнце».

Важная роль в формировании культурного феномена *glamour* отводится Наполеону, приход к власти которого вызвал радикальные изменения в социальной структуре Франции и сокращение дистанции между правящим классом и народом. Принятие в 1804 г. «Гражданского Кодекса французов» упростило процедуру посещения резиденции Наполеона. Императорский дворец располагался теперь в центре Парижа, и, таким образом, гораздо большее количество французских подданных получили возможность познакомиться с ослепительной яркостью двора, что не могло не повлиять на умонастроения граждан Франции. Нормой поведения стала явная театральность, роскошь была демонстративна, а задавал тон в формировании нового стиля сам император. Наполеону необходимо было отвлечь внимание народа от своего скромного происхождения и незаконного восхождения на трон. «Наблюдая за пышностью церемоний придворной жизни и персонами высшего общества, современники переключали внимание от незаконности имперских притязаний Наполеона на внешние проявления его могущества» [Рудова 2009: 233].

В первой трети XIX в. во Франции появились первые романы о гламурной жизни, т.н. романы «серебряной вилки» – описания жизни светского общества. Знаковыми произведения-

ми в этом жанре считаются трактаты Оноре де Бальзака: «Об элегантной жизни», «О возбуждающих средствах» и «Теория походки». О Джордже Брайане Браммелле и его философии Оноре де Бальзак писал в своем «Трактате об элегантной жизни» (1830), где автор вложил в уста героя знаменитые слова: «от костюма зависит вся жизнь человека». Имя этого английского денди входит в состав французской фразеологической единицы *beau Brummel* (букв. красавец Брюммель; дескриптор: очень красивый и элегантный мужчина), т.е. единственной ФЕ французского языка, связанной с гламуром. Джордж Брайан Браммелл (англ. George Bryan Brummell, 1778 – 1840) – английский денди, имевший репутацию человека с безупречным вкусом и вошедший в историю как законодатель моды в эпоху Регентства (1811 – 1820). Считается создателем современного классического мужского костюма, образцом которого служил наряд самого Браммелла – длинные узкие панталоны, сюртук – чуть выше талии спереди и ласточкин хвост сзади, шейный платок, завязанный в изящный бант. Браммеллу требовалось пять часов, чтобы одеться для выхода в свет, и при этом его стиль отличался одновременно изысканностью и продуманной небрежностью. Способствовал распространению облегающих фасонов, которые были к лицу людям спортивного, атлетического телосложения, отказу мужчин от париков и пудры, парчовых или шелковых кюлоттов. Примеру Браммелла регулярно чистить зубы, ежедневно бриться и принимать ванну следовали мужчины высшего общества Англии. Представим пример современной употребления описываемой ФЕ: *Valérie Trierweiler: portrait d'une femme dandy en «belle Brummell»*. *On savait déjà Valérie Trierweiler, la compagne de François Hollande, intelligente et cultivée: ses chroniques à Paris Match ne laissent planer, sur ce point, aucun doute. Elles font souvent mouche! On la savait également une femme belle et distinguée: son allure lors de la cérémonie d'investiture de François Hollande à la Présidence de la République, le 15 mai dernier, a paru même infiniment plus chic, avec sa simple mais élégante robe noire et ses fins escarpins à hauts talons, que la pourtant gracieuse Carla Bruni, alors quelque peu godiche, à côté d'elle, avec ses chaussures plates, son pantalon un peu long, ses quelques kilos en trop et son air fatigué.* / Валери Три-

ервейлер: портрет женщины-денди как законодательницы моды. Было известно, что Валери Триервейлер, подруга Франсуа Олланда, умна и образованна: ее колонки в Пари Матч не оставляют в этом сомнений. Они часто попадают в цель! Она была известна также как красивая и утонченная женщина: ее вид во время церемонии инаугурации Франсуа Олланда, 15 мая минувшего года [2012], показался бесконечно шикарнее в простом, но элегантном черном платье и в туфлях-лодочках на высоких каблуках, чем пусть и грациозный, однако немного простоватый стиль Карлы Бруни, в ее туфлях на плоской подошве, немного длинных брюках, с несколькими лишними килограммами и уставшим видом (www).

Исторически сложилось так, что Франция явилась той страной, которая породила гламур. Однако впоследствии, заимствуя слово из английского языка (1970 г.), вбирая вместе с ним концептуальные признаки, выработанные другой культурой, лингвокультура Франции медлит с принятием гламура как общенациональной ценности. Среди факторов, способствующих замедлению этого процесса, можно назвать и сопротивление экспансии английского языка (употребление слова *гламур* порицается, например, Office québécois de la langue française, с другой стороны, такие «гламурные» слова, как *fashionista* / фанатик моды, *cougar* / женщина, имеющая связи с младшими по возрасту мужчинами, *geek* / чрезмерно увлеченный ч.-л. человек вошли в толковый словарь французского языка *Robert*, изданный в 2012 г.), и следы присутствия гламура в собственной культуре на протяжении всей истории (*glamour français, glamour à la française*). Таким образом, можно констатировать, что историко-культурный контекст, в рамках которого происходит становление того или иного концепта носит антиципирующий характер, т.е. позволяет прогнозировать стадии формирования концепта и определять в дальнейшем его национальную специфику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. – М.: Международные отношения, 1991. – 384 с.
- Гандл С. История гламура. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.
- Казиминова И.А. Семантический гештальт «гламур» в украинском языковом сознании [Электронный ресурс] // Відділ наукової термінології. Інститут української мови НАН України. – URL: <http://term-in.org/goods/15-1-1-1/category/id71/>
- Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Томск, 2012.
- Перкина А.Н. Концепт «*гламур*» в печатных средствах массовой информации (на материале английского и русского языков) // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: сборник научных трудов студентов, аспирантов и молодых ученых/ под ред. доцента Е.П. Сосниной. Ульяновск: УлГТУ, 2012. – С. 62-68.
- Рудова Л. История гламура // Теория моды: тело, одежда, культура. – 2009. – №1: Весна. – С.230-236.
- Савельева О.О. Рекламные образы и конструирование памяти о прошлом // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / Отв. ред. Д.Л. Спивак. – М.: Новый хронограф: Эйдос. Т.6: Культурное наследие: от прошлого к будущему. – 2009. – С. 114-118.
- Точиллов К.Ю. Гламур как эстетический феномен: генезис и исторические модификации [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Москва, 2011. – URL: http://files.msuc.org/avtoreferats/210.010.04_avtoreferat-ks_tochilov.pdf.
- Цыгулева А.Г. Англоязычные заимствования в тексте рекламы: анализ актуализации и особенности функционирования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – №99. – С. 203-206.
- Beigbeder F. 99 francs. – Paris: Gallimard, 2004. – 304 p.

Уланович О.И., Карась О.М.
Минск, Беларусь
**ПРАГМАТИКА СЛЕНГОВЫХ
ВЫРАЖЕНИЙ В
СТИЛИЗОВАННОЙ
РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ**

Аннотация. Прагматический потенциал сленга в стилизованной разговорной речи заключается в моделировании социально-маркированного вербального поведения героев как характерологического индикатора их социального статуса и роли.

Ключевые слова: декодификация речи, семантика и прагматика сленга, коммуникативно-прагматическая классификация сленга

Сведения об авторах: Уланович Оксана Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода. Место работы: Белорусский государственный университет. Карась Ольга Михайловна, студентка 3 курса гуманитарного факультета БГУ

Контактная информация: 220088, Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, 74, кв. 119; e-mail: oksana.ulanovich@mail.ru.

Ulanovich O.I., Karas O.M.
Minsk, Belarus
**PRAGMATICS OF SLANG IN
CONVENTIONALIZED
COLLOQUIAL SPEECH**

Abstract. Pragmatic potential of slang in conventionalized colloquial speech presupposes patterning of socio-labeled verbal behavior of the characters of the novel as a characterological indicator of their social status and role.

Keywords: decodification of speech, semantics and pragmatics of slang, communicative and pragmatic classification of slang

About the Authors: Ulanovich Oksana Ivanovna, Candidate of Psychology, Associate Professor of the Chair of Theory and Practice of Translation. Place of employment: Belarusian State University. Karas Olga Mikhailovna, 3rd year student of the BSU Humanities department

Наблюдаемая в общении в современном обществе эволюция речевого стандарта проявляется, в первую очередь, в либерализации языка и общей тенденции декодификации разговорной речи. Не литературный язык, нормированный, кодифицированный, идущий от классиков и закреплённый в словарях, разветвляется и популяризируется в разговорной речи, а, напро-

© Уланович О.И., Карась О.М., 2015

тив, из просторечья и жаргона просачивается лексика и грамматика в общеупотребительное повседневное общение. Вот как комментирует эту тенденцию В.С. Елистратов: «Литературный язык, подчиненный норме, владеющий богатейшим арсеналом тонко дифференцированных средств, рассчитанный на вдумчивое проникновение в смысл сказанного <...>, сегодня, видимо, уже не отвечает ‘техническим’ требованиям разговорной речи, и она втягивает в себя удобные для использования лексические и грамматические формы из просторечных и жаргонных систем, где закон экономии речевых усилий и закон аналогии не имеют нормативных преград [Елистратов 2000: 203]. Декларирование *свободы* во всех областях жизни, в том числе и в сфере человеческих отношений, сказывается на новых оценках вербального поведения: рассматриваемое ранее «принадлежностью социально непрестижной среды (преступной, мафиозной или просто малокультурной), начинает приобретать ‘право гражданства’ наряду с традиционными средствами литературного языка» [Валгина 2001: 56].

Подобное преобразование «вербального репертуара обычного носителя языка» в сторону раскованности, раскрепощенности, активного словоизобретательства и образной выразительности [Борисова 2001: 16] находит свое воплощение и в стилизованной разговорной речи в художественных и кинопроизведениях. Наблюдаемый мощный наплыв неформальных форм речи и даже сниженных лексем в диалогах литературных и кино персонажей, можно полагать, функционально ориентирован на моделирование определенной среды и художественных образов – стилизованной псевдореальности – средствами просторечной и грубоватой экспрессивности. Одним из средств воплощения в стилизованном диалоге указанной тенденции декодификации общения является активное использование в речи героев жаргона, сленга и арго.

Жаргон трактуется как некий социальный диалект, отличающийся от общенационального языка особым лексическим составом и используемый определенными социальными, профессиональными или иными группами лиц с общими интересами (военный, спортивный, уголовный жаргон). Соглашаясь с мнением Л.И. Скворцова, что «жаргон убивает мысль, отучает

думать его рьяных поклонников» [Скворцов 1996: 96], предлагаем акцентировать внимание на функцию жаргона в стилизованном диалоге в качестве характерологического средства критического изображения личности героя, его положения в обществе, статуса в профессии, экспликации его оценки мира: *I'm sure they'll make good astronauts. But they don't know jack about drilling* – ‘Я уверен, они хорошие астронавты. Но они **полные профаны** в бурении’ (х/ф «Армегеддон»).

До сих пор так и не существует строгого разграничения таких групп лексического состава нелитературного национального языка как «жаргон» и «сленг». Большинство лингвистов и вовсе используют их в качестве синонимов. Предлагаем исходить из следующих определений сленга: 1) О.А. Ахманова: сленг – это «элементы разговорного варианта той или иной профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих языках особую эмоционально-экспрессивную окраску» [Ахманова 1966: 419]; 2) сленг – это «совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики» и отражающих грубо-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи [Жербило 2010]. Существенным для понимания категории «сленг» является, отмечаемый Н.О. Орловой его статус как *вторичного образования*, который помимо жаргонизмов, включает просторечия и вульгарные слова. «Однако при подобном заимствовании происходит метафорическое переосмысление и расширение значения заимствованных единиц. Сленговым словам свойственна завышенная экспрессия, языковая игра, модная неология» [Орлова 2004: 40].

Из всех вербальных средств реализации прагматики в стилизованном диалоге (инвективная лексика, юмор и языковая игра, фразеоломинанты) сленг представляется наиболее репрезентативным, поскольку обладает неисчерпаемыми возможностями моделирования художественной образности, включая потенциал других отмеченных средств, а именно: экспрессивность, оценочность, комичность, неологизация и создание свежего образа, социальная идентификация, культурная маркированность и др. Анализ семантики и прагматики сленговых слов

и выражений в стилизованных диалогах позволяет нам предложить следующую коммуникативно-прагматическую классификацию сленга по критерию специфики объекта / явления, явившегося предметом выражения оценки и отношения с помощью единиц социального диалекта в стилизованном диалоге.

Группу единиц **эмоционально-экспрессивной оценки субъектов** (себя, партнеров по общению, третьих лиц) составляют ненормативные единицы, которые являются фамильярными, зачастую грубыми неформальными номинантами других лиц (или самого себя), содержащими оценку нравственных качеств, умственных способностей, характера, рода деятельности, поведения. Например, *Look, I was raised on roughnecks by you...* – ‘Я выросла среди **мужланов** из-за тебя...’; *Hey, pinhead. Why don't you go find your own party?* – ‘**Тупица**. Найди себе другую вечеринку’ (х/ф «Армагеддон»); *I can't afford those high-priced quacks. You doctors are all alike* – ‘Я не могу себе позволить оплачивать этих **дорогостоящих шарлатанов**. Вы, врачи, все одинаковые!’ (С. Шелдон «Ничто не вечно»); *Keep that bumptious bastard out of my hair, but book me on his flights* – ‘Держите этого **надутого индюка** от меня подальше, но летать я буду только с ним’; *The way I hear it... this one's a dilly* – ‘Видите ли... на этот раз пассажир, как я слышал, **с приветом**’ (А. Хейли «Аэропорт»).

В группу **фамильярных эмоционально-экспрессивных именованных объектов** (предметов, явлений) предлагаем включить сленговые единицы – просторечные названия – неодушевленных объектов (иногда нематериальных явлений) повседневной жизни. Данные единицы являются либо результатом намеренного искажения принятых в языке форм, либо уникальными окказиональными наименованиями, созданными с целью обновления традиционного и безличного репертуара языковых имен: *Do you know why I'm in this cockatamie hospital? My wife put me here* – ‘А знаете, почему я оказался в этой **паршивой больнице**? Это моя жена упрятала меня сюда’ (С. Шелдон «Ничто не вечно»); *This is beddy bye time* – ‘Пришло **время банньки**’ (м/ф «Гадкий ‘Я’»); *Enough with this “anomaly” horseshit!* – ‘Хватит **чуши** об “аномалиях”!’ (х/ф «Армагеддон»).

Наиболее репрезентативной по общему наблюдению представляется группа сленговых единиц, выражающих **оценочное отношение к событиям, действиям, ситуациям**. Эти выражения играют преимущественно эмоционально-экспрессивную и оценочную функции в стилизованной речи: это – аффективно-эмоциональные реакции героев на события в тех или иных эпизодах сюжетной линии нарратива. Например, *I give you the opportunity of a lifetime and you just blow it!* – ‘Я дал тебе единственный шанс в твоей жизни, а ты спустил его коту под хвост!’ (м/ф «Гадкий ‘Я’»); *Piece of cake* – ‘Плевое дело’; *Bet your ass you are* – ‘Я в этом уверена’ (х/ф «Армагеддон»); *Strictly for the birds* – ‘Вот уж липа’ (А. Хейли «Аэропорт»).

Также репрезентативной представляется группа сленговых единиц в функции **фамильярного обращения**, которые ассоциируются с негативными проявлениями коммуникативного поведения, такими как «бесцеремонность, развязность в обращении, панибратское обхождение с кем-либо». Фамильярное обращение сопряжено с нарушением этических и коммуникативных норм межличностного общения в статусно-маркированной ситуации, «имеет социально-этический характер и обращено к ценностно-нормативному аспекту человеческого поведения в обществе» [Фанакова 2012: 133]. Например, *Hey... chillax* – ‘Эй, не нуди, а...’; *Come to papa* – ‘Иди к папочке!’ (м/ф «Гадкий ‘Я’»); *Rain all you want, you son of a bitch* – ‘Получи, что хочешь, сукин сын’; *Shut up. Just shut up!* – ‘Заткнись. Просто заткнись!’ (х/ф «Армагеддон»); *All right, buddy. Where to?* – ‘Ну, братец, а теперь куда?’; *Thanks, honey* – ‘Спасибо, лапочка’ (А. Хейли «Аэропорт»).

Последнюю выделенную нами группу составили сленговые единицы, выражающие **эмоциональные восклицания**. В стилизованном диалоге используются преимущественно инвективные восклицания для выражения оценки и отношения к событиям: *Goddam it, A.J.!* – ‘Проклятье, Эй Джей!’; *Bullshit!* – ‘Черта с два!’; *What the hell is that?* – ‘Что за черт?’ (х/ф «Армагеддон»); *Nuts!* – ‘Чушь собачья!’; *I don’t give a goddam!* – ‘А мне плевать!’; *Damn you, get down here fast* – ‘Черт бы тебя побрал, приезжай сюда и быстро’ (А. Хейли «Аэропорт»).

Таким образом, активное использование в стилизованных диалогах вербальных средств грубоватой и просторечной экспрессивности преследует очевидную прагматическую функцию создания атмосферы непринужденного, общения, а также позволяет реципиенту осуществить идентификацию в социальной иерархии тех героев, кому приписывается употребление стилистически сниженных единиц, что детерминировано функционированием сленга как индикатора социального статуса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
- Борисова Л.М. Исторические корни современной неформальной лексики американского варианта английского языка: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.04. – Москва, 2001. – 54 с.
- Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособие. – Москва: Логос, 2001. – 304 с.
- Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980-1990-х гг.) – М.: Русские словари, 2000. – 694 с.
- Жербило Т.В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – 5-е изд., исп. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – URL: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/3646/сленг (дата обращения: 5.12.2014).
- Орлова Н.О. Сленг vs. жаргон: проблема дефиниции // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 3. – С. 36–40.
- Скворцов Л.И. Экология слова или Поговорим о культуре русской речи. – М.: Просвещение, 1996. – 207 с.
- Фанакова Л.В. Фамильярный стиль общения как специфическое коммуникативное явление // Вестник ЧГУ. – № 13 (267). – Филология. Искусствоведение. Вып. 65. – 2012. – С. 133–136.

УДК 821.152.1-2(Шоу Б.)

Березовская А.С.

Екатеринбург, Россия

ФУНКЦИЯ РЕМАРКИ В ДРАМАТУРГИИ БЕРНАРДА ШОУ

Аннотация. В данной статье нами подробно рассмотрены ремарки в пьесах «Пигмалион» и «Дом, где разбиваются сердца» Бернарда Шоу. Особенно подробно рассмотрен и показан на примере функциональный аспект ремарки в драматургии Б.Шоу.

Ключевые слова: *ремарка, драматургия, пьеса, функциональное разнообразие ремарки, авторская речь, драматургический текст.*

Сведения об авторе: Березовская Алиса Сергеевна, магистрантка 2 курса по направлению "языковое образование", УрГПУ.

Место работы: школа №41 г.Екатеринбург.

Контактная информация: 620109, г. Екатеринбург, ул. Металлургов, 10, к. 38; e-mail: aliscb@yandex.ru.

Berezovskaya A.S.

Ekaterinburg, Russia

THE FUNCTION OF THE REMARK IN BERNARD SHAW'S DRAMA

Abstract. In this article we considered in detail the remarks in Bernard Shaw's plays, such as «Pygmalion» and «Heartbreak house». Especially we considered in detail the functional aspect of remark in the playwright's drama.

Keywords: *a remark, a drama, a play, a functional variety of remark, an author's speech, drama texts.*

About the Author: Berezovskaya Alisa Sergeevna, 2 year student of Masters course "language education" at USPU.

Place of employment: school N 41

A remark takes a special place in Bernard Shaw's plays. The remark was transformed a lot in comparison with its role in a traditional drama.

The remark in B.Shaw's creation is not just an author's direction to actors or the way they should move on a stage or an intonation they should speak with, but it is the kind of emotions the actors should try to give their spectators.

Thus, Bernard Shaw attaches a great importance to the remark in a modern play. In his opinion the remark can create the new kind

of art. To prove his theories, B. Shaw became the first author, who made a step towards this kind of art in his plays, getting closer to a creation of a «mixed genre, which combines in itself a narration, a sermon, a description, a dialog and a drama»[Бердникова 2000: 9].

It is important to retrace an impact on Shaw`s remark an experience of another representatives of a new drama (A.Chekhov, G. Ibsen), to reveal features of innovation and continuity in comprehension with this drama element by English dramatist.

In one of his first plays, Shaw has already made a step toward a reformation of the drama. And it has reflected on the remark. The remark has changed: it stops being only an auxiliary element of the drama. Author`s remarks are becoming more significant. Certainly, traditional remarks are reserved, but they began to do new functions. Thus, some of them are used by dramatist for indirect characteristic of a character (characteristic through an action).

Nobody paid so much attention to the remark before G.B. Shaw (even in the new drama, where an interest to the remark was increased, because the remark turned out to be a good form for realization of an implication of the play). English playwright began to use the remark as one of the elements, which can completely change established canons of writing dramatic works. Therefore, in his earlier works the remark has already begun to figure as equal element with a basic text.

In the «Pygmalion», B. Shaw reached a mastery in characteristic of characters, with the help of different types of the remarks: remarks- characteristics, remarks, which describe an artistic space of the play, remarks, which fix hero`s actions and emotions [Woodbridge 2003: 11].

In the «Pygmalion» we can see a typical feature of an exposure remark – picturesqueness and dynamism (in comparison with the exposure remark of another playwrights). There is one more unusual type of remark in this play- «director`s» remark, which reflects an author`s view of dramaturgical scene. The remarks are used by B.Shaw in the «Pygmalion» as often as in his earlier plays. It is watched that sometimes the remark has a dominating position towards the cues. Thus, in B. Shaw`s play the remark strives to take possession of the text of the play [Шувалова 1999: 23].

The «Heartbreak house» was written in Chekhov`s traditions:

a form and content of this play are very close to Chekhov's dramas about tragedy of Russian intelligentsia.

In comparison with his earlier plays, discussion begins more and more important: remarks become secondary, while the discussions. Remarks- characteristics become more lapidare and capacious.

The playwright actively uses the remarks, which characterize play's heroes in an action (activity, dynamism or passivity in actions show specific features of a character and his feelings).

Sound remark- a new type of the remark, which was not used before in B. Shaw's plays. Symbolic remarks take a special place in his plays.

Volumetric fiction remarks are so typical for B. Shaw's plays.

And it's almost impossible to find the same ones in other authors' plays. At the expense of their descriptiveness and publicistic the remarks in B.Shaw's plays sometimes more interesting than the text of the play. With the help of such remarks the playwright creates an illusion of reality on play's pages.

Indubitable innovation is B.Shaw's remark-scene, remark-pantomime, remark-biography. And the remark-description acquire a new form [Compton 1993: 15].

Let us prove a functional variety of remarks in the «Pygmalion» by giving examples. First of all, the remarks point on:

- **on a place or on a time of an action:** (in the space between the central pillars, close to the one on her left);
- **on character's actions or their intensions:** (he rushes off);
- **on features of behavior or character's psychological state in a moment of action:** (She retreats in disgust behind the pillar) or (hopefully) or (She retires sadly and joins her daughter) or (Hysterically);
- **on a non-verbal communication:**(he touches his hat with mock respect and strolls off);
- **on a modulation of a voice:** (gently) or (severely) or (peremptorily);
- **on an addressee of a cue:** (to the girl) or (To the notetaker);
- **on the cues, connected with character's reflexion, when a character make a decision etc. :** THENOTETAKER (to himself, hastily making a note of her pronunciation of "monia") Earls court.

The remarks, at last, make a connection between the text of the drama and imaginary world of the past. In this case they serve as means of creation the historical colour.

Appealing to the «Pygmalion» by B. Shaw, we can define such function of author`s remark as «compensation of information», which provides an expression of author`s attitude to an action on the stage through the estimated paradigm of linguistic resources. Let us give an examples of author`s remarks in compensatory function:

LIZA. Who would marry me?

HIGGINS (*suddenly resorting to the most thrillingly beautiful low tones in his best elocutionary style*) By George, Eliza, the streets will be strewn with the bodies of men shooting themselves for your sake before I`ve done with you.

Bernard Shaw does not only describe character`s actions on the stage, but gives his own vision of play`s stage realization. He gives his comment to a role`s performing.

The category of emotiveness in author`s remarks is realized by different means and closely connected with the category of evaluative and gender aspects. Most of all the author uses emotive, which have a pronounced positive or negative connotation:

THE FLOWER GIRL (*appalled*) Oh, what harm is there in my leaving Lisson Grove? It wasnt fit for a pig to live in; and I had to pay four-and-six a week. (In tears) Oh, boo-hoo-oo.

Thus, the author`s speech in drama is closed form of creative activity of the playwright, which is in its verbal and non-verbal aspect (in its realization on the stage) represents the text, which should be identical to the limit of B. Shaw`s plan. Remaining unpronounceable, the author`s speech in drama defines the whole staging and active process of the play`s realization.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бердникова Л. П. Прагматика авторских ремарок в тексте английской пьесы / Л. П. Бердникова, М. Б. Уманская // Вопросы романо-германской и русской филологии: сб. науч. статей. – Пятигорск, 2000.
- Шувалова Л. А. Ремарка в драме. – СПб., 1999.
- Compton L. Shaw the Dramatist. – London, 1993.
- Woodbridge H. E.G. B. Shaw – Creative Artist. – Carbondale, 2003.

Гладкова Е.А.

Tübingen, Germany

**DER TEXT ALS MEDIUM. DIE
LITERATURTHEORIE AUS
DER RHETORISCHEN
PERSPEKTIVE**

Аннотация. В данной статье рассматривается риторическая позиция теории литературы. Риторические категории: текст, топы, фигуры, метафоры и т.д. помогают литературным теоретикам исследовать возможности литературного текста и его средства воздействия на читателя.

Ключевые слова: риторическая позиция, риторические категории, текст метафоры, хрономы

Gladkova E- A-

Tuebingen, Germany

**THE TEXT AS MEDIUM. THE
RHETORICAL STANCE OF
LITERARY THEORY**

Abstract. The article studies the rhetorical stance in literature. The theory of literature uses rhetoric categories: topos, croons, metaphors, syllepsis to investigate the boundaries of the literary text and the intensity of its impact the reader.

Keywords: rhetoric stance, rhetoric categories syllepsis, metaphors, topos, croons, text

Сведения об авторе: Гладкова Елена Андреевна, магистрант
Место учебы: университет имени Эберхарда Карла г. Тюбинген, Германия

Контактная информация: e-mail: elena.gladkova@student.uni-tuebingen.de

About the Author: Gladkova Elena Andreevna, Masterstudent
Place of study: University of Eberhard Karl Tuebingen, Germany

Wenn wir von der Literatur sprechen, dann dürfen wir nicht vergessen, dass im Mittelpunkt unserer Betrachtungen ein Text als ein ästhetisches Medium steht. Und dieser Text hat seinen eigenen Aufbau, besteht aus verschiedenen Elementen, die verschiedene Bedeutungen übertragen. Die Poetik und die Rhetorik versuchen diese Bausteine, aus denen ein Text konstruiert wird, zu erforschen und auf solche Weise die Texte zu untersuchen. In diesem Artikel möchte ich die rhetorische Position der Literaturtheorie betrachten und einige Beispiele angeben. Die rhetorischen Orte, wie Stilus, Textus, Topos, Figura, Syllepse, Metaphora usw., helfen den Literaturtheoretikern und Poetologen Grenzen, Möglichkeiten und Wirkungsmittel der Literatur zu erforschen.

Jede zusammenhängende Einheit, die Bedeutung überträgt und materiell auftritt ist ein Text. Der Text hat immer eine Form und Struktur, das Schreiben eines Textes ist immer von räumlich-zeitlichen Umständen bedingt und enthält Reflexion (Korrektur der Fehler, Notizen auf den Rändern usw.) des Autors. Diesen Akt, der den Text generiert, nennt man eine Schreib-Szene. So transportiert nicht nur der Inhalt des Textes eine Bedeutung, sondern auch selbst das Speichermedium (Papier, Notizblock, Buch), Farbe der Buchstaben und Seiten. Die Schriftgröße insbesondere bei der modernen Literatur vermittelt uns Information über den Text. Es entsteht ein Text-Bild, ein typographisches Artefakt und wir können graphische Konstruktion und das Bild der Struktur jedes einzelnen Textes untersuchen, denn die Schriftbildlichkeit kann in dem Leser unterschiedliche Bilder, Inhalte und Themen aufrufen und auf solche Weise Assoziationen und Verknüpfungen zu anderen historischen, politischen, kulturellen Ereignissen erwecken. Das heißt, dass jeder Text mit einem anderen vernetzt ist und ein Drucktext, mit seinen Illustrationen, Schriftgröße, Farbe, Wortabstand usw. nicht nur eine ästhetische Funktion aufnimmt, sondern auch ein kulturelles Gedächtnis vermittelt, einen Sinn hat, Informationen überträgt. Zum Beispiel war bei Peter Handkes Gedicht „Die Aufstellung des 1. FC Nürnberg“ das Bild der Struktur als erstes da. Wir sehen strenge räumliche Organisation und erst danach wird das Bild mit den Wörtern, hier Namen, gefüllt. Oder es kann auch bei der Literatur eine strenge Anordnungsregel geben, wie bei Sonett, wo die Struktur durch ein Diagramm bestimmt ist. Die Literatur kann von Gedächtnis abhängig sein, wie im Buch von Peter Weiss „Die Ermittlung. Oratorium in 11 Gesängen“, wo jedes Gesang über einen Raum des Konzentrationslagers berichtet. Das Buch ist so zu sagen in verschiedene Räume geteilt. Der Text generiert eine räumliche Struktur, wo sich der Mensch beim Lesen des Buches befindet und die er vorstellt. Ohne des kulturellen Wissens von den historischen, theologischen Hintergründen, des Aufbaus von diesen Werken bleibt dem Leser oder dem Betrachter die inhaltliche Seite unklar und verborgen. Oder ein Beispiel aus der Malerei ist die Decke von Sixtinischer Kapelle – wo sich die Bilder in bestimmter Anordnung befinden. Dasselbe zählt auch für viele biblische Motive, wie Krippenaufstellung in den Kirchen während der Weihnachtszeit, wo jedes Element auf seinen

Platz gehört und keines darf fehlen, oder bei den Basreliefs, Skulpturen und Heiligbildern muss die Platzeinstellung streng eingehalten werden. In vielen Kirchen erzählt man mit Hilfe den Skulpturen Geschichte der Kreuzigung Jesu. Insbesondere ist bei der russischen Ikonographie die Ordnung wichtig, so dass wir aus der Größe (Augen, Antlitz, Heiligschein) und Aufstellung der Figuren (symmetrisch, asymmetrisch, in einer Reihe, auf verschiedenen Ebenen), Farben, Abbildung der Ereignisse, erfahren können aus welcher Schule und aus welcher Gegend Russlands die Ikone stammt. Man kann behaupten, dass die Form nicht nur eine Idee, sondern auch ein Phänomen ist, weil die Form schon zur einer Erscheinung in der Natur, die die Schriftsteller teilweise nachahmen.

Seit langem behandeln die Rhetoriker noch ein Phänomen, das für einen literarischen Text von großer Bedeutung ist, und zwar rhetorischen Ort: Figura. R. Jakobson spricht von der Poetik der Abweichungen, im Gegensatz zur nicht markierten Sprache in einem wissenschaftlichen, gibt es in einem literarischen Text Tropen, die Bedeutungsveränderung kennzeichnen, und Figuren, unter denen man Gedankenfiguren, Wortfiguren und Wortfügungen unterscheidet. Ohne Figuren ist ein literarisches Werk undenkbar, denn sie weichen von der Norm ab und machen auf solche Weise den Text bildhaft und expressiv. Wenn wir im Wörterbuch nachschlagen, dann können wir viele Kommentare zu dem Wort lesen. Einerseits ist das die Form oder der Grundriss, andererseits ist das die Haltung, die Stellung des Körpers, die immer auf den Raum bezogen und mit Bewegung verbunden sind. Man kann von der Figura als von einer gefrorenen Bewegung sprechen. Sie funktioniert nach dem Prinzip der Verräumlichung, wo etwas räumlich abgebildet ist aber zeitlich bleibt, das heißt in einer bestimmten Zeit, auf einem bestimmten Ort passiert ist und im Text eingepreßt ist. Figura so wie Topos ist für die räumlich-bildliche Struktur im Text verantwortlich und machen den Text zeitlich abhängig von Ereignissen, die sie abbilden und von anderen Texten, die mit dem gegebenen verbunden sind. Es stellt sich heraus, dass die Figura immer eine auf Papier festgehaltene Bewegung, die auf einem bestimmten Platz in einer bestimmten Zeit passiert und die Texte auf eine gewisse Art miteinander verknüpft, was wir jetzt auf einem Beispiel betrachten werden.

Beobachtet man näher die Figur der Verkürzung – Syllepsis,

dann sieht man ein Beispiel der Verbindung von Ort und Zeit. Stellen wir uns eine typische Schreib-Szene vor: man schreibt etwas mit der Hand, dann streicht aus, korrigiert, schreibt drüber, das ist eine Auslassung, eine Operation der Verkürzung, wo der Vorgang der Bewegung auf einem Blatt Papier bewahrt wird. Der Mensch kann nicht alles festhalten, was er denkt, sieht oder hört, deswegen unterdrückt er manche Gedanken, Empfindungen und schreibt sie nicht auf, das ist der Prozess der Unterdrückung. Aus diesen Gründen kann man die Syllepsis zu einer syntaktischen Figur zuteilen. Andererseits ist das eine semantische Figur, die zwei oder mehr Texte miteinander verbinden kann. Ein Wort kann sowohl eine einfache Bedeutung tragen als auch Verknüpfungen mit einem anderen Wort oder einer Wortgruppe aus einem anderen Text oder Geschehen bilden. Dabei muss der Leser mehrere Texte kennen, um den ganzen Sinn zu erfassen. Zum Beispiel nehmen wir das Drama „Der Park“ von Botho Straus, wo wir Anspielungen, Motivübernahme auch Zitate aus dem Stück „Ein Sommernachtstraum“ von William Shakespeare antreffen können. Diese Intertextualität, ständige Bezüge und Verweise auf andere Texte, ist für die Literatur der 80-er sehr typisch. „Der Park“ ist ein Vertreter von solchen Text-Text-Verknüpfungen. Schon die Namen – Helen, Oberon, Titania sind mehrmalige Verweise auf andere Texte, erstens auf das Drama „Ein Sommernachtstraum“, zweitens auf alte englische Mythologie (Titania und Oberon Elfenkönigin und –könig). Das heißt, dass die Syllepse auch als Textfigur vertreten ist. Man verwendet in einem Text eine Redewendung oder ein Wort, die direkt oder indirekt auf einen anderen Text verweisen, dabei lässt man alle Kommentare über den ersten Text aus und das kann man Auslassung nennen. Syllepse stellt die Beziehung figurativ zwischen Text1 und Text2, wo die Verkürzung im Text1 eine kontextuelle und im Text2 – eine intertextuelle Bedeutung hat. Noch ein Beispiel, das erwähnenswert ist, ist Goethes „West-östlicher Divan“, wo beinahe jedes Gedicht auf ein anderes meistens von Hafis verfasstes Gedicht verweist. Goethe verbindet mit Hilfe des Titels sein Werk mit der Gedichtsammlung (pers. „Divan“) des berühmtesten persischen Schriftstellers Hafis. Im Buch des Sängers stoßen wir in jedem Gedicht auf intertextuelle Verweise, die uns zu der Urquelle schicken. Im Gedicht „Talismane“ in der ersten Strophe bemerkt man die Übernahme von einer Zeile im Koran Sure 2, 115: „Gottes ist der

Orient und der Okzident. Wohin ihr euch wenden möget, dort ist das Antlitz Gottes.“ 1

Bei Goethe ist der Anfang von der Sure übernommen und lautet:

„Gottes ist der Orient!/ Gottes ist der Occident!/ Nord- und südliches Gelände/ Ruht im Frieden seiner Hände!“ 2

Hier spielt der Urtext aus Koran eine große Bedeutung – Goethe vernetzt Poesie und Glauben, poetisiert den Koran. Aber er lässt den Korantext teilweise aus und dichtet die letzten Sätze um, so geschieht die Verschmelzung von zwei Texten von verschiedenen Zeit- und Ortangaben.

Die Tropen, solche wie Metapher und Metonymie, können als Figuren der Vertextung angesehen werden, obwohl man in der Stil-Lehre sie als Tropen angesehen werden. Um diese These zu prüfen, muss man zuerst diese zwei Begriffe näher kennenlernen. Metapher findet im Kopf statt und ist eine bildliche Form des Wortes, der Wortgruppe. Es gibt viele Metaphertheorien. Nach aristotelischem, ontologischem Modell ist diese Transportierung der Bedeutung immer ein aktiver Prozess und er selbst ist schon bildhaft. Der Mensch verändert die Wortbedeutung aufgrund von drei Bewegungen: physikalischen, begriffslogischen und ontologischen Bewegungen der Wortbedeutung. Er überträgt diese von der Art auf die Gattung, von der Gattung auf die Art, von der Art auf die Art oder nach den Regeln der Analogie, wobei die zwei Erscheinungen identisch, gleich oder ähnlich nach einem Konzept sein können. Sehen wir uns genauer semiotisches Dreieck an, dann verstehen wir wie eine Metapher entsteht: ein Interpretant sieht ein Objekt, einen Gegenstand und nennt diesen Gegenstand zu einem Symbol, Zeichen, dieses Zeichen übernimmt die Bedeutung, Eigenschaften dieses Objekts. Und wenn der Interpretant ein bestimmtes Symbol sieht, dann wird es für ihn zum Zeichen eines bestimmten Objekts in der Realität oder in einem anderen Text. Metapher ist nichts anderes als ein fremder Name an einem anderen Ort, sie vermischt alle Namen durcheinander. Man kann die Sprache als ein Regal vorstellen, wo alle Begriffe in seinen eigenen Fächern liegen und wenn man ein Wort aus seinem Schubladen nimmt und in ein anderes Fach legt, dann entsteht Bedeutungsverschiebung.

Metonymie ist eine Vertauschung der Benennung, Setzung ei-

nes Namens für den anderen, deshalb bezeichnet man sie auch als kleine (schwache) Metapher. Das ist auch immer eine Bewegung von Bedeutung von einem Ort in den anderen. Zum Beispiel nehmen wir die erste Strophe des Gedichts „Hegiere“ aus dem „West östlichen Divan“ von Goethe:

„Nord und West und Süd zersplittern/ Throne bersten, Reche zittern:/ Flüchte du, im reinen Osten/ Patriarchenluft zu kosten./ Unter Lieben, Trinken, Singen/ Soll dich Chisers Quell verjüngen.“ 3

Nord und West und Süd steht hier für Europa, was eine Metonymie ist. Throne bersten, Reche zittern – sind Metaphern, die dieses Gedicht mit der Realität verbinden. Hier greifen wir in die Weltgeschichte und sehen, dass um die Zeit, als dieses Werk zustande kam, war es in der Europa politisch sehr unruhig. Napoleonkriege in Frankreich, un stabile Stimmungen in der Gesellschaft, Frustration wegen der Stagnation der Regierungen. Aufgrund dessen kann man behaupten, dass die Metapher und Metonymie die Figuren der Ver textung sind, weil sie uns an andere Orte und Quellen verweisen, die zur Verständnis des eigentlichen Textes beitragen. Nach Roman Jakobsons Modell der Sprache hat ein Text folgende Bestandteile: Mitteilung, der Text trägt irgendwelche Information, die der Sender dem Empfänger vermittelt; Kontext, bei der Mitteilung verwendet der Sender Information, die dem Rezipient bekannt sein muss, um den Sinn zu verstehen. Es muss zwischen dem Empfänger und dem Sender ein Kontakt entstehen, sie können einander entweder sehen, oder hören, oder geschriebenes lesen, deshalb müssen sie einen Kode (Sprache) beherrschen, damit die Kommunikation ermöglicht werden kann. Die erwähnten Tropen treten als Figuren der Ver textung, weil sie Mitteilungen übertragen und kontextuell verwendet werden. Das sieht man aus dem Beispiel: „Nord und West und Süd zersplittern, / Throne bersten, Reche zittern“ – Europa ist wegen den Kriegen zersplittert, die Situation in allen Ländern ist unstabil. Durch Metapher und Metonymie wird die emotive Funktion der Sprache verwirklicht und der Kontext ergänzt die konative Funktion.

Als Schlussfolgerung kann man bemerken, dass alle Texte mehrere Ebenen haben und miteinander mit Hilfe von rhetorischen Mitteln vernetzt sind. Der literarische Text ist intermedial und intertextuell aufgebaut, weil es immer einen Kontext, der auf der Information aus der realen Welt beruht, gibt. Das heißt, Fiktion und Wirk-

lichkeit sind in einem Werk ans Engste verbunden, und die Wirklichkeit beeinflusst die Schreibweise, die Gedanken, die Stimmung des Verfassers.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Johann Wolfgang Goethe: Gedichte. West-östlicher Divan. Hg. von Hendrik Birus und Karl Eibl. Frankfurt a. M. u Leipzig 1998 (= Goethe Werke. Jubiläumsausgabe, Bd. 1)

Дзюба Е.В.

Екатеринбург, Россия

**МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ
КАТЕГОРИЗАЦИИ¹**

Аннотация. Ставится проблема изучения особенностей лексической категоризации, формулируются методологические принципы и описывается «пошаговая» методика анализа языковых категорий, подчеркивается значение результатов исследования лексической категоризации для лексикографической практики.

Ключевые слова: языковая категоризация, лексические категории, методология и методика изучения лексической категоризации.

Сведения об авторе: Дзюба Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 211; e-mail: elenacz@mail.ru.

Dziuba E.V.

Ekaterinburg, Russia

**THE METHOD OF THE
LEXICAL CATEGORIZATION
LEARNING**

Abstract. The problem of the learning of the peculiarities in lexical categorization is put, the methodological principles are stated and the «step by step» method of the interpretation of the linguistic categories is described, the significance of the results of the lexical categorization research is emphasized for lexicographical practice.

Keywords: linguistic categorization, lexical categories, methodology and the method of the lexical categorization learning.

About the Author: Dziuba Elena Vyacheslavovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dean of Faculty of Training of Highly Qualified Personnel.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Проблема изучения особенностей категоризации в языковом сознании человека лежит в русле современной когнитологии – науки, возникшей в конце XX века и активно развивающейся изначально за рубежом (А. Вежбицка, Р. Джакендорф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Э.Рош, Ж. Фоконье, Ч. Филлмор и др.), в

© Дзюба Е.В., 2015

¹ Публикация осуществлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (рпнф), проект № 15-54-00010 "а(ф)" Категоризация действительности в русском языковом сознании 2015 г.

настоящее время и в России (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, А.А. Залевская, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, В.В. Колесов, А.А. Кретов, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, А.П. Чудинов и др.). Когнитология изучает процессы получения, переработки, хранения и воспроизведения информации. Названные ментальные процедуры реализуются в двух аспектах: аспекте категоризации и концептуализации. Под категоризацией понимается процесс упорядочения полученных знаний, то есть распределения нового знания по тем или иным рубрикам, существующим в сознании человека и часто задаваемых категориями языка, носителем которого этот человек является. Концептуализация – это процесс определения набора когнитивных признаков (в т.ч. и категориальных) какого-либо явления реального или воображаемого мира, которые позволяют человеку иметь, хранить в сознании и пополнять новой информацией сколько-нибудь очерченное понятие об этом явлении и отличать его от других феноменов.

Российские ученые долгие годы изучали процессы концептуализации. Значительно меньше в отечественной лингвистике исследований, посвященных изучению механизмов категоризации и описанию самих категорий, формирующих, упорядочивающих человеческое знание под влиянием языка и сохраняющих это знание в категориях языка. Именно эти вопросы являются наиболее перспективными и требующими научного описания в настоящее время.

Определение сущности процесса категоризации, влияние особенностей человеческого сознания на формирование категорий – эти и некоторые другие вопросы на данном этапе развития науки вряд ли можно считать дискуссионными (см. об этом работы А. Вежбицкой, Дж. Лакоффа, Н.Н. Болдырева, Е.С. Кубряковой, Т.Г. Скребцовой и др.). Однако нельзя назвать полностью решенными вопросы о структуре категорий и их составляющих, о взаимоотношениях единиц категорий, о возможности конечного описания существенных признаков категорий, о значении достижений теории категорий для лексикографической практики и т.п. По-прежнему в отечественной лингвистике не описана методика изучения категорий языкового сознания, нельзя

назвать окончательно разработанным терминологический аппарат, обслуживающий данную область когнитивной науки.

Выработка четкой, «пошаговой» методики изучения когнитивных процессов позволит очертить (хотя бы схематично) круг актуальных для современного носителя языка категорий, представить аналитическое описание их структурной организации, определить границы категорий и их связи с другими категориями языкового сознания, указать существенные признаки лексической категоризации, выявить специфику взаимовлияния разных категорий, отметить их этноспецифические особенности, выделить разные типы лексических категорий. Предпринятое исследование актуально в первую очередь для современной лексикографии: оно позволяет предложить рекомендации составителям словарей, предлагающие не только уточнение семантической структуры слов, номинирующих категории и их члены, но также унификацию дефиниционной структуры единиц, описанных в современных словарях. Особое значение изучение лексической категоризации имеет для составления идеографических словарей, структуру которых определяет принцип наибольшей и наименьшей типичности языкового явления для той или иной категории. Сформулированная методология и отработанная в исследовании методика позволит также в дальнейшем описать более широкий круг категорий, формирующих сознание современных носителей русского языка.

Исследование лексической категоризации базируется на следующих методологических принципах: 1) принцип субъективизма и индивидуализации процесса категоризации (принцип влияния человеческого фактора на процесс категоризации, в отличие от классической теории Аристотеля, предполагающей исключительно онтологическую природу категорий); 2) принцип корреляции (принцип зависимости соотношения психологической и онтологической природы категории от ее вида или типа); 3) принцип детерминированности (принцип зависимости структуры (членства) категории и существенных признаков категоризации от специфики той или иной картины мира или сферы человеческого знания); 4) принцип множественности картин мира, т.е. разделения наивной (бытовой) и научной категоризации (например, в физической, инженерной, биологической, аг-

рономической, медицинской и др. картинах мира), а также учет специфики категоризации в торговой (собственно торговой и таможенной), производственной, кулинарной и других сферах в зависимости от вида рассматриваемой категории.

Предпринятое исследование имеет целью рассмотрение таких категорий, как ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ (сфера «Природа»), ИНТЕЛЛЕКТ (сфера «ЧЕЛОВЕК»), БЫТОВАЯ ТЕХНИКА (сфера «Артефакты»). Этим объясняется выбор указанных, актуальных для данных категорий областей научного знания: ботаническая, агрономическая, кулинарная, юридическая, психолого-педагогическая, торговая, физическая, инженерно-производственная и бытовая.

Изучение процесса категоризации действительности в русском языковом сознании предполагает использование следующих методов: 1) метод психолингвистического эксперимента, имеющего целью определение структур категорий, выявление существенных признаков категоризации в наивном сознании; 2) сопоставительный метод, предполагающий сравнение и противопоставление существенных признаков категоризации и структур категорий в разных картинах мира и сферах человеческого знания (биологической, медицинской, агрономической, инженерно-физической, торговой, кулинарной, бытовой картинах мира – в зависимости от вида категории); 3) метод графического представления структур категорий языкового сознания; 4) метод классификационного описания, реализующийся в построении типологии языковых категорий.

Выстроенная и обрабатываемая в данном исследовании методика предполагает следующие аналитические действия:

1. Анализ классификационного описания структуры (членства) категорий и закономерностей (в частности – существенных признаков) категоризации в научных картинах мира (на основании изучения специальной научной литературы) и иных сферах человеческой деятельности (торговле, производстве и т.д.).

2. Изучение принципов классификационного представления категорий.

3. Проведение психолингвистического эксперимента с целью выявления структуры (членства) категорий и закономерно-

стей (в частности – существенных признаков) категоризации в наивной картине мира. Графическое представление результатов исследования, предъявляющих структуру изучаемых категорий в наивном сознании.

4. Анализ лексикографического дефиниционного материала, представляющего информацию о структуре рассматриваемых категорий и принципах категоризации в собственно лингвистической картине мира.

5. Сопоставительный анализ структур рассматриваемых категорий в разных картинах мира и сферах человеческого знания.

6. Сопоставительный анализ структур рассматриваемых категорий в разных лингвокультурах.

7. Формулировка выводов: выявление закономерностей процессов познания и категоризации действительности в русском языковом сознании, определение лингвокультурной специфики категоризации, построение типологии категорий.

Разработанная на основе предложенных выше методологических принципов методика анализа лексических категорий позволяет определить их структуру (членство), описать их связи с иными категориями языкового сознания, выявить специфику категоризации в разных картинах мира и сферах человеческого знания, определить лингвокультурную специфику категоризации в русском языковом сознании, сформулировать некоторые рекомендации для лексикографов в отношении подходов к дефиниционному описанию языковых единиц-членов рассматриваемых категорий.

Дмитриева О.А.

Волгоград, Россия

**ФЕНОМЕН «СТАРЧЕСТВО» В
РУССКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются понятийная составляющая концепта «старчество», приводится социокультурная справка, раскрывающая культурную значимость старчества.

Ключевые слова: старец, старчество, концепт, авторитет, прозорливость.

Сведения об авторе: Дмитриева Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Контактная информация: 400005, г. Волгоград, ул. Бакинская 13 – 163; e-mail: dmoa@mail.ru.

Dmitrieva O.A.

Volgograd, Russia

**THE PHENOMENON OF
"ELDERSHIP" IN RUSSIAN
LINGUACULTURE**

Abstract. The article considers the meaningful component of the concept of "eldership" and gives a socio-cultural inquiry, revealing the cultural significance of the eldership

Keywords: the elder, the eldership, concept, authority, sagacity.

About the Author: Dmitrieva Olga Alexandrovna, the doctor of Philology, the senior lecturer the professor of chair of English philology

Location: Volgograd State Social – Pedagogical University

Цель данной статьи заключается в раскрытии феномена «старчество» в языковом сознании носителей русской культуры. Следует конкретизировать, что старчество с позиции когнитивной лингвистики представляет собой концепт, под которым вслед за В.И.Карасиком мы понимаем квант переживаемого опыта, который моделируется как трехмерное образование, в составе которого можно выделить понятийные, образные и ценностные характеристики. Априори, являясь смысловой единицей, концепт неразрывно связан с типичными обстоятельствами, в которых это ментальное образование актуализируется. Данная позиция позволяет считать концепты индикаторами этнокультурных или социокультурных норм, исторических условий, жанровых канонов и когнитивных стилей [Карасик 2009:10].

© Дмитриева О.А., 2015

Для презентации сущности феномена «старчество» и его значимости для русской культуры обратимся к словарным дефинициям. Анализ толковых словарей показывает следующее. Под старчеством понимается:

1. *Старость* (книжн. устар.). 2. *Образ жизни старца* (см. *старец* в 3 знач.); *пребывание в положении, звании старца* (церк., рел.) [Толковый словарь русского языка 2001].

1. *То же, что старость* 2. *Звание, положение, образ жизни старца* [*старец* 2.] [Ефремова 2006].

Как мы видим, конститутивными признаками старчества являются следующие: пожилой возраст, образ жизни.

Обратим внимание на морфологический состав слова *старчество*, суффикс -еств- (-ств-) образует существительные со значением союза, объединения лиц, которые названы в исходном слове (братство, начальство, юношество, землячество). В случае с лексемой *старчество* речь идет о старцах (в совокупности), соответственно лексема «*старец*» представлена следующим образом:

Старец - 1. *Старик* (с оттенком почтительности, уважения). 2. *Пожилой монах, отшельник. // Монах или лицо не монашеского звания как духовный наставник верующих.* 3. *устар. Нищий старик, слепец.* [Ефремова 2006].

Как мы видим, *старец* – это пожилой человек, монах, с богатым духовным опытом, пользующийся уважением.

Краткая социокультурная справка относительно феномена «старчество» представлена в «Атеистическом словаре», согласно которому, старчество: «*Монашеский институт, основанный на руководстве старца (монаха, достигшего высокой степени релит, подвижничества) аскетической практикой послушника. Старчество возникло в начале 4 в. в среде христианского монашества в Египте. Старец и послушник составляли «клеточку» монашества, скрепленную религиозно-идеологическими и личными отношениями. Старческое руководство («окормление») предполагало принцип добровольного послушания, подчинения воле старца, «отсечения собственной воли». Послушнику предписывалось не рассуждать, не прекословить старцу, открывать ему свои мысли. Обитатели монастыря и верующие окружи почитали старцев «духовными от-*

цами» («аввами»). Старчество обеспечивало воспроизводство монашеского устроения, религиозного мировоззрения, всей системы традиций, укрепляло религиозное, социальное и политическое влияние церкви на массы. В России старчество появилось, видимо, в 14 в. в скитах и пустынях Заволжья...» [Атеистический словарь 1986].

Старчество актуально в настоящее время и не ограничивается рамками религиозного дискурса или околоцерковного общения, о чем свидетельствуют данные опроса, в ходе которого респонденты (148 человек в возрасте от 19 до 72 лет) привели дефиницию старчества, выражали свою оценку к данному феномену. В качестве номинантов языковой личности «старец» выступили следующие языковые единицы: старец, старчик, авва, прозорливец, пророк, отшельник, затворник, духовный отец, духовник, монах. Как мы видим, перечисленные респондентами лексемы отражают отношение к старцу, указывают на образ жизни и духовную зрелость, а также особый дар – прозорливость.

В целом, оценка старчества положительна и эксплицируется лексемой авторитет. К старцам обращаются как к истине в последней инстанции, решение (совет) старца неоспорим, представляет собой жесткий прескриптив, поскольку имплицитно связан с сакрализацией знаний старца, данных ему Богом. Послушание старцу приравнивается к смирению перед Богом.

Авторитет, в целом, не статичен, не является величиной постоянной, кроме того, специфика авторитета сводится к тому, что в коммуникативной ситуации авторитет участника связан с его статусом, накопленным символическим капиталом, либо, возможно, предопределён его природными характеристиками. Диалогический характер авторитетности состоит в том, что авторитетность появляется у коммуниканта только как оценка в глазах второго участника диалога или социальной группы и социума в целом. Авторитетность в большей степени не является имманентным природным свойством личности (хотя и есть определённые предпосылки у более сильной – в разных смыслах – особи стать и более авторитетной). Только одобренная себе-седником, либо признанная социумом авторитетность возможна как таковая [Кашкин 2008]. Таким образом, совершенно оче-

видно, что *старчество* – это не статичное явление, а динамическое, представляет собой приобретенный духовный опыт, возведенный до максимума. *Старцами* становятся в процессе духовного роста, статус *старца* подразумевает высокий авторитет в обществе. Феномен «*старчество*» получил особый статус именно в русской культуре, соответственно, его можно назвать специфичным этнокультурным концептом.

Резюмируем: *старчество* является русским этнокультурным концептом, имеет вековую историю, однако, сохраняет актуальность, характеризуется положительной оценкой в современном массовом коммуникативном сознании, в котором авторитетность *старца* объясняется прозорливостью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Атеистический словарь / под общ. ред. М. П. Новикова. – М.: Политиздат, 1986.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. 160 000 слов: в 3 т. – М.: АСТ; Астрель, 2006.

Карасик В. И. Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство») // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2009. – Вып. 4 (30). – С. 9-13.

Кашкин В.Б. Авторитетность как коммуникативная категория // Авторитетность и коммуникация: коллективная монография. Вып. 4. – Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2008. – 216 с. – (Аспекты языка и коммуникации).

Толковый словарь русского языка: в 3 т. / под. ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече : Мир книг, 2001.

*Куприянычева Е.А.,
Мишланова С.Л.*

Пермь, Россия

**ПОСТРОЕНИЕ ОНТОЛОГИИ
ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ
«ВОЙНА» НА МАТЕРИАЛЕ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ¹**

Аннотация. Статья посвящена изучению структуры ВОЙНЫ как сложного общественно-политического феномена на основании онтологии предметной области «ВОЙНА», построенной на материале словарей различных видов и типов.

Ключевые слова: война, онтология, концепт, моделирование.

Сведения об авторах: Куприянычева Екатерина Андреевна, аспирант кафедры лингводидактики Пермского государственного национального исследовательского университета.

Мишланова Светлана Леонидовна доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой лингводидактики.

Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Контактная информация: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, тел.: (342) 239-64-77;

e-mail: katya_bukreeva@mail.ru; mishlanova@mail.ru.

*Kuprianycheva E.A.,
Mishlanova S.L.*

Perm, Russia

**CONSTRUCTION OF THE
DOMAIN ONTOLOGY «WAR»
BASED ON THE
LEXICOGRAPHIC SOURCES**

Abstract. The article considers the structure of the complicated socio-political phenomenon of WAR based on the ontology "WAR", which was built on the material from dictionaries of different types and kinds.

Keywords: war, ontology, concept, concept modeling.

About the Authors: Kuprianycheva Ekaterina Andreevna, PhD-student of the Department of Linguodidactics of Perm State National Research University.

Mishlanova Svetalana Leonidovna, Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Linguodidactics.

Place of employment: Perm State National Research University.

© Куприянычева Е.А., Мишланова С.Л., 2015

¹ Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 14-13-59007 а/п, № 15-16-59006 а/п)

Вся человеческая история может быть поделена на две части – войну и мир – два полярных состояния, в которых находится любое общество в своем развитии и отношении с внешним окружением. Несмотря на все надежды и прогнозы, что с прогрессом цивилизации крайние конфликтные, разрушительные формы взаимоотношений в человеческом обществе, в том числе и войны, постепенно сойдут на нет, не оправдались. Более того, в последние столетия проявилась тенденция не только учащения войн, но и многократного роста масштаба охваченных ими территорий и людских масс, числа вовлекаемых в них стран и народов, степени ожесточенности, количества жертв и величины ущерба. XX век фактически стал апогеем человеческой воинственности и эволюции войны как особого общественно-политического явления.

Чтобы как можно более глубоко проникнуть в суть войны и лучше понять механизм ее действия, углубить понимание военных событий, необходимо изучить представления о войне, которые получили свою репрезентацию в различных источниках. Сложить полный образ Войны, а значит, построить ее онтологию представляется возможным на материале словарей, так как в них фиксируются наиболее значимые, устоявшиеся, весомые, а вследствие этого, универсальные и общепринятые представления о тех или иных объектах и явлениях действительности.

Термин «онтология» используется в нескольких областях знания и имеет два основных значения [Добров, Иванов, Лукашевич, Соловьев 2006]:

- «Философская дисциплина, которая изучает наиболее общие характеристики бытия и сущностей»;
- «Онтология – артефакт, структура, описывающая значения элементов некоторой системы».

Термин «онтология» имеет долгую историю в философии, где он еще со времен Аристотеля обозначал науку о бытии. Предметом онтологии выступало само по себе сущее, в рамках этого раздела философии выделялись базовые категории и общие свойства, типы сущностей. Начиная с 90-х гг XX в, понятие

«онтология» прочно закрепляется в сфере информационных технологий и прикладной лингвистики.

Рассмотрим несколько ключевых определений данного термина, на основании которых нам удастся сформулировать собственное понимание онтологии применительно к нашему исследованию.

В современных информационных технологиях наиболее часто упоминается и используется определение онтологии, сформулированное Н. Грубером: «Онтология – это спецификация концептуализации» [Gruber 2000]. Центральным в нем является понятие «концептуализация», под которым понимается строгое описание системы понятий, объектов и других сущностей и отношений, связывающих их друг с другом. Можно сказать, что концептуализация – это абстрактное, упрощенное видение мира, который мы хотим представить для каких-то целей. Таким образом, концептуализация расчленяет какую-либо область знаний, существующую в целостном виде, выделяет из этой области отдельные объекты, а затем формулирует отношения, свойственные для данной области [Константинова, Митрофанова 2006: 6].

В другом определении авторы делают акцент на концептуализации, протекающей в рамках определенной предметной области: "...Онтология – это точная спецификация некоторой предметной области. Она обеспечивает словарь для представления и обмена знаниями об этой предметной области и множество связей, установленных между терминами в этом словаре. В простейшем случае построение онтологии сводится к:

- выделению концептов – базовых понятий данной предметной области;
- построению связей между концептами – определению соотношений и взаимодействий базовых понятий [Некипелов, Шахиди 1995].

В рамках настоящего лингвистического исследования предлагаем собственное определение онтологии: **лингвистическая онтология** представляет собой структуру некоторой предметной области, описывающую понятия этой предметной области и отношения между ними. Лингвистическая онтология находит свою объективацию в лингвистических источниках.

Моделирование предметной области осуществляется на основе онтологического подхода, интегрирующего знания экспертов и лингвистические знания. Понятие «онтология» тесно граничит с понятием «концепт». С когнитивной точки зрения концепт определяется как «оперативная содержательная единица мышления, квант структурированного знания» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1997: 90]. В когнитивной лингвистике концепт представляется сложноструктурированным ментальным образованием, которое формируется в социальной практической деятельности и объективируется в тексте разными способами. Если онтология больше связана с универсальным общечеловеческим пониманием вещей, то концепт, как правило, включает в себя не только типичные признаки явления или предмета, но и все коннотации, обусловленные культурой данного народа. Все типичные, значимые признаки того или иного явления или предмета заключены в так называемую ядерную часть концепта (понятийная компонента [Воркачев 2002; Карасик 1999: 39], или понятийная основа [Маслова 2007: 228], или ядро концепта [Стернин 2001: 61]), которая объективируется в полной мере в словарных дефинициях. Понятийная компонента представляется наиболее значимой в структуре концепта, образует его каркас. Помимо ядра выделяют периферию концепта, образованную *интерпретационным полем концепта* – «совокупностью слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта» [Стернин 2001: 61]. Если говорить о ядерной части концепта, содержащей типичные и наиболее существенные признаки вещей, безотносительно к той или иной культуре, то понятие «концепт» будет выступать синонимом по отношению к онтологии.

В настоящей работе исследователи ставят перед собой следующую *цель* – построить онтологию предметной области «Война», используя в качестве материала исследования авторитетные общенаучные и отраслевые лексикографические источники. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить определенные *задачи*:

- построить адекватную концептуальную модель предметной области «Война», основываясь на данных, полученных в процессе работы с авторитетными лексикографическими источниками;

- исследовать свойства объектов предметной области и зависимостей между объектами;

- описать свойства и зависимости между объектами.

При анализе лексикографических источников мы столкнулись с самыми разными определениями понятия «Война». Наиболее частотным является определение Войны как *общественно-политического явления*. Это, в свою очередь, говорит о том, что феномен Войны тесно связан с политикой, экономикой и социальной сферой. Политика определяет цели и социальный характер войны, решающим образом воздействует на ее интенсивность и способы ведения, направленность сосредоточения основных усилий, степень мобилизации людских и материальных ресурсов. Вместе с тем, война оказывает обратное воздействие на политику, замедляет или, наоборот, ускоряет развитие общественно-политических процессов. Таким же образом война требует коренной перестройки экономики, мобилизации всех ее возможностей для нужд вооруженных сил [Санжаревский 2014].

В других случаях Война понимается как *вооруженная борьба, раздор, вражда, ратный бой, усобица, экстремальное явление, столкновение, конфликтные отношения*. Данные дефиниции имеют общую сему – **полярность, противопоставленность**. Полярность наблюдается между участниками Войны, которые становятся в оппозицию по отношению друг к другу. Если представить данные отношения наглядно в виде шкалы, то крайние, экстремальные точки будут заняты участниками-противниками (условно *участник 1* и *участник 2*), а центр шкалы будет представлять собой момент их *столкновения*.

Как правило, при столкновении двух противоборствующих сторон одна выходит из конфликта **победителем**, другая оказывается **проигравшей**. Участник 1 и Участник 2 представлены **военизированными формированиями**, относящимися к специальному социальному институту – **армии и флоту**.

Следует отметить, что большинство анализируемых источников определяет Войну как *вооруженную борьбу*, основной акцент делается на том, что при столкновении противники применяют в качестве *средств ведения Войны*, как правило, то или иное *оружие*. Данное понимание Войны связано с традиционным взглядом на ее сущность. Заметим, что после Второй мировой войны наблюдается модернизация в военной сфере, что порождает новый тип войн – бесконтактные, которые не предполагают обязательного применения оружия для ведения войны, соответственно, борьба перестает быть вооруженной.

Не менее важным аспектом для характеристики Войны как сложного феномена является момент *организации / организованности*, на который неоднократно указывалось в словарных и энциклопедических статьях. Война вовсе не хаотичное явление, она имеет четкую внутреннюю структуру: заранее известны принципы, средства и способы ведения военных действий, четко обозначено, что участвуют в сражениях военизированные формирования (армия и флот). Если взглянуть на Войну как на процесс, то также будет прослеживаться четкая организация: событие имеет *начало* и *конец*, ей предшествуют определенные *причины*, в ходе войны преследуются конкретные *цели*, военные действия приводят к определенным *результатам*, как к положительным, так и к негативным. Для наглядности представим онтологию предметной области «Война» в виде следующей модели, состоящей из нескольких уровней структурных узлов и связей между ними.

Представленная онтология имеет иерархическую структуру: первый уровень образован структурными узлами «Причины», ведущие к началу войны, «Война» (действия), «Цели», преследуемые участниками в ходе войны, и «Результаты», на данном уровне явление войны рассматривается процессуально, как событие, имеющее логическое начало, ход и конец. Далее приступаем к рассмотрению второго уровня модели, на котором явление войны охарактеризовано с точки зрения внутренней структуры. Узлами второго уровня можно считать «Организацию», которая присуща как «Военным действиям», так и «Военизированным формированиям (армии и флоту)». На третьем уровне наблюдается детализация и конкретизация узлов второго

уровня путем их дробления на более мелкие составляющие. Итак, «Военные действия» в зависимости от «Средств и способов ведения войны» подразделяются на «Невооруженную борьбу» и «Вооруженную борьбу». «Военизированные формирования» представлены в свою очередь условными номинациями «Участник 1» и «Участник 2», один из которых в результате войны оказывается «Победителем», а другой «Проигравшим».

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что экспертное знание, представленное в полном объеме в рамках словарных дефиниций, в других типах дискурса и в реальной коммуникации встречается не всегда. Проследить эту закономерность представляется возможным при дальнейшей работе с полученными результатами, связанной с привлечением нового исследовательского материала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Воркачев С.Г. Методологические основания лингво-концептологии // Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – Вып. 3.
- Онтологии и тезаурусы: уч. пособ. / Б.В. Добров [и др.] – Казань, Москва: Казанский гос. ун-т, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. – 157 с.
- Карасик В.И. Оценочные доминанты в языковой картине мира // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. – Белгород, 1999.
- Константинова Н.С. Онтологии как системы хранения знаний / Н.С. Константинова, О.А. Митрофанова. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 54 с.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.–245 с.
- Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
- Некипелов Н. Онтология анализа данных [Электронный ресурс] / Н. Некипелов, А. Шахиди // BaseGroup Labs. – 1995. – № 7 – URL: <http://www.basegroup.ru/library/methodology/ontology>.

Политическая наука: словарь-справочник / сост. И.И. Санжаревский. – 6-е изд., испр. и доп. – Тамбов, 2014.

Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И.А. Стернина. – Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 58-65.

Gruber Th. What is an Ontology[Электронный ресурс]. – 2000. - URL: <http://www-ksl.stanford.edu/kst/what-is-an-ontology.html>.

Ловцова О.В.

Екатеринбург, Россия
**ИГРОВАЯ ПРИРОДА
ЗАГЛАВИЯ ПЬЕСЫ
М. РАВЕНХИЛЛА
«CITIZENSHIP»**

Аннотация. В статье рассматривается игровой потенциал заглавия пьесы Марка Равенхилла «Citizenship», соотношение заглавия с содержанием пьесы и внетекстовой реальностью.

Ключевые слова: Марк Равенхилл, игра; заглавие, современная британская драма, театр жестокости, пьеса о подростках.

Сведения об авторе: Ловцова Ольга Валерьевна, аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 279; e-mail: o_lovtsova@mail.ru.

Lovtsova O.V.

Ekaterinburg, Russia
**THE GAMING COMPONENT OF
THE TITLE IN THE PLAY
«CITIZENSHIP» BY M.
RAVENHILL**

Abstract. The article analyzes the gaming potential of the title M. Ravenhill's play «Citizenship». The author reveals the correlation of the title with the content of the play and extra-textual reality.

Keywords: Mark Ravenhill; the play; title; contemporary British drama; theater of cruelty; play about teenagers.

About the Author: Lovtsova Olga Valeryevna, postgraduate student of Department of Literature and Methods of its Teaching.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Заголовочный комплекс произведения выявляет особенности построения художественного мира произведения, репрезентирует смысловые парадигмы текста и апеллирует к внетекстовой реальности, тенденции, прослеживающиеся в озаглавлении, характеризуют не только само произведение, но и его автора, и аудиторию, на которую произведение рассчитано.

Прежде чем анализировать семантический потенциал заглавия пьесы М. Равенхилла «Citizenship» (2006 г.) и его соотношение с текстом пьесы, следует обратиться к толковому словарю, лексическое значение слова «citizenship», изъятото из контекста произведения, представлено в Оксфордском толковом словаре следующим образом: «1. the legal right to belong to a par-

particular country; 2. the state of being a citizen and accepting the responsibilities of it» [Hornby 2000: 195]. Также слово «citizenship» является наименованием учебной дисциплины, с 2002 года обязательной для изучения во всех английских школах: «гражданское образование развивает знания, умения и понимание того, что ученики должны в полной мере участвовать в общественной жизни как активные и ответственные граждане. Ученики узнают о политике, парламенте и голосовании, правах человека, справедливости, законах и экономике. Они также получают необходимые жизненные навыки для граждан» [About Citizenship].

Юные герои пьесы Марка Равенхилла «Citizenship» – британские старшеклассники, изучающие в школе граждановедение (гражданство), однако взросление и самоопределение не сопрягается у подростков со школьной программой, освоение которой должно помочь подросткам безболезненно включиться в социум в качестве активных граждан, а напротив, вступает в противоречие с ней. Основная часть действия пьесы разворачивается в стенах школы, на уроках граждановедения, но в пьесе ни разу не поднимается вопрос о том, что понимают под «гражданством» маленькие граждане Великобритании.

Особое внимание уделено истории приобщения к стандартам гражданского общества и обретения социального языка двумя героями – подростками Томом и Эми, причем опыт включения в социум связан у детей со столкновением с жестокостью и общественным равнодушием. Жертвой социального насилия оказывается Эми, основными источниками насилия выступают ее учитель граждановедения и психотерапевт, то есть люди, профессии которых подразумевают оказание помощи в формировании прочной идентичности и активной гражданской позиции у молодого человека. Грубые методы психотерапии лишь усугубляют состояние героини, например, при панической атаке (к слову, приступы вызваны неудачами, постоянно наступающими ее в компании других подростков, и одиночеством) девочке предлагается написать сто раз аффирмацию «я окружена любовью» [Ravenhill 2006: 61]. В школе, на уроке граждановедения, героиня получает задание нянчиться с куклой, замечание Эми по поводу того, что роль матери ей не подходит, справедливо: «A m y. I told her – I'm not fit be a mother, look at my arms.

You can't be a mother when you've got cuts all over your arms» [Ravenhill 2006: 70], однако переживания девочки не интересуют учителя и не вызывают сочувствия у врача, и вместо слов поддержки ребенок слышит вроде бы верные гуманистические установки, находящиеся в рамках учебной программы по граждановедению, но разрушающе действующие на ее эмоциональное состояние:

«T o m. And what did she say?

A m y. Said it would take out my myself – think about another life» [Ravenhill 2006: 70].

В целом же задание с куклой вызывает у разных героинь пьесы разные ощущения, но большинство из них серьезно относятся к куску пластмассы и нянчат его, не замечая, что упражнение носит дискриминационный характер, в нем прослеживается формирование в сознании девочек патриархальных стереотипов о роли женщины в обществе.

Задание с куклой подробно представлено в пьесе, тогда как содержание курсовой работы Тома на тему «Как я понимаю мультикультурное общество» не случайно остается без внимания драматурга: таким образом демонстрируется исключенность молодых людей из глобального культурного и правового пространства и незначительность их мнения относительно общества, несмотря на то, что цель учебной дисциплины состоит именно том, чтобы приобщать детей к общественным ценностям, «в пьесах Равенхилла показательно нет и книг, хотя культурное и субкультурное ориентирование героев британского драматурга также интересует» [Доценко 2012: 58].

Том, одноклассник Эми, познает равнодушие и жестокость, подобно ей же, на уроке граждановедения: «показателен разговор между Томом и молодым учителем граждановедения, требующим, чтобы ученик переписал сочинение, так как на тетрадь попала кровь. На протяжении всей этой сцены кровь продолжает капать из неудачно проколотого уха мальчика, но учитель так и не спрашивает, что случилось» [Доценко 2012: 58]. Попытки Тома вести беседу о человеческих чувствах и отношениях педагог пресекает довольно грубо: «This isn't Biology. I'm Citizenship» [Ravenhill 2006: 54].

Истинный же опыт гражданства дети получают помимо

учебной дисциплины, и этот опыт представлен как идущий вразрез с идеями о формировании свободной личности с активной гражданской позицией.

Заглавием «Citizenship» драматург обыгрывает несостоятельность всех насильственных попыток воспитать в искусственных условиях гражданственность. Также М. Равенхилл обращается непосредственно и к юным гражданам, изучившим школьный курс, но общество подростков, со всеми присущими ему проблемами, которое «зритель воспринимает как отражение социальной реальности» [Wiles 2011: 4], назвать в полной мере гражданским и свободным от стереотипов и шаблонов едва ли можно. Том терпит насмешки от своих не слишком толерантных одноклассников:

Т о м. Won't stop bleeding.

Р а у. What do you do?

Т о м. It was... we were doing an earring?

Р а у. Earring? Earring? Earring? In that ear? You was doing an earring in that ear? Shit, man. Thass the gay side. <...>

Stephen. Shit.

Tom. No, no. I'm joking <...>» [Ravenhill 2006: 46].

Эми, пережившая травмирующие уроки по тренировке навыков заботы о детях, вновь оказывается беззащитной уже в реальных отношениях с Томом и становится матерью в пятнадцать лет, а Том, вероятно слышавший на уроках гражданства установки о необходимости быть ответственным членом общества, не заботится о своей дочери. Приятель Тома, Гэри, предпочитает находиться в состоянии опьянения или «прятаться» в виртуальном пространстве, избегая общения с категоричными и грубыми одноклассниками.

Сталкиваясь с вопросами, на которые взрослые должны были дать ответы в школе, дети вынуждены самостоятельно искать пути их решения и в одиночестве взрослеть, не надеясь на помощь старших авторитетных фигур. И в данном случае автором под словом «граждановедение» понимается процесс познания себя, окружающего общества и своего места в нем.

В контексте содержания пьесы слово «citizenship» не реализует свои словарные значения, скорее эти значения иронически обыгрываются. Заглавие действительно конденсирует клю-

чевые сцены пьесы – уроки граждановедения в школе и взаимодействие молодых граждан Англии. Однако избирая в качестве заглавия пьесы название школьного предмета, драматург провоцирует не только вопросы о качестве и пользе предлагаемого детям учебного материала, но и изображает в сатирических тонах картину мира, «где молодые люди исключены из общественной жизни, и высмеивает правительство, пытающееся научить гражданству с помощью эссе о мультикультурности, обучения жизненным навыкам и тренировок в материнстве» [Wiles 2011: 4]. М. Равенхилл заостряет внимание на том, что опытом включения в гражданское общество, вопреки всем педагогическим установкам, оказывается опыт насилия, причем насилие представлено в пьесе «как социальная норма, пусть и чудовищная по своим проявлениям» [Липовецкий 2008: 764].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Доценко Е.Г. Детские страхи в новом британском «театре жестокости»: пьесы для детей и их родителей // Филологический класс. – 2012. – №27. – С. 55-60.

Липовецкий М. Паралогии: трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 848 с.

About Citizenship [Электронный ресурс] // Association for Citizenship Teacher. – URL: <http://www.teachingcitizenship.org.uk/about-citizenship>.

Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Sixth revised edition. – Oxford University Press, 2000. – 1552 p.

Ravenhill M. Pool (no water). Citizenship. – London: Methuen Drama, 2006. – 88 p.

Wiles D. Theater and Citizenship: The History of a Practice. – Cambridge University Press, 2011. – 268 p.

Мезенцева Т.А.

Екатеринбург, Россия

**ФОРМИРОВАНИЕ
ТЕКСТОВЫХ
ЭКСПРЕССИВНОСТИ И
ЭМОТИВНОСТИ В
ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ
РОМАНОВ Ч. ДИККЕНСА**

Аннотация. Данная статья описывает процесс воссоздания экспрессивности и эмотивности оригинального художественного текста в вариантах перевода. Автор предлагает анализ экспрессивных и эмотивных характеристик двух переводов романов Чарльза Диккенса: «Посмертные записки Пиквикского клуба» (выполнен А.В. Кривцовой и Е. Ланном) и «Большие надежды» (выполнен М. Лорие).

Ключевые слова: перевод художественного текста, текстовая экспрессивность, текстовая эмотивность.

Сведения об авторе: Мезенцева Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Уральский государственный экономический университет.

Контактная информация: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62, к. 519; e-mail: tanya_mezentseva@mail.ru.

Mezentseva T.A.

Ekaterinburg, Russia

**THE FORMATION OF THE
TEXT EXPRESSIVENESS AND
EMOTIVENESS IN THE
RUSSIAN TRANSLATIONS OF
CHARLES DICKENS'S
NOVELS**

Abstract. This article describes the process of reconstruction of expressiveness and emotiveness of the original literary text in the translation variants. The author presents the analysis of expressive and emotive features of two translations of Charles Dickens's novels: "The Posthumous Papers of the Pickwick Club" (translated by A.V. Krivtsova and E. Lann) and "The Great Expectations" (translated by M. Lorie).

Keywords: translation of the literary text, text expressiveness, text emotiveness.

About the author: Mezentseva Tatyana Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Ural State University of Economics.

Репрезентация эмоций и чувств играет важную роль в содержательной структуре художественного текста. Л.Г. Бабенко подчеркивает значимость категории эмоциональной текстовой тональности: «Совокупность эмоциональных тонов текста не

производит впечатления случайного, хаотического набора. В тексте все упорядоченно, и эмотивные смыслы в том числе. Ключом к этому служит авторская концепция, то, ради чего и создается текст. Именно она определяет иерархию эмотивных смыслов в тексте и тем самым и определяет доминанту в их многоголосии, тем самым фактически задает общую эмоциональную тональность текста, которая по своему генезису интенциональна, порождена мировидением автора» [Бабенко 2004: 239-240]. Конкретная эмоциональная тональность определяется как на уровне отдельных фраз, так и на уровне всего текста.

Т.И. Сильман делает акцент на высокой эмоциональности и интенсивной текстовой эмотивности произведений Чарльза Диккенса: «В зависимости от характера произведения и конкретного задания стиль этот может носить различную окраску: он может быть элегическим, или патетическим, или же чисто лирическим и т.п. Но он всегда будет пронизан мелодией чувства. Это область так называемых синтаксических фигур, которые и осуществляют музыкальное звучание диккенсовской прозы. Сюда относятся различного рода синтаксические параллелизмы, а также всевозможные повторы отдельных слов и словосочетаний на фоне синтаксически сходных структур: начальные (анафорические), финальные (эпифора), кольцевые, подхваты и т.д., достигающие у Диккенса величайшего разнообразия и эмоциональной насыщенности» [Сильман 1970: 359-360]. Произведения писателя являются хранилищем огромных лексиконов эмотивных языковых средств, в изобилии использующихся им для создания портретов персонажей и текстовых описаний.

Необходимо отметить, что два рассматриваемых русских перевода романов Ч. Диккенса – перевод «Посмертных записок Пиквикского клуба», выполненный А.В. Кривцовой и Е. Ланном, и перевод «Больших надежд», осуществленный М. Лорие, сделаны переводчиками, относящимся к переводческим школам, применявшими различные принципы и методы перевода художественного текста.

К.И. Чуковский в работе «Высокое искусство» весьма критично рассматривает перевод романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба», выполненный А.В. Кривцовой и Е. Ланном: «Перевод (сделанный Евгением Лан-

ном совместно с А.В. Кривцовой) напечатан очень большим тиражом в тридцатитомном Собрании сочинений Ч. Диккенса, и хотя каждая строка оригинального текста воспроизведена здесь с математической точностью, но от молодой, искрометной и бурной веселости Диккенса здесь не осталось и следа. Получилась тяжеловесная, нудная книга, которую нет сил дочитать до конца, – то есть самый тяжелый перевод из всех существующих, а пожалуй, из всех возможных. Вместо того, чтобы переводить смех – смехом, улыбку – улыбкой, Евгений Ланн вкупе с А.В. Кривцовой перевел, как старательный школьник, только слова, только фразы, не заботясь о воспроизведении живых интонаций речи, ее эмоциональной окраски» [Чуковский 1964: 55].

К.И. Чуковский сравнивает перевод А.В. Кривцовой и Е. Ланна с переводом «Посмертных записок Пиквикского клуба», выполненным в XIX веке Иринархом Введенским, и оценивает последний как более приближенный к оригиналу по языковой и художественной стилистике: «Хотя в его переводе немало отсебятины и промахов, все же его перевод гораздо точнее, чем ланновский, уже потому, что в нем передано самое главное: юмор. (...) Я не говорю, что перевод Иринарха Введенского – образцовый. Повторяю: у него очень много изъянов, и рекомендовать его читателям никак невозможно. Я только хочу сказать, что по всей своей душевной тональности он неизмеримо ближе к великому подлиннику, чем педантически «точная», тщательная, но совершенно бездушная версия, изготовленная буквалистами в последнее время» [Чуковский 1964: 56].

Но, в отличие от переводов А.В. Кривцовой и Е. Ланна, К.И. Чуковский дает очень высокую оценку переводам М. Лорие, в частности, выполненному ей переводу романа Ч. Диккенса «Большие надежды»: «Одним из наиболее талантливых, авторитетных и опытных мастеров перевода справедливо считается Мария Лорие. Ей принадлежит перевод романа Диккенса «Большие надежды». Очень художественный перевод, образцовый.» [Чуковский 1964: 141].

Подобно К.И. Чуковскому, Н.Я. Галь полагает, что можно наблюдать утрату авторского юмора в «буквалистских» переводах, и в том числе в переводе «Посмертных записок Пиквикского клуба» А.В. Кривцовой и Е. Ланна: «А между тем, как верно

и талантливо, умно и проникновенно, с каким блеском воссозданы на русском языке нашими лучшими мастерами другие его романы! Рядом с ними злополучные переводы буквалистов выглядят плачевно: чуть не по полстраницы занято не текстом самого Диккенса, а сносками и примечаниями к «принципиально» оставленным без перевод словам, объяснениями того, что же должны означать *гиг*, *бидл*, *атторней*, *солицитор* и прочее» [Галь 1987: 55-56].

Так же, как и К.И. Чуковский, Н.Я. Галь характеризует перевод романа Ч. Диккенса «Большие надежды», выполненный М. Лорие, как эталонный, и приветствует ее переводческие приемы: «Ломать традиции порой необходимо. Даже очень старые. Чуть не сто лет у нас широко известны были «Большие *ожидания*» Диккенса, а в новом переводе выбран менее признанный прежде, но более правильный вариант: «Большие *надежды*»» [Галь 1987: 55-56].

Можно согласиться в целом с оценкой К.И. Чуковским и Н.Я. Галь двух подходов к переводу текстов Чарльза Диккенса – четкое, последовательное следование оригиналу у А.В. Кривцовой и Е. Ланна в переводном варианте романа «Посмертные записки Пиквикского клуба» и весьма свободный подход к воспроизведению языковых средств оригинального текста, с тенденцией к адекватной передаче текстовой экспрессивности оригинала через комплекс эквивалентных языковых средств, но без цели максимально прямого соответствия языковых средств переводящего языка языковым средствам оригинала, у М. Лорие в переводе романа «Большие надежды». Однако определенно приходится возражать против категорически отрицательных отзывов, которые К.И. Чуковский и Н.Я. Галь дают более близкому в передаче языковых средств переводу А.В. Кривцовой и Е. Ланна, и того безоговорочного предпочтения, которое авторы оказывают переводу со свободной передачей языковых средств и более многочисленными переводческими трансформациями, сделанному М. Лорие.

Действительно, в ходе чтения оригинального текста Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» и русского перевода этого романа, сделанного А.В. Кривцовой и Е. Ланном, можно обнаружить некоторое снижение текстовых динамики,

экспрессивности и выразительности языковых средств в переводном тексте. Во многом в тексте перевода действительно утрачены диккенсовские интенсивный поток ярких фраз, языковая игра и фразеологическая образность, но это наблюдается при том условии, что текст оригинала в переводе воссоздается очень бережно, с максимально возможным сохранением полных межъязыковых эквивалентов в переводном тексте. Переводчик всегда неизбежно встает перед выбором, какую из двух стратегий предпочесть – либо несколько потерять в оригинальной экспрессивности и эмотивности, стилевой индивидуальности текста, но сохранить в тексте перевода конкретные оригинальные индивидуально-авторские языковые образы и речевые характеристики, либо отходить от непосредственно оригинальных авторских языковых конструкций, но при этом стремиться в более свободном переводе воссоздать, средствами переводящего языка, стилевое единство оригинального текста. А.В. Кривцова и Е. Ланн предпочитают первый вариант, детального следования подлиннику, а М. Лорие выбирает технику свободного перевода, с отходом от буквального воспроизведения речевых структур, наряду с сопутствующей компенсацией стилевых потерь в процессе перевода текста на другой язык путем добавления дополнительных экспрессивных и эмотивных языковых средств, отсутствующих в тексте оригинала. Но при этом в переводе М. Лорие многие образы, компенсирующие в переводе оригинальную авторскую экспрессивность и эмотивность, уже, увы, не принадлежат непосредственно перу Диккенса, а их авторство остается за переводчицей романа, что, однако, в данном случае является неизбежной платой за воссоздание выразительности подлинника в переводном тексте.

Существование различных переводов одного и того же произведения дает читателям и, особенно, специалистам в области литературоведения, возможность ознакомиться с творчеством писателя, исходя из разнообразных, альтернативных вариантов перевода его произведений, выполненных с учетом различных переводческих методик и на основе различающихся принципов перевода художественных текстов.

Перевод, максимально близкий к тексту оригинала, в основном воспроизводящий его языковые структуры, дает нам

наиболее детальное впечатление о речевой манере писателя, о системе предпочитаемых им языковых средств, представляет нам почти полный эквивалент конкретных образов, описаний, речевых характеристик персонажей, присутствующих в оригинале, но такой перевод может терять в текстовой выразительности; перевод, отходящий от детального воссоздания оригинала, в том числе с отходом от в наибольшей степени возможного идентичного воспроизведения уровня языковых средств, выполняемый с установкой на максимально достижимую эквивалентную языковую передачу каждого текстового фрагмента, может терять в точности воспроизведения индивидуальной речевой авторской манеры, но, за счет компенсаций средствами переводящего языка, в надлежащей мере передавать стилевую манеру писателя и в полном объеме воспроизводить в переводе эмотивность, экспрессивность и художественную окраску оригинала.

Зачастую невозможно на практике в полной мере добиться двух целей одновременно: и сохранить предельную языковую верность оригиналу, и достичь в переводе лингвистической и художественной выразительности оригинального текста, которые, по сути, в совершенстве воспроизводятся в переводном тексте только за счет отступления от прямых межъязыковых соответствий при передаче авторских выразительных языковых средств. И переводчик неизбежно вынужден осуществить свой выбор между этими двумя основными методическими подходами к переводу художественного текста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста: основы теории, принципы и аспекты анализа. – М., 2004. – 464 с.
- Галь Н.Я. Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора. – М., 1987. – 272 с.
- Сильман Т.И. Диккенс. – Ленинград, 1970. – 376 с.
- Чуковский К.И. Высокое искусство. – М., 1964. – 356 с.

УДК 811.112.2'255.2:821.161.1-1(Цветаева М.)

Чигирин Е.А.

Воронеж, Россия

**КОНЦЕПТ «СУДЬБА» В
ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ И
ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В
ПЕРЕВОДАХ НА НЕМЕЦКИЙ
ЯЗЫК**

Аннотация. В статье описывается концепт «судьба» в творчестве М.Цветаевой. Выявляется его лингвокультурная специфика в оригинальном тексте и в переводах на немецкий язык.

Ключевые слова:

концепт, культура, перевод, рецепция, художественный мир поэта.

Chigirin E.A.

Voronezh, Russia

**THE CONCEPT «FATE» IN
M. TSVETAEVA'S POETRY
AND ITS REFLECTION IN
TRANSLATION INTO
GERMAN**

Abstract. The concept "fate" in M. Tsvetaeva's works is presented in the article. Linguocultural features of the concept in original texts and their translations into German are examined.

Keywords:

concept, culture, translation, reception, poet literary scene.

Сведения об авторе: Чигирин Евгений Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков.

Место работы: Воронежский государственный университет инженерных технологий.

Контактная информация: 394036, г. Воронеж, пр. Революции, 19;
e-mail: chigirin_e@rambler.ru.

About the Author: Chigirin Evgeny Anatolievich, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Foreign Languages Department.

Place of employment: Voronezh State University of Engineering Technologies.

«Судьба» – это понятие философского, религиозного и общечеловеческого плана. Размышления о феномене «судьба» представлены в работах античных философов (Плутарх, Цицерон), средневековых мыслителей (Т. Гоббс, Г.В. Лейбниц), в научных исследованиях современных философов (О.Е. Баксанский, М.Н. Эпштейн и др). В современной лингвистике были также неоднократно предприняты попытки понимания и интерпретации концепта «судьба» на материале различных языков (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, М.М. Маковский, Т.В. Топорова).

Многомерная структура концепта как на уровне индивидуального, так и национального сознания, находится в постоян-

© Чигирин Е.А., 2015

ной динамике, фрагментарные срезы которой периодически фиксируются в толковых словарях. Однако, очевидно, что любое, самое подробное толкование того или иного слова несоизмеримо беднее наполнения сопряженного с ним концепта, формируемого не только реалиями повседневной жизни, но и не в последнюю очередь художественными средствами.

«Судьба» является одним из ведущих концептов художественного мира М. Цветаевой [Маслова 2004: 155-158], что подтверждается достаточно высокой частотностью употребления этого слова в ее текстах. Неслучайно М. Цветаева пишет: *«У каждого свое повторяющееся бытие в жизни. Это и есть «судьба»* [Неизданное 1997: 235].

Языковой концепт «судьба» будет пониматься в данной статье как *смысл* имени, существующий в контексте: а) русской культуры; б) художественного мира поэта; и реализующийся в процессе рецепции поэзии Марины Цветаевой на родине и немецкоязычном мире.

Уже на уровне внутренней формы слова (этимологическом) можно сделать любопытное заключение о том, что значит для русского человека «судьба».

Слово «судьба» восходит к старославянскому *сѣдба*. Слово «судьба» в древнерусском языке известно с XI в., но чаще всего оно употреблялось со значениями «суд», «судилище», «правосудие», «приговор» [Черных 2002: 216-217]. В словарях В.И. Даля и Д.Н. Ушакова приводятся примеры, в которых судьба представлена как активная действующая сила. В них судьба входит в тематическое поле, которое можно определить как зло, несчастье, смерть. Сравните у В.И. Даля: «Судьба руки свяжет»; «Судьба моя, судьба, судбинушка злая!» [Даль 1991: 356]; у Д.Н. Ушакова: «Мне судьбина умереть в грусти одинокой» (Жуковский); «И где мне смерть пошлет судьбина?» (Пушкин) [Ушаков 1999]. Нельзя не упомянуть и устойчивые выражения «удары судьбы», «превратности судьбы», «от судьбы не уйдешь». Т.е. можно заключить, что русское восприятие «судьбы» всегда соотносилось с чем-то неминуемо страшным, с тем, что не зависит от воли человека.

Концепт «судьба» в современном немецком языке может быть представлен ядерной лексемой «Schicksal» и синонимич-

ными единицами, которые могут выступать в качестве практически равнозначного заместителя или же находиться в гипонимической связи, раскрывая отдельные смыслы концепта «Schicksal» – «судьба».

Как указывает О.Г. Лавренченко, в качестве синонимичных единиц могут рассматриваться лексемы: 1) Geschick – судьба, участь, рок; 2) Los – участь, доля; 3) Fügung – стечение обстоятельств; 4) höhere Macht – высшая сила; и периферийные смыслы: Anordnung – предопределение; Gunst – благосклонность; Ungunst – неблагосклонность; Lebensbestimmung – определение жизни; Zufall – случай; Verhängnis – злая судьба; Ereignisse, die das Leben bestimmen – события, определяющие жизнь и др. [Лавренченко 2001: 77-78].

Судьба – это предопределение, фатальное стечение обстоятельств, которое сам человек изменить не может, ибо эта участь дается ему от рождения высшими силами: *«Ведь шахматные же пешки! И кто-то играет в нас»* [Цветаева, III 1994: 43]. Впрочем, понимание М. Цветаевой собственной судьбы не оставалось неизменным и однозначным. В своем раннем творчестве она представляет судьбу как «златокудрую Фортуну», которая заботливо опекает ее лирическую героиню:

*Даны мне были и голос любый,
И восхитительный выгиб лба.
Судьба меня целовала в губы,
Учила первенствовать судьба.*

[Цветаева, I 1994: 197].

Однако позднее в своих стихах М.Цветаева подводит читателя к таким понятиям как рок, трагедия, одиночество, сиротство, жертвенность, которые в ее языковом сознании связаны с концептом «судьба». Цветаевский рок – это прежде всего стихи, но не просто как отвлеченное творчество, а бытие: *«Всякая строчка – сотрудничество с «высшими силами», и поэт – много, если секретарь!»* [Цветаева, VII 1995: 183].

Она воспринимает свое одиночество как судьбу поэта:

*Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе...*

[Цветаева, I 1994: 178].

А в стихотворении «Роландов рог», написанного в марте 1921 года, поэт декларирует свое одиночество еще жестче:

*Как нежный шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве ...*

*За князем – род, за серафимом – сонм,
За каждым – тысячи таких как он...*

...Одна из всех – за всех – противу всех!

[Цветаева, II 1994: 10].

Позиционируя себя как творческую личность, представительствующую от «искусства поэзии» вообще, М. Цветаева признавала и утверждала власть стихии, а это – судьба, которая определяет не только жизненный путь, но и творческое поведение поэта. Смысл этой стратегии, по Цветаевой, – отдаться стихии, вследствие чего Поэт становится ее добровольной жертвой, которой оплачен прорыв в божественную природу поэзии как высшего аналога бытия.

– ибо путь комет –

Kometen-Flug,

*Поэтов путь: жжя, а не согре-
вая,
Рвя, а не возвращивая – взрыв и
взлом, –
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!*

*Poeten-Flug: er brennt, doch ohne
Wärme
Pflückt ab, doch zieht nicht auf – er
sprengt, bricht ein!
Die Bahn, gekrümmt, geschweift,
Poet, dein Schwärmen
Trägt kein prognostischer Kalender
ein!*

[Zwischen uns... 1994: 42-43].

Поэтов путь – «путь комет», «стезя, гривастая кривая».

В эссе М. Цветаевой «Поэт и время» читаем: «...*Всякий поэт по существу эмигрант... Эмигрант Царства Небесного и земного рая природы*» [Цветаева, V 1994: 335]. Будучи оторванной от родной земли, находясь в эмиграции, она пишет стихотворение «Родина» (1932 г.):

*Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь
Рок, что повсюду, через всю
Даль – всю ее с собой несу!*

*Die Ferne, wie der Schmerz, ererbt,
Ist so sehr Heimat und so sehr
Geschick, daß überall, bis in
Die fernste – Sie ist, wo ich bin.*

[Ausgewählte ...1989: 153].

Родина для нее, несмотря на географическую удаленность и недостижимость – близь, дом, поскольку любовь к ней – часть существа лирической героини, «прирожденная, как боль». Эта любовь-боль – ее рок, довлеющий над ней. В немецком переводе, выполненном Эльке Эрб, концепт «рок», отличающий русское сознание представлен словом «Geschick». В немецкой ментальности данная лексическая единица раскрывает смысл предопределения судьбы, с которым коррелирует русский «рок».

Достаточно сложная художественная система поэта представляет собой постоянную взаимосвязь различных образов. Так, тема судьбы очень ярко высвечивается в стихотворении «Рябину рубили зорькою...»:

*Рябину
Рубили
Зорькою.
Рябина –
Судьбина
Горькая.
Рябина –
Седыми
Спусками ...
Рябина!
Судьбина
Русская.*

*Den Vogelbeerbaum
Fällten sie
Im Morgengrauen.
Den Vogelbeerbaum –
Das bittere
Geschick.
Der Vogelbeerbaum –
Die Welle,
Ergraut ...
Vogelbeerbaum!
Das russische
Geschick.*

[Versuch... 2002: 130-131].

Основной позицией стихотворения, усиленной четырехкратным повтором, становится *рябина*. Посредством рифмы тесно увязываются между собой в сознании русскоязычного читателя слова *рябина* и *судьбина*, подчеркивая, что в тексте слово

рябина представляется в качестве символа трудной судьбы – судьбины, т.е. поэтический образ у М. Цветаевой практически не трансформируется.

Тема рябины-судьбы и тема гибели ярко выражают идею предопределенности и осмысливаются автором как собственная судьба, соединенная с судьбой народной, русской судьбой. В немецком переводе, также выполненном Эльке Эרב, цветаевский концепт «судьбина» представлен в виде лексемы «Geschick». По-нашему мнению, в целом эта лексема отражает устойчивую коннотацию русской судьбины в данном контексте, связанную со смертью. Хотя далеко не каждому немецкоязычному читателю известно насколько знаково здесь представляется *рябина, которую рубят*, учитывая, что в русской поэзии *рябина* – символ испытаний и тревог.

Как показывает анализ, переводчики текстов М. Цветаевой стараются максимально приблизиться к концептосфере поэта, но если в отношении смыслового содержания немецкий перевод концепта «судьба» совпадает с оригиналом, то в плане эмотивного содержания не соотносится с русским инвариантом.

Таким образом, описание концепта «судьба» позволяет выявить его лингвокультурную специфику в творчестве М. Цветаевой и проследить по ходу анализа переводных произведений за некоторыми тенденциями развития русско-немецкого межкультурного диалога.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. – М.: Русский язык, 1991.
- Лавренченко О.Г. Концептуальная структура понятия «судьба» // Филология и культура: мат-лы III Международ. науч. конф: в 3 ч. Ч. 2. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – С.77-78.
- Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: электронная версия 4-томного словаря. – ЭТС, 1999.
- Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Эллис Лак, 1994-1995. – Т. 1-7.

Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради / подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б.Коркиной и И.Д.Шевеленко. – М., Эллис Лак, 1997. – 640 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. – М.: Русский язык, 2002.

Zwetajewa M. Ausgewählte Werke. Band I. Lyrik. (Hrsg. von E. Mirowa-Florin, A. Saakjanz) – München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1989; Berlin: Verlag Volk und Welt, 1989.

Zwetajewa M. Versuch, eifersüchtig zu sein. Gedichte. Russisch und deutsch. (Hrsg. von I. Rakusa) – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002.

M. Zwetajewa Zwischen uns – die Doppelklinge (Gedichte russisch-deutsch). – Leipzig: Reclam Verlag, 1994.

ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ УрГПУ основан в 1937 году. Является ведущим образовательным учреждением в области преподавания иностранных языков и повышения квалификации преподавателей вузов и учителей в Уральском регионе, а также готовит специалистов в сфере устного и письменного перевода. Лицензирован и аккредитован. Имеет давние и прочные связи с зарубежными образовательными учреждениями и центрами, многолетние традиции научного и культурного обмена с Германией, Австрией, Францией, Великобританией и США; тесно сотрудничает с факультетами иностранных языков и кафедрами С.-Петербурга, Москвы, Н.Новгорода, Н. Тагила и др. городов РФ. Имеет высокий рейтинг в научном мире.

В состав ИИЯ входят **5 специализированных кафедр**:

- английского языка, методики и переводоведения
- английской филологии и сравнительного языкознания,
- немецкой филологии,
- романских языков,
- профессионально-ориентированного языкового образования,

а также

- 4 ресурсных языковых центра (немецкий, французский, испанский, австрийский),
- магистратура,
- аспирантура, докторантура,
- центр дополнительного образования,
- подготовительные курсы (уровень ЕГЭ).

Научные школы

Научные исследования в институте проводятся в рамках комплексных тем: "**Типологические аспекты функционирования и эволюции языков**", "**Оптимальные технологии обучения иностранным языкам в системе профессионального образования**". Исследования проводятся в двух направлениях: 1) сопоставительное языкознание; 2) теория и методика обучения ИЯ.

Оба направления соответствуют профилю подготовки специалистов, бакалавров, магистров. Результаты исследования реализуются в учебном процессе УрГПУ, вузов Свердловской области и Уральского региона.

К настоящему моменту сформировались несколько научных школ института:

профессора И.А.Гиниятуллина – "Методика самостоятельной учебной деятельности"

профессора З.И.Комаровой – "Сопоставительное терминоведение"

профессора Н.В.Пестовой – "Сопоставительная лингвистическая поэтика"

профессора Н.А.Пирогова – "Сравнительно-историческое, типологическое,

сопоставительное языкознание"

профессора Н.Н.Сергеевой – "Методика обучения иностранным языкам в системе

профессионального образования"

профессора В.П.Хабирова – "Креолистика и социолингвистика"

профессора Е.В.Шустрова – "Когнитивная лингвистика"

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Актуальные проблемы германистики, романистики, русистики»

ПРОВОДИТСЯ ЕЖЕГОДНО В ПЕРВЫЕ ПЯТНИЦУ-СУББОТУ ФЕВРАЛЯ

Материалы по итогам конференций размещаются в электронной

библиотеке ИИЯ УрГПУ <http://ifl.uspu.ru/lib>

Мы всегда рады видеть Вас среди участников!

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИСТИКИ,
РОМАНИСТИКИ И РУСИСТИКИ**

Часть I

МАТЕРИАЛЫ

ежегодной международной научной конференции
30-31 января 2015 года
г. Екатеринбург, Россия

Подписано в печать _____. Формат 60x84/16.
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 17,9. Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 500 экз.
www.uspu.ru

Оригинал-макет О. В. Быкова

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
623750 г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22. Тел. (34364) 2-25-03
Заказ № 2015 г.